
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СЛАВА ВЕЛИКОМУ
СТАЛИНУ!

СТАЛИН — ЭТО МИР!

Рисунок художника Б. Пророкова

К предстоящему Второму Всемирному конгрессу сторонников мира товарищество художников «Советский график» выпускает альбом рисунков художника Б. И. Пророкова, посвященных борьбе за мир. Здесь публикуется заглавный лист альбома.

Все, кто безвестен, кто прославлен,
Кто юн и кто от лет суров,
Всегда и всюду в слове Сталин
Мы слышим будущего зов.

В нем мудрость времени живая,
Опередившая века.
Мы в жизнь вступали, сознавая,
Что с ним дорога широка!

Н. РЫЛЕНКОВ

На первой странице обложки: на демонстрации. Фото В. Евграфова.
На последней странице обложки: Москва праздничная. Рис. В. Климашина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 45 (1222) 5 НОЯБРЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

ТОРЖЕСТВО ВЕЛИКИХ ИДЕЙ

Ал. СУРКОВ

Во всеоружии победоносного опыта строительства нового, коммунистического общества встречают народы Советского Союза тридцать третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой и героический путь пройден народами нашей Родины за эти годы. И тем радостнее нам, советским людям, оглядываясь назад, сопоставлять наше радостное сегодня с тем, от чего ушли мы, перешагнув огненный рубеж Октября, видеть торжество великого дела Ленина — Сталина, торжество идей коммунизма.

Тридцать три года существования нового, социалистического общественного строя ярко показали его преимущества перед капиталистическим строем, еще господствующим во многих странах мира.

Новому общественному строю, созданному трудящимися нашей Родины под руководством большевистской партии, по мудрым предначертаниям гениальных зодчих коммунизма Ленина и Сталина, обязаны мы превращением отсталой, полуколониальной России в могучее, первое в мире социалистическое государство.

Новой, социалистической системе, неизмеримо поднявшей экономическую мощь нашей Родины, сделавшей всех граждан и все народы Союза равноправными, обязаны мы всемирно-исторической победой над немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами в годы Великой Отечественной войны.

Новая, социалистическая система является основой тех блистательных побед на фронте мирного, созидательного труда, которых достигли мы под водительством партии большевиков, товарища Сталина в послевоенные годы.

Ни одна из стран мира не вложила такой огромной доли усилий и жертв в дело освобождения человечества от коричневой чумы фашизма, как наша Родина. Ни одной из стран мира минувшая война не нанесла таких глубоких ран, как нашей стране, где сотни городов и тысячи селений были превращены в пепелища и руины, где на необозримых пространствах была создана врагом страшная «зона пустыни». И нет такой страны в мире, которая бы сравнилась с нашей страной по широте размаха и быстроте восстановления разрушенного войной.

В послевоенные годы, подводя итоги своего труда, мы видели, как, обгоняя намеченные сроки, шел процесс восстановления, как невиданно быстро достигли мы того, что имели накануне войны, как, перешагнув за довоенный уровень, стремительно шагали во всех областях жизни к новым рубежам и неуклонно приближались к коммунизму.

Товарищ Сталин в своем выступлении 9 февраля 1946 года, определяя экономическую программу перехода к коммунизму, говорил о том, что нам нужно в течение 15—20 лет довести ежегодное производство чугуна до 50 миллионов тонн, стали — до 60 миллионов тонн, угля — до 500 миллионов тонн, нефти — до 60 миллионов тонн. Эта программа, предусматривающая троекратное превышение довоенного уровня нашей экономики, открыла для народов нашей страны кратчайшие пути вступления во вторую фазу коммунизма и в то же время является гарантией от всяких случайностей извне.

Итоги, с которыми наша Родина вступает в тридцать четвертый год существования советского строя, убедительно показывают успешное выполнение трудящимися экономической программы, начертанной вождем.

Недавно опубликованное Сообщение об итогах третьего квартала 1950 года снова подтверждает неуклонный рост экономической мощи нашего государства, рост материального благосостояния трудящихся, новые достижения в области социально-культурного строительства. За девять месяцев 1950 года валовая продукция всей советской промышленности возросла в сравнении с соответствующим периодом 1949 года на 22 процента; в сельском хозяйстве, несмотря на неблагоприятные условия погоды в ряде районов, валовой урожай зерновых культур собран на уровне прошлого года, а по техническим культурам и животноводству отмечается значительный прирост по сравнению с прошлым годом. Основные зерновые районы уже выполнили и перевыполнили планы хлебозаготовок. Цифры пополнения машинного парка в сельском хозяйстве новыми 130 тысячами тракторов, 33 тысячами комбайнов, 66 тысячами грузовых автомобилей и одним миллионом тремя стами тысячами прицепных и иных сельскохозяйственных машин показывают возросшую мощь материально-технической базы социалистического земледелия. На этой базе успешно осуществляется объединение мелких колхозов в крупные и мощные хозяйства.

Эти величественные итоги говорят о том, что трудящиеся СССР свято выполняют завет товарища Ленина, который еще накануне Октябрьской революции говорил о необходимости «...догнать передовые страны и перегнать их также **и экономически**», что они руководствуются памятными словами товарища Сталина: «Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».

Исторические решения Совета Министров СССР о создании лесных полос, о строительстве новых гигантских электростанций на Волге — под Куйбышевом и Сталинградом, на Днепре — под Каховкой, равно как и постановление о строительстве Большого Туркменского канала, есть новая веха на пути к коммунизму, знаменующая собой гигантский размах усилий, направленных на преобразование природы, увеличение плодородия почвы и несравненное увеличение энергетических ресурсов промышленности и сельского хозяйства. Только две волжские гидростанции дадут в десять с лишним раз больше энергии, нежели все электростанции дореволюционной России.

Огромные достижения в промышленности и сельском хозяйстве в послевоенные годы есть результат высокого патриотического подъема трудовой активности советских людей. Страна наша по праву гордится передовиками промышленности — Российским, Чутких, Борткевичем, Ворошиным, Корабельниковой, Пономаревым, инженером Ковалевым и тысячами других стахановцев, рационализаторов, застрельщиков новых методов труда в промышленности, имена которых широко известны далеко за пределами страны. Коллективный стахановский труд уже стал достоянием многих предприятий нашей страны. Тысячи Героев Социалистического Труда, передовых людей сельского хозяйства идут в авангарде многомиллионной массы колхозников, мастеров высоких урожаев, чьему труду мы обязаны возрастающим из года в год изобилием продуктов питания и сырья для нашей промышленности.

«Наша революция,— говорил товарищ Сталин в своем выступлении на Всесоюзном совещании стахановцев,— является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции».

Ныне, в послевоенные годы, когда в странах капитализма изо дня в день труднее становится жить трудящимся, изнуряемым непосильными налогами, идущими на гонку вооружений, когда там катастрофически растет число голодающих и недоедающих, когда безработица даже в цитадели капиталистического мира — США — уже перевалила за полтора десятка миллионов людей, не имеющих работы, особенно близки и понятны нам эти слова товарища Сталина. Невзирая на огромные затраты на восстановление разрушенного войной, несмотря на гигантские капиталовложения в промышленность и осуществление грандиозных мероприятий по преобразованию природы, из года в год улучшается жизнь советских людей, растет их материальное благосостояние, растут возможности удовлетворения их культурно-бытовых потребностей. Наша страна после войны первая в мире пришла к отмене нормирования снабжения и карточной системы. Троекратное снижение цен, последовавшее за денежной реформой, укрепившей советский рубль, стало источником непрерывного роста зажиточности трудящихся города и деревни.

Вот почему советские люди так ценят МИР, как единственную возможность сосредоточения всех творчески созидательных усилий на достижении все новых и новых успехов в строительстве коммунизма, успехов, несущих трудящимся все новые возможности улучшения их жизни, светлое будущее для их детей и внуков.

Вот почему наша Родина, могучая и сильная, способная дать вооруженный отпор любому хищнику, который осмелился бы посягнуть на ее честь и достоинство, последовательно и твердо борется за мир и дружбу между народами, зовет народы встать единым фронтом на пути империалистических хищников, грозящих ввергнуть земной шар в ужасы новой кровавой бойни.

Стремление к миру между народами, ненависть к войне заложены в самой природе нашего нового общества. Об этой особенности нашего общества, задолго до его возникновения, пророчески писал Карл Маркс в первом воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне:

«...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — **мир**, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — **труд!**»

С первых же дней своей жизни наше молодое государство неустанно и последовательно боролось и борется за мир. Недаром одним из первых декретов советского правительства был декрет о мире.

В первые годы существования советской власти товарищ Ленин говорил: «Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты». И в другом месте мы читаем: «Вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне».

Друг и верный ученик Ленина товарищ Сталин, вдохновитель мирной внешней политики нашего государства, развивая мысль о возможности мирного сотрудничества двух систем, говорил:

«Впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным... Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина».

Последовательная мирная политика Советской страны противостоит разнузданной пропаганде новой войны, которую ведут во все послевоенные годы империалистические заговорщики против мира. Чувствуя обреченность капитализма, они боятся мирного соревнования двух систем. В погоне за сверхприбылями, в страхе перед неизбежным экономическим кризисом, в страхе перед растущими успехами

Плакат художника В. Корецкого. Издательство «Искусство».

социализма они стремительно, закусив удила, несутся к пропасти. Не безответственные болтуны из продажной прессы, а ответственнейшие представители государства и генералы день изо дня все прямее и откровеннее требуют крови народов. Монтгомери соревнуется с Брэдли, Метьюз — с Макартуром, Черчилль — с Даллесом. Президенты и премьер-министры выступают как вдохновители военной истерии. И под гром площадной демагогии и лжи о Советском Союзе, о новом Китае и о странах народной демократии уже льется кровь народов. Вчера кровь лилась в Индонезии и Греции. Сегодня она, по воле «торговцев смертью», льется в Малайе и Вьетнаме. Зарево разбойничьей войны империалистов США пылает над многострадальной Кореей. Наглые авантюристы все с большим цинизмом пытают терпенье народов, все откровеннее толкают мир в бедствия нового мирового военного пожара.

На костре этого пожара они хотят погреть свои запачканные кровью руки. В пламени новой мировой войны они хотят уничтожить будущее человечества в лице Советского Союза и других стран, вступивших на путь социализма. Под грохот пушек, в угаре войны они хотят огнем и мечом истребить у себя дома миллионы людей, прозревших и встающих на путь борьбы за подлинную свободу, подлинную, нефальсифицированную демократию, за человеческие условия существования для людей труда.

Советский Союз — надежный оплот борьбы за мир. Все взрослое население нашей страны поставило свои подписи под Стокгольмским Воззванием. По всему свету раздался мощный голос Второй Всесоюзной конференции сторонников мира. С напряженным вниманием простые люди всех материков будут следить за ходом Всемирного конгресса сторонников мира, на котором советские делегаты, выполняя наказ пославшего их народа, горячо поддержат программу, отстаивающую безопасность мира, разоблачающую империалистов — злейших врагов человечества.

Как бы ни лгали на нашу страну империалистические поджигатели войны, как бы ни приписывали ей, сваливая с больной головы на здоровую, «тайные замыслы» и «воинственные стремления», никаким «железным занавесом» клеветы и лживых измышлений они не могут скрыть от народов мира сверкающую правду нашей жизни. Люди во всех частях света (а их изо дня в день становится все больше и больше) не могут забыть великого вклада, внесенного Советским Союзом в дело освобождения человечества от порабощения его вчерашними претендентами на мировое господство — гитлеровцами.

Ничто не может укрыть от взглядов миллионов людей за рубежом тот факт, что в послевоенные годы народы нашей страны целиком отдались благородному мирно-созидательному труду для мира и во имя мира и человеческого счастья. Наши помыслы устремлены к развитию духовной культуры народа. Об этом ярко свидетельствуют плодотворные дискуссии по вопросам философии, биологии, языкознания и физиологии. На новую высоту поднята советская и мировая наука гениальными трудами товарища Сталина в области языкознания. Ничто не может помешать миллионам людей в мире увидеть, какие огромные преимущества и блага дает человеку труда созданный нашими народами новый, социалистический общественный строй. Именно этот строй гарантировал народу осуществление невиданной в истории подлинной демократии, еще одним ярким свидетельством чего является начавшаяся в канун Октябрьской годовщины подготовка к выборам в местные Советы. Свободное волеизъявление — неотъемлемое право, которым пользуется каждый советский человек.

И уже не одиночки, не тысячи и даже не сотни тысяч, а целые народы, вдохновленные героическим, созидательным опытом нашего народа, порывают с капитализмом и встают на путь строительства социализма или расчищают дорогу к нему.

С непоколебимой уверенностью в исторической правоте нашего дела и победном торжестве великих идей, которые утверждаются нашим трудом, вступаем мы в новый, тридцать четвертый год строительства коммунизма на одной шестой части земной суши. За нами славные годы борьбы и побед. За нами сила великого исторического опыта, взятого в труде и битвах. С нами множащаяся с каждым днем всемирная армия борцов за будущее — наши друзья из свободного Китая, из братских стран народной демократии. С нами миллионы тружеников и честных людей во всех странах мира.

Для сотен миллионов сторонников мира во всем мире тридцать третья годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — дата, свидетельствующая о том, что есть на земле несокрушимая, укрепляемая с каждым днем мирно-созидательным трудом миллионов крепость мира — Союз Советских Социалистических Республик; что двести миллионов граждан этого бастиона мира исполнены неиссякаемой веры в счастливое будущее человечества и готовности самоотверженно и героически отстаивать дело мира. Во главе этого авангарда всемирной армии борцов за мир идет преданно любимый всеми трудящимися, всеми прогрессивными людьми во всех странах великий зодчий коммунизма и несгибаемый знаменосец мира товарищ Сталин.

С огромной силой звучат вдохновенные Призывы Центрального Комитета большевистской партии:

— Да здравствует наша великая советская Родина — твердыня дружбы и славы народов нашей страны!

— Да здравствует великая партия большевиков, партия Ленина—Сталина, закаленный в боях авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед!

— Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к победе коммунизма!

ОКТЯБРЬ УКАЗАЛ ПУТЬ К МИРУ

Дж. КРОУТЕР
Президент Британского комитета сторонников мира

В эти дни мы возвращаемся мыслью к великим событиям Октября 1917 года, который поднял человечество на новую ступень в его историческом развитии, положив начало созданию социалистического общества. С тех пор прошло 33 года, которым нет равных в человеческой истории по размаху борьбы, по богатству приобретенного опыта.

В этот период, равный возрасту зрелого человека, советский народ ценою беспримерных усилий в напряженном и упорном труде закладывал основы социализма. Социализм не только построен, он не только стал непреложным фактом действительности, но и показал себя как сильная, действенная и плодотворная общественная система.

Была создана новая, мощная социалистическая индустрия. Что являлось еще более труднодостижимым,— возникло передовое, коллективное сельское хозяйство. Эти фундаментальные изменения в судьбе великого народа явились результатом нового взгляда миллионов людей на жизнь, оптимистического, радостного, любовного отношения к труду, горячей преданности делу строительства нового общества. Достижения социализма стали священными для этих миллионов, а старые, капиталистические «ценности» стали презираться, как безнравственные.

Главной силой нового, созидательного советского общества являются сами люди труда. Это новые советские рабочие и крестьяне, цвет социалистической промышленности и сельского хозяйства. Получив неограниченный доступ к образованию, к специальным знаниям, они являются сейчас руководящими государственными деятелями. Они создают и новую интеллигенцию — ученых, писателей, врачей, инженеров.

У них есть, чем гордиться, есть, что рассказать о своих достижениях, о том, как они строили гигантское социалистическое хозяйство, учась на ходу.

В Советском Союзе талантливые люди не отрываются от масс, их породивших. Они идут во главе масс, одновременно служа этим массам. Советские ученые, поэты, инженеры — это представители и выразители талантов своего народа. Как непохоже все это на капиталистические страны, где талантливых людей отделяют от масс, приучают использовать свои способности для эксплуатации простого человека в интересах правящего меньшинства! Там ученые, поэты, инженеры — кроме немногих, составляющих благородное исключение, — вообще больше являются слугами эксплуататорских классов, чем примером высоких человеческих стремлений.

В свете этих особенностей советского общества чудовищной нелепостью выглядят обвинения Советского Союза в агрессивных замыслах. Советское социалистическое общество целиком занято строительством новой жизни. Как может оно думать об агрессии, как может зародиться самая идея агрессии в умах строителей новой промышленности, нового сельского хозяйства, новой науки, новой литературы?! Народ, отдающий все силы, всю волю, все помыслы созидательным задачам, чужд всякой мысли о захвате чужих земель и подчинении других народов. Он негодует, что ему приходится заботиться об обороне от действительных носителей агрессии и отдавать делу обороны средства, которые он мог бы использовать для дела созидания. Найдя путь к новой жизни и двигаясь вперед по этому пути, советский народ заинтересован только в одном: в прочном мире, в спокойном, мирном труде.

Великий урок, которому учит Советский Союз, созданный Октябрьской революцией, состоит в том, что лучший способ добиться мира на земле и устранить самые причины страшных разрушительных войн — это создать справедливый, социальный порядок.

Разве не ясно, что те, кто толкает сегодня человечество к войне, пытаются с ее помощью поддержать существование несправедливой капиталистической системы и именно для этого усиливают производство оружия? Чтобы избежать социальных изменений внутри своих стран, капиталисты пускаются в агрессивные авантюры за рубежом. Мы отчетливо видим это на примере Соединенных Штатов Америки. Там имеется огромная производственная машина, которая действует в интересах немногих, а не народа в целом. Она похожа на гигантский мотор, который работает со страшным грохотом и, того и гляди, разлетится на куски из-за отсутствия регулирующего механизма. В своем безумии правители Америки пытаются отвлечь внимание американского народа от назревших, острых проблем внутри страны, толкая его на преступления против жизни и достояния других народов.

Они хотят, чтобы стремление американского народа и всех других народов к свободе и новому справедливому обществу было потоплено в крови, в оргии разрушений и войны.

Но в наше время они уже не имеют такой свободы рук для осуществления своих коварных замыслов, как раньше. Сегодня капиталистические державы уже не единственные на земле. Благодаря Великой Октябрьской революции существует мощное советское социалистическое государство, существуют государства народной демократии и новый Китай. В мире утвердились огромные силы социализма, которые сдерживают бесконтрольные, хищнические силы капитализма. Благодаря наличию этих новых сил истории, благодаря их росту и расширению стало возможным мирное сосуществование и соревнование двух общественных систем — социализма и капитализма. Капитализм не хочет этого мирного соревнования, боится его, стремится его сорвать с помощью войны. Но, к счастью для человечества, мощные прогрессивные силы уже в состоянии усмирить стихию капитализма, помешать ему сделать наихудшее: развязать новую империалистическую, агрессивную войну. Наличие огромных прогрессивных сил человечества, отстаивающих мир,— это прямое историческое следствие Октябрьской революции.

Эти силы состоят не только из народов Советского Союза, стран народной демократии и Китая; имеются в капиталистических странах сотни миллионов мужчин и женщин, которые возмущены политикой своих собственных правителей, ведущей к агрессии и войне, и готовы противодействовать этой гибельной политике. Движение сторонников мира стало на наших глазах огромной общественной силой эпохи. Оно никогда не смогло бы родиться, если бы 33 года тому назад не было основано первое в истории государство трудящихся, если бы оно не выросло под руководством Ленина и Сталина в могучую социалистическую державу.

Во всемирном движении сторонников мира участвуют и люди, которые не согласны с советским народом в разных вопросах. В рядах движения — люди разных политических взглядов, миросозерцаний, вероисповеданий. В нем участвуют католики, буддисты, социал-демократы, либералы, консерваторы. Все эти люди согласны в одном — они не хотят войны, а хотят мира. Но все эти люди не смогли бы совместно действовать, если бы не было на земле Советского Союза, если бы он не вносил уверенность в движение за мир, встав со всей своей мощью и со всем своим гигантским моральным авторитетом в первые его ряды.

В капиталистических странах движение сторонников мира встречает неисчислимые трудности и препятствия. На борцов за мир клевещут реакционные социал-демократы и профсоюзные лидеры, их травят капиталистическая печать и радио. Жестоко и яростно преследуют их во многих странах реакционные правительства — деятелей движения сажают в тюрьму, лишают работы, отбирают у них заграничные паспорта.

В прошлом мы знали примеры широких общественных манифестаций в пользу мира. Но слабость их проистекала в значительной степени оттого, что эти движения носили изолированный характер. Они были организованы в национальных масштабах, и каждое имело свою особую «политику». Вследствие этого враги мира были в состоянии громить одно национальное движение за другим. Так произошло с известным голосованием за мир в Англии перед второй мировой войной. Было собрано 11 миллионов подписей. Но эта воля британского народа к миру, продемонстрированная во время голосования, была злостно и лживо использована Чемберленом для проведения политики Мюнхена, которая прямо привела к войне.

Сегодня, когда существует

Дж. Кроутер.

единое международное движение сотен миллионов людей за мир, маневры, подобные чемберленовскому, становятся делом нелегким. И в особенности потому, что громко звучит на все страны голос советского народа — первого и признанного поборника мира. Советский Союз неустанно разоблачает поджигателей войны, срывает маски с фальшивых «друзей мира», помогает неисчислимым массам рядовых людей ясно увидеть, кто стоит за мир и кто добивается войны.

У нас, в Британии, к числу злейших врагов движения сторонников мира принадлежат, помимо крупных капиталистов, также и правые социалистические лидеры. Они используют свою власть над организациями британских тред-юнионов и лейбористской партии, чтобы изо всех сил помешать его развитию. Благодаря этому мы, сторонники мира в Британии, встречаемся с особыми трудностями. Наша борьба за мир проводится, так сказать, в одном из центров лагеря войны.

Вот почему мы так счастливы, что Второй Всемирный конгресс сторонников мира откроется 13 ноября в Шеффилде, в Британии. Это позволит британскому народу увидеть своими глазами, каково на деле великое движение человечества за мир. Среди делегатов конгресса трудящиеся Британии увидят промышленных рабочих, крестьян, ученых, художников, инженеров, поэтов, посланных более чем из ста стран. Они услышат простые и справедливые слова о мире, которые не могут не привлечь к себе сердце каждого честного и прогрессивного человека.

Второй Всемирный конгресс состоится в дни, когда империалистические державы создают новое напряжение в международной обстановке, когда они начинают прямые акты агрессии. Тем более громко и обнадеживающе прозвучит для народов призыв Второго конгресса — призыв к борьбе за мир, еще более широкой, еще более настойчивой и решительной!

Мы рады и горды тем, что конгресс будет заседать в Шеффилде, британском городе стали, рабочие которого с искренним чувством восхищения и дружбы к советскому народу выковали меч в подарок героям Сталинграда!

Перевод с английского
А. ПОПОВА

ПУСТЬ И ДЛЯ НАС СВЕТЯТ ЗВЕЗДЫ КРЕМЛЯ!

Великий французский трибун и мыслитель Жан Жорес пророчески писал: «Народ, который первым захочет осуществить построение социализма, подвергнется яростному вооруженному нападению всех сил реакции. И он был бы обречен на поражение, если бы не был готов во-время взяться за оружие и ответить ударом на удар, для того чтобы дать рабочему классу других стран время для организации и укрепления».

В этих словах заключена одна из важных задач нынешней истории. Тридцать три года назад советский народ, приступив к построению социализма в своей стране, одновременно защищал свою страну от прямой и скрытой атаки реакционных сил всего мира.

Политикой изоляции и «санитарного кордона», нападением фашистской Германии и, наконец, нынешней политикой окружения СССР цепью военных баз и политикой гонки вооружения империализм пытался помешать построению социализма в Советском Союзе, пытался и пытается изолировать Советский Союз и раздавить его.

Политика «санитарного кордона» провалилась. Гитлеровская агрессия окончилась полным крахом третьей империи. Политика Трумэна привела империалистов к катастрофическим результатам в Азии, вызвала в Европе обострение внутренних противоречий капитализма.

Решимость и уверенность, с которой советский народ каждый раз, когда это было необходимым, брался за оружие, чтобы отстоять завоевания революции и свою независимость, дали возможность и время рабочему классу других стран организоваться, вырасти и окрепнуть. Границы социализма расширились в Европе вплоть до Дуная, Эльбы и Средиземноморья, а в Азии — до Желтого моря. Весь капиталистический мир переживает кризис. Его агрессивная политика неизменно создает сложную обстановку и серьезную угрозу новой войны. В то же самое время эта политика приводит к росту сил оппозиции, которые крепнут изо дня в день, сплачиваясь вокруг великого движения борцов за мир.

Вот почему в эту тридцать третью годовщину Октябрьской революции особенно сильна вера итальянских трудящихся и трудящихся всего мира в окончательный успех борьбы народов за социализм и мир. Вот почему особенно сильны их признательность и симпатия к Советскому Союзу.

Пусть и для нас светят алые звезды Кремля!

Пьетро НЕННИ,
член Бюро Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира, генеральный секретарь социалистической партии Италии

ВАХТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Из записок делегата Второй Всесоюзной конференции сторонников мира

Никогда прежде я не был в Москве. Только по снимкам и рассказам был знаком мне Колонный зал.

Вот она, эта трибуна, к которой приковано сейчас внимание всего мира, трибуна Второй Всесоюзной конференции сторонников мира.

Мне, рядовому шахтеру, предоставлено почетное право взойти на эту трибуну и говорить от имени тысяч людей.

В эти минуты в Прокопьевске спускается в забои ночная смена. И мне кажется, что я вижу лица товарищей, запорошенные угольной пылью, вижу их сильные руки, поднимающие отбойные молотки. Вахта мира продолжается. Друзья, я с вами, я тоже на вахте! Но сегодня мое оружие — не отбойный молоток, а простое человеческое слово.

Я говорил о том, что записано не в блокноте — в сердце. Шахтеры гневно протестуют против нападения американских империалистов на мирный корейский народ. Убийцы корейских детей не должны уйти от возмездия! И не уйдут!

Я рассказывал о наших шахтерских трудовых ночах во имя мира. О сотне дополнительных эшелонов — о сотне тысяч тонн угля сверх задания, — которыми скрепили стахановцы шахты свои подписи под Стокгольмским Воззванием. Я говорил о нашем обещании дать к светлой Октябрьской годовщине еще тридцать эшелонов сверхпланового угля. Пусть войдет наша продукция составной частью в металл для великих строек коммунизма, для тысяч разнообразных машин, для счастья советских людей!

* * *

Моим соседом по номеру в гостинице оказался комсомолец Сергей Наумкин. Машинист угольного комбайна «Донбасс» ходит в темном парадном кителе с золотистыми петлицами. Делегатом на конференцию послали его горняки шахты «Дельта-2», Ворошиловградской области.

Комбайн «Донбасс»... Давно интересует меня эта замечательная машина, и я с жадностью расспрашиваю Сергея, как он освоил сложный механизм. Узнаю, что Сергей дает в сутки 200 тонн. Вот это производительность!

Мы почти ровесники. Оба были пионерами, оба прошли школу ленинского комсомола.

Вместе с Сергеем и другими товарищами еду в Музей Революции.

Интересные люди в нашей группе.

Шахтер старшего поколения Ефим Иванович Духанин. Юность его прошла в тяжелых условиях. По темным, узким штрекам таскал он санки с углем. «Вся спина была в мозолях, как у быка от ярма!» — рассказывал мне о своем прошлом Духанин. А сейчас этот человек работает машинистом врубонавалочной машины на механизированной и электрифицированной шахте. Он — депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Недавно Ефим Иванович из города Шахты ездил в Чехословакию — делился с чехословацкими шахтерами своим передовым опытом. Побывал он и в Остраве, и в Готвальдове, и в Праге. И всюду его встречали с почетом.

Свинарка Анна Феногеновна Колинько с Украины. Свинарка! В дореволюционные времена самое это слово звучало чуть ли не как оскорбление. Правящие классы старой России не считали свинарок, пастухов за людей. А теперь мы с гордостью произносим: «свинарка — Герой Социалистического Труда». На Украине гремит слава свинофермы колхоза «Новая жизнь», Ворошиловградской области, где работает Колинько. Свиноматки дают по 28—30 поросят. Сколько сделала скромная, тихая Анна Феногеновна для успехов колхозного животноводства! И с каким достоинством носит она на груди свою золотую звездочку!

Долго любуемся чудесными подарками, запечатлевшими безмерную любовь народов к товарищу Сталину.

Потом идем в залы, где собраны документы и реликвии революционной борьбы.

Вот винтовки дружинников пятого года. Вот пулемет системы «Гочкис»; в октябре 1917 года этот пулемет находился на позиции на Воробьевых горах. И неизвестный солдат революции бил из этого пулемета по белогвардейцам.

Накануне мы с Сергеем с восхищением рассматривали в фойе Колонного зала макет строящегося нового здания Московского университета. Величественный храм науки будет воздвигнут на том самом месте, откуда тридцать три года назад бойцы Октября разили врагов революции!

На пожелтевшем листе большевистской газеты мелькнуло набранное крупным шрифтом слово, которое сегодня стало знаменем всего прогрессивного человечества:

«ДЕКРЕТ О МИРЕ».

Вплотную подходим к витрине. Вчитываемся в строки исторического декрета, принятого вторым съездом Советов ночью 26 октября 1917 года:

«...успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Светлой гордостью за нашу партию наполняется сердце. За нашу большевистскую партию, за партию Ленина — Сталина. Это она — первая в истории человечества — бросила клич о мире всем народам земли. Вот где истоки той могучей реки, которая снесет все преграды, воздвигнутые империалистами.

Да, за мир, за мир сражались гвардейцы Октября, и конники Буденного, и сибирские партизаны. Во имя мира поднимались на строительные леса ударники Днепрогэса и Магнитогорска. Мир для всего мира завоевывали солдаты Великой Отечественной войны.

Мы, живые,— наследники тех, кто пал в этих суровых боях. И мы должны быть достойными продолжателями бессмертных подвигов, совершенных отцами и братьями.

* * *

Никогда не забыть мне того вечера, когда конференция утверждала Наказ делегатам, избранным на Второй Всемирный конгресс сторонников мира, и принимала письмо товарищу Сталину.

И хотелось, чтобы во все уголки земного шара долетели эти твердые, торжественные, вдохновенные слова:

«Мир победит войну, потому что знамя этой борьбы — Сталин!»

* * *

Из Прокопьевска пришла телеграмма. Сообщают, что горняки шахты успешно выполняют свои октябрьские обязательства. Еще десять сверхплановых эшелонов отправлены домнам Сталинска!

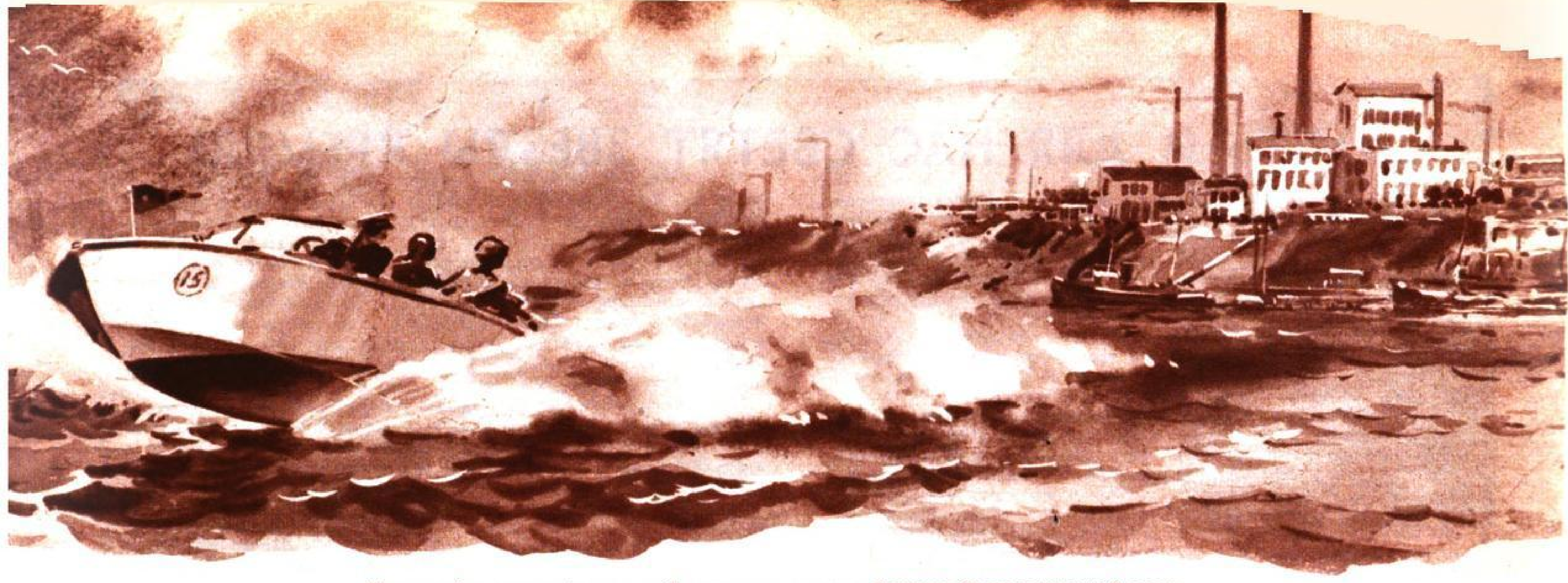
Не я один получаю такие телеграммы. Вот и товарищ Захаров, сталевар из Магнитогорска, обрадован весточкой от коллектива завода: выданы скоростные плавки в честь конференции! Вот и на имя Любови Ивановны Ананьевой, делегатки Глуховского комбината, пришло сообщение о новых производственных достижениях прядильщиц и ткачей. Получены телеграммы о стахановских маршрутах поездов, о новых клубах, школах, электростанциях, названных именем конференции.

Надо торопиться домой, чтобы занять свое место в трудовом строю!

Идем с Сергеем Наумкиным на Красную площадь. Прощаясь с Кремлем, долго смотрим на древнюю зубчатую стену, за которой на круглом куполе правительственного здания полощется освещенный снизу алый стяг. Думаем о том, кто все эти дни незримо присутствовал на конференции, чье имя все время звучало под сводами Колонного зала.

Товарищ Сталин! Обещаем тебе быть достойными солдатами армии мира!

Валентин БАЛАЛАЕВ,
забойщик шахты имени Сталина
Кузбасс.

Маленький глиссер мчится мимо Сталинграда, вздымая фонтаны брызг и кипенной волны...

Путешествие в будущее

Анна КАРАВАЕВА

Рисунки К. Арцеулова.

Теплое осеннее утро. Ржаво-зеленые тона осенней листвы, широкая солнечная гладь Волги и маленький белый глиссер, который мчится мимо Сталинграда, вздымая белые фонтаны брызг и кипенной волны. Вот они, прославленные берега великой русской реки, где героически сражались советские воины под командованием генералов Чуйкова, Родимцева, Людникова... Хочется несчетно раз кланяться этой земле, политой праведной кровью наших героев, перед всем светом прославивших свою Родину.

И—как символично!—именно здесь начнется одна из величайших строек сталинского века.

— Уж близка пристань, — говорит наш спутник.

Мы выходим на берег. Скромный русский пейзаж степной полосы: на песчаных гребнях курчавые заросли кустов, дальше, в тенистых садах, одноэтажные домики, осыпающаяся тропинка, ведущая к реке. У причала небольшой буксир. Десятка три грузчиков и матросов выгружают шпалы. Негромко звучат голоса, поскрипывает лебедка. Обыкновенный рабочий день на берегу широкой, сверкающей на солнце Волги. Но так и чудится, будто ласковый волжский ветер уже веет новизной, предчувствием близких перемен.

На нашей памяти, да и своими глазами мы видели созидание многих гигантов сталинских пятилеток, и, право, читатель, нам совсем не трудно представить себе, как начнут разворачиваться события на Волге. Быстро вырастет городок строителей Сталинградской ГЭС. Площадка строительства будет расширяться со сказочной быстротой, перемахнет в Заволжье и еще дальше, с каждым днем захватывая в свою орбиту все новые массивы человеческой энергии, просторы степей, бесчисленные колонны машин и мощных механизмов.

Волжские гиганты Сталинградская и Куйбышевская гидростанции, как предусмотрено постановлением правительства, будут ежегодно передавать половину всей вырабатываемой ими электроэнергии, то есть более 10 миллиардов киловатт-часов, для хозяйства Москвы.

Дальнейшая реконструкция нашей любимой столицы, развитие ее промышленности при помощи этих неистощимых потоков энергии пойдут еще быстрее, чем мы это видим сейчас. Можно будет значительно уменьшить потребление дорогого топлива — угля. Изобилие электроэнергии поможет предельно механизировать все строительные процессы. Парки, пристани, театры, библиотеки, магазины и даже самые окраинные улочки и переулки,— все это зальется сиянием ламп дневного света. Дешевая электроэнергия еще более широко проникнет в быт москвичей.

Волжские воды, пройдя турбины ГЭС, дадут огромное количество электроэнергии, которая впервые в мире пойдет по высоковольтным линиям на такое сверхдальнее расстояние. От Куйбышева и от Сталинграда к Москве протянутся две высоковольтные линии электропередачи, напряжением в 400 тысяч вольт. На огромном пространстве европейской части нашей страны создается единая мощная энергетическая система: Куйбышев — Москва — Воронеж — Сталинград — Саратов — Куйбышев.

В нашей печати уже появилось выражение «Единая высоковольтная». Так сокращенно будут называть это могучее и высокоразумное объединение энергетики. Как гордо и прекрасно звучит: «Единая высоковольтная!» Эти слова — не только новое понятие в истории энергетики, в них заключены глубокий социальный смысл и значение.

Решительно невозможно представить себе такое объединение, например, в Соединенных Штатах Америки или в Англии. «Короли» электричества, стали, металла и прочие, даже при всей их безмерной жадности к наживе, никакими путями не могли бы договориться по такому поводу: этому мешают волчьи законы капиталистического строя, частная собственность на средства и орудия производства, бешеная конкуренция. Англо-американские дельцы и замышлять не могут что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее столь разумное и высокопродуктивное объединение энергетики.

Было время, Москва знала только Москву-реку и Яузу. Теперь путешествие на теплоходе по каналу имени Москвы из Химок до Астрахани, а оттуда в Каспийское море стало обычным делом, и многие москвичи проводят свой отпуск на борту теплохода. А когда смотришь на карту Главного Туркменского канала, то воображение рисует картину нового путешествия, например, от Москвы до Чарджоу по

Однажды утром путешественник подъезжает к Московскому речному вокзалу в Химках.

Аму-Дарье, протяженностью около 6 тысяч километров.

...Итак, однажды утром путешественник подъезжает к Московскому речному вокзалу в Химках. Тишина, ни один лист не шелохнется; голубеет водная гладь. У причалов — огромный белый теплоход, судно озерного типа, специально построенное для Большой Волги. Все управление судном электрифицировано: капитану стоит только нажать один за другим несколько рычагов у себя в штурманской рубке — и теплоход плавно отвалит от берега.

Вот показался аванпорт Иваньковского шлюза. Многометровые статуи Ленина и Сталина величаво возвышаются над гранитными берегами и будто указывают путь дальше, к Большой Волге.

На горизонте, слева от шлюза, сверкнула на солнце серебристая полоса Московского моря. А справа — вот она, родная наша Волга! Теплоход идет мимо лесистых живописных берегов. Волга становится все шире и полноводнее.

Мы плывем мимо Углича, мимо городов Щербакова и Ярославля с их оживленными речными портами. Уже позади Кинешма, Кострома, устье Унжи. Начинается водохранилище Городецкой плотины. Волга здесь напоминает большое озеро, в жемчужно-сизоватой дымке которого темнеют отдаленные берега.

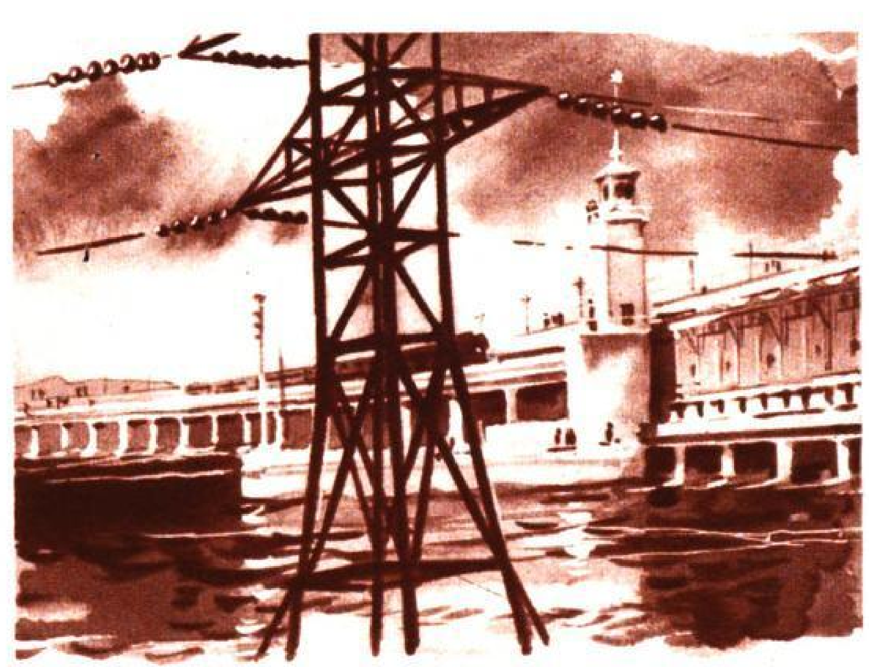
Минуем Балахну с ее крупнейшим бумажным комбинатом, верфи Красного Сормова, и вот на слиянии Волги и Оки перед нами открывается Горький. Сквозистые стрелы подъемных кранов и лебедок, транспортеры, множество разнообразного грузового транспорта, и совсем нет грузчиков: на Волге нашлось для них немало новых профессий, где человек может успешно проявить свои способности и энергию...

Перед Казанью Волга снова превращается в огромное озеро, созданное подпором Куйбышевской плотины.

Все шире Волга, все дальше к горизонту отступают берега... Куйбышевское море! Темнеет. Звезды зажигаются на небе, и на всей шири Куйбышевского моря вспыхивают яркие огни. Это светящиеся буи и береговые знаки, в десятки метров высотой, напоминающие морские маяки. Они освещают путь — и ночью бодрствуют властители нового моря, созданного человеческим трудом и научным дерзновением. Утром Куйбышевское море, залитое солнцем, еще прекраснее. А какое движение! Мощные буксирные суда, баржи-самоходки, плоты, длиннейшие караваны с нефтью, солью. Белые теплоходы, высокие, огромные, разрезают морские волны.

Кому доведется путешествовать поздней осенью, тому покажется неожиданностью встреча с речным ледоколом. Ледоколы на Волге!.. Но они понадобятся. Пассажиры теплоходов будут с удовольствием приветствовать их. На водохранилищах лед образуется быстрее и держится дольше, чем на реках. Речные ледоколы помогают продлению навигации на волжских морях и ускорению ледохода весной.

Где море, там и бури. Капитан теплохода принял по радио сообщение, что надвигается шторм, и повел судно в Ульяновский порт — убежище. К этому времени второстепенная пристань Ульяновск превратится в первоклассный порт. Пусть бушует шторм на Волжском море,— суда за волноломами остаются в полной безопасности.

Над белыми бурунами волжских волн идет длиннейший состав по железнодорожному пути на плотине.

Но в любую погоду пассажиры всех судов, прибывших в Ульяновск, стремятся побывать в городе: ведь это — родина Владимира Ильича Ленина, и, естественно, каждому хочется посетить дом семьи Ульяновых. Прямо с пристани вы подниметесь по фуникулеру вверх, на Венец, а оттуда троллейбусом доедете до дома-музея. Войдем в комнату Владимира Ильича. В этой комнате, с одним окном во двор, обставленной простой мебелью, провел свои детские и юношеские годы величайший гений человечества, основатель большевистской партии. Бессмертная слава его жизни и борьбы будто освещает своим неугасимым сиянием эту маленькую комнату.

«Будь же благословен на века, скромный домик на улице Ленина, святыня советского народа», — говорите вы, выходя на тихую улицу.

На обратном пути троллейбус останавливается у памятника Ленину на просторной площади, недалеко от набережной. Бронзовая фигура Ильича стоит на высоком постаменте. Ленин будто приостановился в быстрой ходьбе; пальто его, накинутое на плечи, надуто упругим свежим ветром. Глаза из-под густых бровей зорким, всеобъемлющим взглядом смотрят вперед, на неузнаваемо изменившуюся Волгу.

На горизонте виднеются обрывистые берега Жигулей с нефтяными вышками. Жигули не только романтически-живописные места, но и один из районов «Второго Баку». Десятилетиями привыкли мы видеть, как за Жигулями леса редели, редели и наконец совсем исчезали. А еще дальше, к Астрахани, тянулись уже одни пески. То были районы суховеев, выжженной солнцем земли. После сооружения Куйбышевской ГЭС один миллион гектаров земли в Заволжье обильно орошен.

Вдоль берегов Волги здесь и там мы видим мощные насосные станции, подающие воду каналам орошения. В бинокль с палубы теплохода можно рассмотреть зеркально-голубые полоски поливных каналов, прорезавших обширные массивы полей. А над ними высятся мачты высоковольтной линии, идущей от Куйбышевской ГЭС. Где-то вдали быстро, ровно, бездымно пашут электротракторы. Весна может быть жаркой и сухой, но никого это уже не испугает. На бескрайных просторах работают электродождевальные машины. На небе ни облачка, но поля обильно поливаются искусственным дождем, и струи его, сверкая, играют на солнце всеми цветами радуги.

Радуют глаз густые высокие всходы пшеницы, большей частью ветвистой; урожаи здесь сказочно возросли — о таких только мечтали лет пять тому назад.

Чем ближе к Саратову, тем все ощутимей подпор Сталинградской плотины. На берегах, прежде песчаных и бесплодных, осыпают бело-розовый цвет яблоневые и вишневые сады, зеленеют пояса лесных полос. В кудрявых зарослях прячутся колхозные села, дома отдыха, санатории.

Наш теплоход приближается к Сталинграду. Волга здесь безбрежно широка, а влево, на восток, выше Сталинградской плотины, протянулся обводняющий и орошающий земли между Волгой и Уралом Сталинградский самотечный канал.

Величаво высится гигантская Сталинградская плотина. Над белыми бурунами волжских волн идет длиннейший состав по железнодорожному пути на плотине. Автотрасса

Теплоход подплывает к многоэтажному зданию Сталинградского речного вокзала. По широким ступеням мы поднимаемся на набережную города-героя.

тянется лентой из города в Заволжье — по ней мчатся легковые и грузовые машины.

Не узнать тихой пристани, куда некогда ездили мы на глиссере. Целый город раскинулся здесь. На улицах зеленеют аллеи молодых деревьев, в скверах играют и шумят ребятишки. На водной станции «Динамо» тренируются пловцы и гребцы.

Теплоход подплывает к многоэтажному зданию Сталинградского речного вокзала. По широким ступеням мы поднимаемся на набережную города-героя.

От монумента героям Сталинграда мы направляемся к зданию Музея обороны волжской твердыни и проходим в большой дворзал. С восточной стороны стоят наши орудия, танки и самолеты тех типов, которые применялись во время великой Сталинградской битвы, а на западной стороне — трофеи, разбитая техника гитлеровцев. Каждый экспонат напоминает о бессмертной славе Сталинграда. Мы входим в аллею Героев, прекрасный тенистый бульвар, где по обе стороны смотрят на нас скульптурные портреты прославленных воинов Сталинграда.

Аллея ведет к площади Павших борцов. Четыре широкие лестницы спускаются в сквер, где за гранитными стенами среди пышной листвы и цветов покоятся борцы эпохи гражданской и Великой Отечественной войн. Высеченные в черном граните фигуры полны суровой печали, гнева и неукротимого упорства в борьбе. Они словно призывают каждого: «Помни, товарищ, нет выше подвига, чем отдать жизнь за Родину, за счастье народа и его мирный труд».

Проспект имени Сталина пересекает площадь Павших борцов и аллею Героев. Эта широкая, украшенная великолепными зданиями улица, прорезанная во всю ее длину тенистыми аллеями скверов, зеленым бархатом газонов, расцвеченная богатейшими коврами цветов и декоративных кустов, соединяет центр города с самыми отдаленными его районами — Тракторозаводским и Красноармейским. Это улица протяжением более 60 километров.

Здесь, на Сталинском проспекте, находится знаменитый дом сержанта Павлова, славный бастион Сталинградской битвы. Окруженный целым архитектурным ансамблем и монументальной оградой, с бесчисленными следами вражеских пуль, этот простой жилой дом, ставший во время обороны города неприступной крепостью, выделяется среди новых нарядных зданий, как незабвенный памятник воинской доблести...

Наш теплоход отходит от берега. Литые богатыри на монументе Сталинградской битвы, словно озирая просторы великой русской реки, напоминают нам: «Мы боролись за эту Большую Волгу!»

Да, в богатырской битве за мир и свободу родилась эта новая, сталинская Волга, одна из богатейших золотых жил нашей энергетики. Ее воды преобразили засушливые южноволжские степи. Слева от нас, под розовеющим небом заката, зеленеют плодовые сады, хлопковые и рисовые поля Волго-Ахтубинской поймы, земли которой до строительства гидроузла каждый год бесплодно заливались паводком. Справа, на «черных землях» суховеев и голода, теперь поднимаются пышные всходы пшеницы.

Утром — Астрахань, крупнейший центр рыбной промышленности, транспортный узел, стык Волги и Каспия. Астраханский рейд — это целый город в открытом море. На пловучих рыбозаводах кипит спорая и дружная работа. Сюда прибывают танкеры из Баку, и отсюда нефть отправляется вверх по Волге.

Наш теплоход пересекает Каспий. Перед нами Красноводск, который издревле считался своеобразными воротами пустыни: отсюда дули палящие, иссушающие ветры. Да и сам город веками страдал от недостатка растительности и воды, которую привозили сюда на пароходах или добывали с помощью опреснителей.

И вот мы видим Красноводск как бы вновь рожденным водами Главного Туркменского канала. Буйно разрослись вокруг города сады и парки, а к югу раскинулись владения совхозов субтропических культур, где возделываются цитрусовые, маслины и гранаты.

Пройдя шлюз, соединяющий Каспий с Главным Туркменским каналом, теплоход плывет вдоль берегов полноводной реки. Мы видим на береговых мачтах троллейные провода, от которых берут ток электровозы, буксирующие караваны барж, груженные горами белоснежного хлопка.

Неузнаваемо преобразились некогда страшные Кара-Кумы. Не охватить глазом — так бескрайны изумрудные просторы пастбищ, где пасутся отары драгоценных каракульских овец, резвятся табуны чудесных туркменских скакунов. В бархатной тьме южного вечера бриллиантовыми россыпями сияют огни колхозных сел, совхозов, МТС.

Две гидростанции, воздвигнутые на местах древнего пересохшего русла Узбоя, обеспечивают электроэнергией прилегающие районы.

Более 200 лет назад Петр I мечтал оживить эти пустынные земли. Эта мечта долгие годы волновала лучшие умы России. Но колониальный режим царского самодержавия убивал все возможности научного и практического осуществления смелых дерзаний, подавлял даже большие умы сознанием бессилия перед стихией многоводной азиатской реки Аму-Дарьи.

Вот что рассказано об этой реке у В. П. Семенова-Тян-Шанского:

«Проехав от берега Каспия более тысячи верст по спаленным солнцем безводным пустыням и встретив на этом громадном пространстве лишь несколько жалких, едва сочащихся ручьев и полувысохшие русла Теджена и Мургаба, путник с изумлением останавливается на берегу этой прославленной реки. Могучий мутный поток, бурля и волнуясь, унося куски берега и глыбы земли, стремится на север. Широкое его русло в туманной атмосфере Средней Азии кажется безбрежным... Гор не видно, так как снега и ледники, откуда берет начало Аму-Дарья, лежат почти на тысячу верст далее на юго-восток, и на первый взгляд непонятно, откуда среди пустынь и степей появилась эта огромная река, с пеной и шумом катящая свои желтые волны, и куда она уходит, исчезая в дымке отдаления. Невольное волнение охватывает путешественника при созерцании этого таинственного среднеазиатского Нила, привлекавшего с древнейших времен внимание завоевателей, купцов, ученых и исследователей.

Аму-Дарья, Вахшу древних арийцев, Оксус классических писателей, Джейхун арабов, является наиболее значительной рекой Туркестана».

И вот перед нами этот «таинственный среднеазиатский Нил», эта непостижимая река Аму-Дарья, бурные воды которой устремлены отныне в ту сторону, куда назначила стальная воля партии Ленина—Сталина, воля советского народа, строящего коммунизм.

Чтобы советские люди могли проложить этот более чем тысячекилометровый канал, история проделала огромную работу. Тридцать три года назад Великая Октябрьская революция отдала в руки народа все производительные силы страны, богатства недр, леса, реки, все сокровища науки и культуры. Великое учение Ленина—Сталина, глубочайшая, организующая и направляющая все наше бытие работа большевистской партии научили нас созидать во имя братской дружбы, мира и счастья народов Советского Союза. Мощью своего гениального предвидения и стремления к мирному созиданию великий наш Сталин, отец и учитель, поднял нас, простых людей, на невиданные, грандиозные дела, преобразующие жизнь общества и природу. Мы смотрим на этот канал и обновленную Аму-Дарью, как на одно из бесчисленных славных дел, вдохновленных гением Сталина и поднятых свободным трудом и любовью народа.

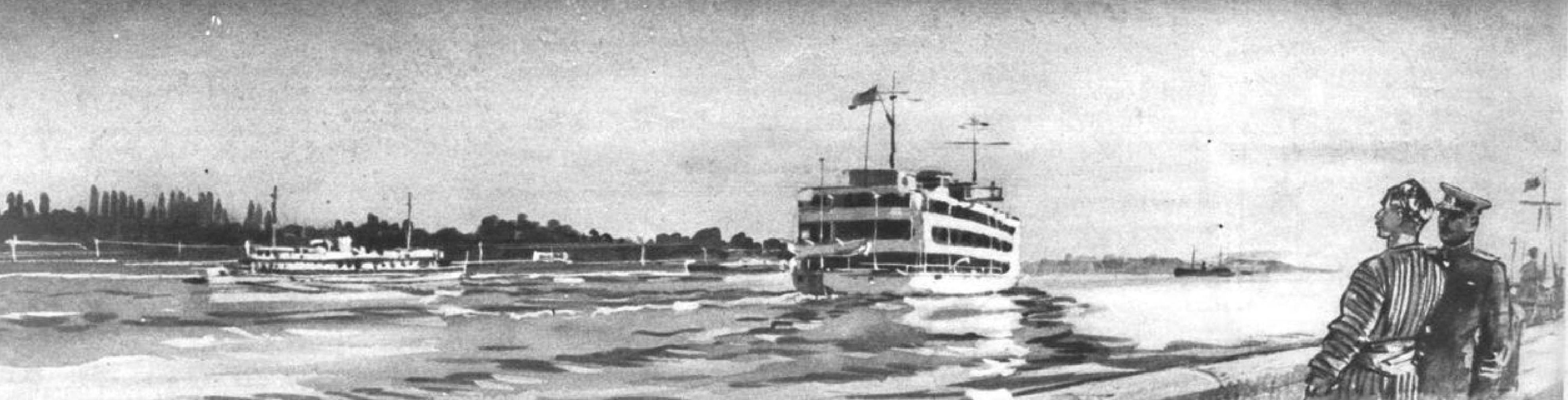
...Канал пройден. За кормой остался шлюз у холма Тахиа-Таш, и теплоход плывет по широкой спокойной реке. Навстречу нам, в далекий рейс, движутся такие же белые теплоходы. На капитанских мостиках молодые туркмены, узбеки и каракалпаки. Это потомки аму-дарьинских рыбаков и кочевников, которые умели только тянуть бечевой жалкие каюки или управлять верблюдами, горбатыми «кораблями пустыни».

Мы проехали более тысячи километров среди преображенных цветущих берегов. Все земли, прилегающие к Аму-Дарье, обратились в огромный благоухающий оазис.

Теплоход плывет по Аму-Дарье под солнцем и под звездами. На двадцатый день после отплытия из Москвы, пройдя почти 6 тысяч километров, мы оказываемся у пристани города Чарджоу.

Мы совершили с вами, читатель, путешествие в будущее, от которого нас отделяет всего несколько лет. Это путешествие в свое время повторится в основных чертах уже в действительности. Она видится нам так зримо потому, что все мы, каждый своим трудом, жаром сердца и мысли день за днем создаем будущее.

И вот перед нами Аму-Дарья...

Герои Социалистического Труда, колхозницы артели имени Карла Либкнехта, Одесской области (слева направо): Зоя Николаевна Соколова, Анна Герасимовна Шехтер и Мария Лукьяновна Варчук.

Фото Б. Канера

ТРИ ГЕРОИНИ

Осенью в живописном Одесском парке культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко, у самого берега моря, открылась областная сельскохозяйственная и промышленная выставка. Все лучшее, что производят рабочие и выращивают колхозники области, было выставлено в многочисленных павильонах.

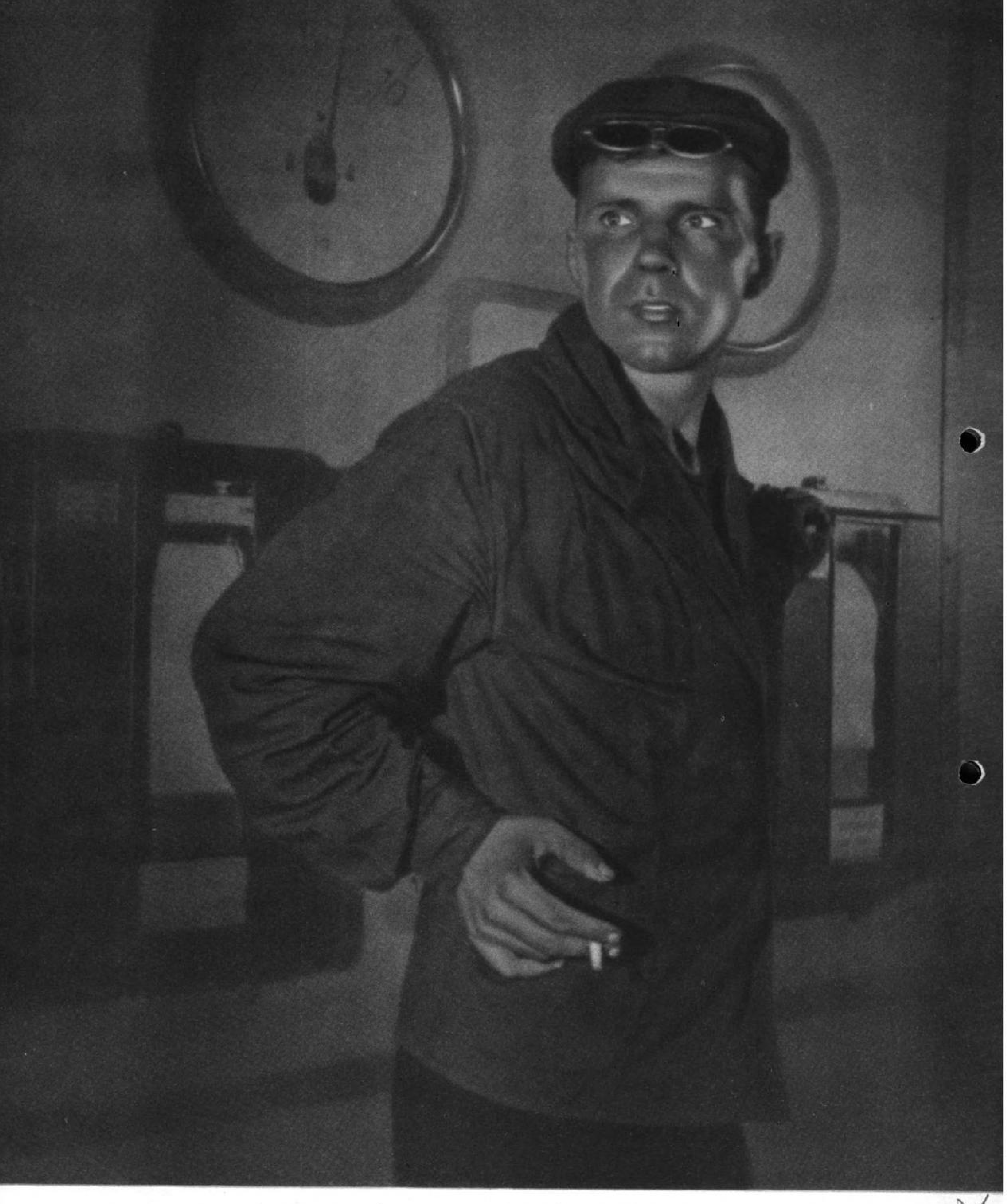
Особое внимание посетителей привлекал стенд фруктово-овощного колхоза имени Карла Либкнехта. Тяжелые золотистые колосья, грозди крупного иссиня-черного винограда, поражавшие даже южан яркокрасные помидоры и полосато-зеленые арбузы затейливо обрамляли красочные диаграммы. В центре стенда были помещены фотографии трех колхозниц — звеньевых виноградарской бригады № 1, Героев Социалистического Труда Зои Николаевны Соколовой, Анны Герасимовны Шехтер и Марии Лукьяновны Варчук. Сами героини присутствовали здесь же и охотно рассказывали о своем колхозе, отвечали на многочисленные вопросы.

...Случилось это в 1948 году. Весной, уже после того, как были открыты лозы, неожиданно ударили поздние заморозки. Затем обрушилась буря, не во-время выпали дожди. Но женщины нашли в себе силы, чтобы побороть стихию. Колхозницы сумели добиться рекордного урожая, дающего право на получение звания Героя Социалистического Труда; колхоз снял самый большой на Украине урожай винограда.

Лето нынешнего года тоже не благоприятствовало виноградарям. И все же Анна Шехтер получила на своем участке по 69,8 центнера чудесного винограда, Зоя Соколова — по 72,7 центнера и Мария Варчук — по 74,2 центнера с каждого гектара.

Опыт героинь изучают ученые области. Они внимательно прислушиваются к предложениям колхозниц. Убедительно прозвучали речи мастериц высоких урожаев на конференции в Доме ученых Одессы. Зоя Соколова и Анна Шехтер внесли свои стахановские поправки в некоторые из общепринятых методов борьбы за высокие урожаи винограда.

Недавно колхоз имени К. Либкнехта объединился с колхозом имени 20-летия Пролетарской Революции. В новом, укрупненном колхозе — 120 гектаров виноградников. Передовые люди артели ставят своей задачей добиться на всей этой площади самых высоких урожаев, уже достигнутых Героями Социалистического Труда.

Знатный сталевар Магнитогорского металлургического комбината И. И. Семенов.

Фото Дм. Бальтерманца

Документы пятнадцати лет

Репортаж С. ОСИПОВА

14—17 ноября 1935 года состоялось Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев. Лучшие люди промышленности, вожаки социалистического соревнования слушали историческую речь великого Сталина, вдохновившую советских людей на новые трудовые подвиги.

Товарищ Сталин говорил на совещании: «...трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем».

Публикуемые ниже фотодокументы показывают на примере некоторых участников совещания стахановцев, а также Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников, состоявшегося в том же году, как выросли за минувшие полтора десятилетия рядовые трудовые люди, ставшие крупными общественными деятелями, видными хозяйственными руководителями.

СУДЬБА ТКАЧИХИ

Учиться! — это решение приняла ткачиха Вичугской фабрики имени Ногина Мария Виноградова после совещания стахановцев.

* * *

Незадолго до войны М. И. Виноградова окончила Промышленную академию. Среди старых ее снимков сохранился тот, который мы воспроизводим: М. Виноградова, студентка Промакадемии, на лыжной прогулке.

* * *

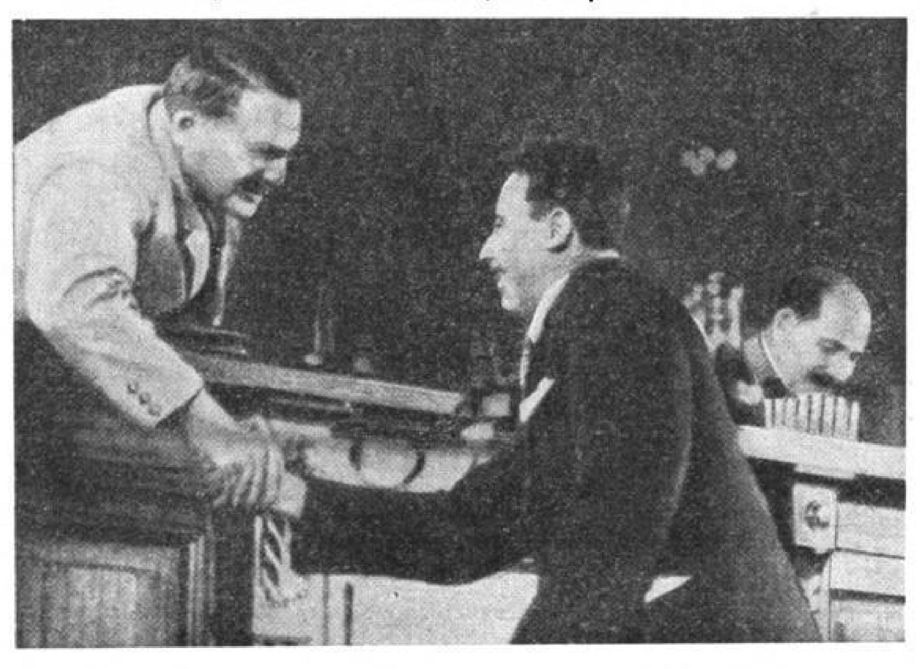
Ныне Мария Ивановна работает заместителем директора текстильной фабрики имени Фрунзе в Москве. Мы засняли ее дома, в день, когда она собиралась в отъезд на курорт.

МАШИНИСТ — НАЧАЛЬНИК ДОРОГИ

Ленинградский машинист Василий Дмитриевич Богданов начинал учеником кочегара. Спустя несколько лет он уже управлял локомотивом. Богданов отказался от дедовских методов езды, вел машину на большом клапане, использовал всю мощность паровоза.

На этом снимке запечатлен момент, когда руководитель Ленинградской партийной организации товарищ А. А. Жданов на слете стахановцев-железнодорожников города Ленина, в октябре 1935 года, пожимал руку лучшему машинисту Октябрьской железной дороги В. Д. Богданову. За столом президиума Л. М. Каганович.

Вскоре после Всесоюзного совещания стахановцев, участником которого был Василий Дмитриевич, луганские паровозостроители передали ему новый паровоз «ФД» № 5445. Снимок воспроизводится из многотиражки Ворошиловградского паровозостроительного завода.

Паровоз „ФД" № 5445 передан машинисту орденоносцу тов. Богданову

Машинист орденоносец тов. БОГДАНОВ

Василий Дмитриевич прошел славный путь, который мыслим только в условиях советского строя. Отличный машинист, он в дальнейшем стал машинистом-инструктором, а затем начальником депо. Его биография — яркое свидетельство культурно-технического подъема рабочего класса. Он окончил вечерний Институт инженеров путей сообщения в Ленинграде. Ныне тов. Богданов — начальник Московско-Киевской железной дороги. На снимке (внизу): В. Д. Богданов в своем кабинете.

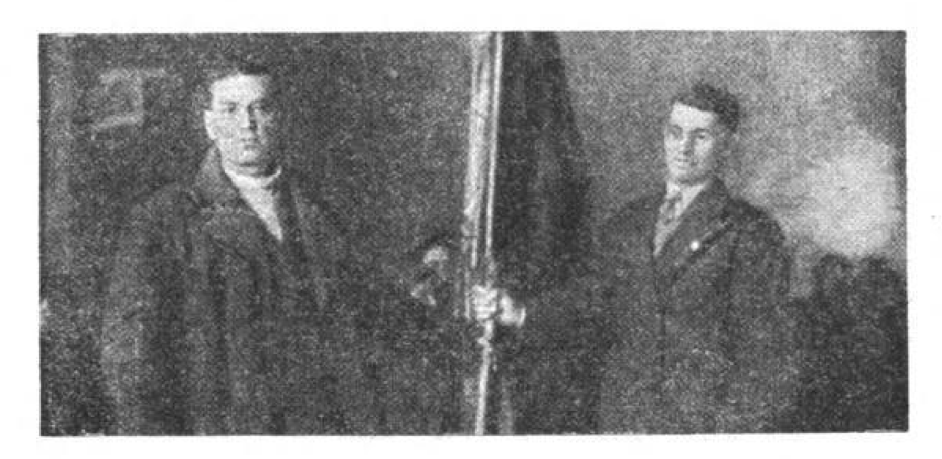
В прошлом один из первых скоростников-водителей локомотивов, теперь В. Д. Богданов в качестве начальника дороги добивается перехода всех машинистов на скоростное вождение тяжеловесных поездов.

ВОЖАК КОЛХОЗНОГО СЕЛА

Петр Иванович Ажирков на всю жизнь запомнил теплую улыбку на лице товарища Сталина. Было это в 1935 году, на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Вождь приветствовал передовиков социалистических полей, в том числе бывшего батрака и батрацкого сына Ажиркова, колхозника из подмосковного села Рыболова.

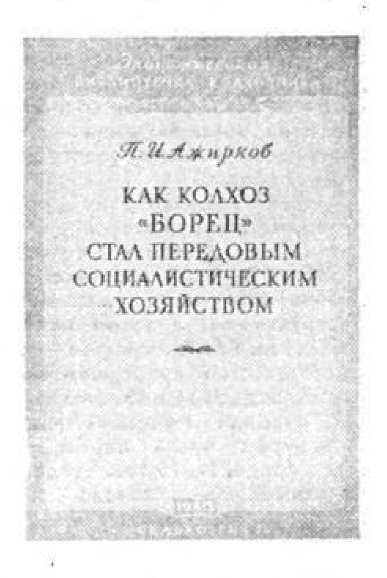
Колхозу «Борец», председателем которого в течение многих лет является П. И. Ажирков, в 1940 году было вручено районное переходящее Красное знамя.

Старый любительский снимок запечатлел момент, когда П. И. Ажирков (слева) принимает знамя.

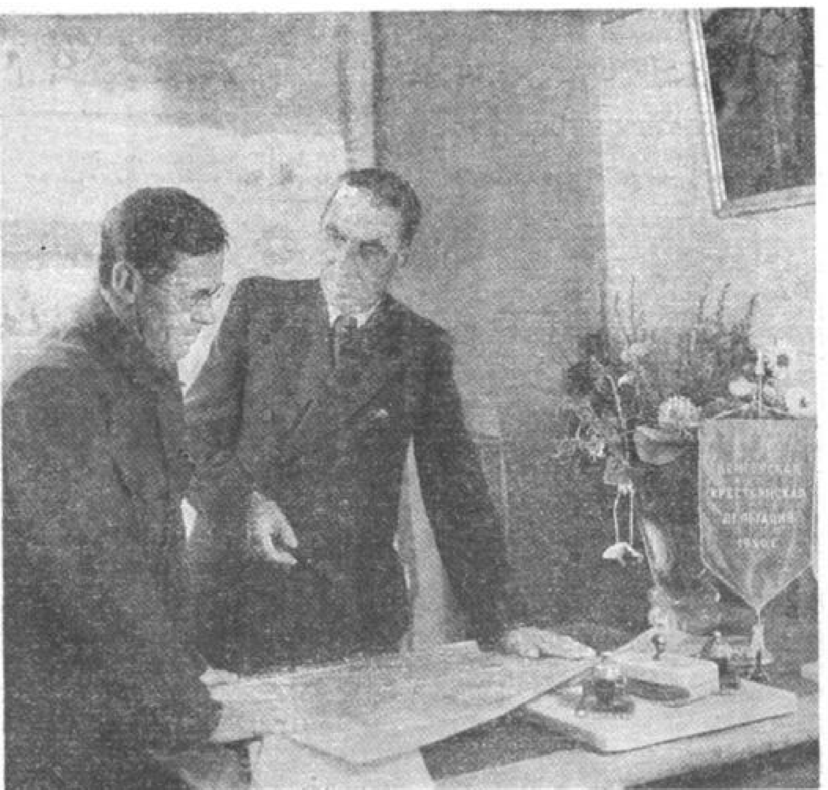
На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке колхозу был присужден диплом 1-й степени за урожай зерновых — 13,48 центнера в среднем с гектара. Ныне такой урожай в колхозе считался бы крайне низким. Даже в годы войны колхозники «Борца» собирали свыше 18 центнеров с гектара, а в прошлом году, несмотря на неблагоприятные климатические условия, было собрано по 24 центнера отборного зерна.

Герой Социалистического Труда П. И. Ажирков стремится передать свой опыт всем колхозникам Советской страны. Большой популярностью пользуется его книга «Как колхоз «Борец» стал передовым социалистическим хозяйством», вышедшая двумя изданиями.

Колхоз «Борец» славится не только своими производственными успехами, но и высокой культурой жизни, отлично налаженным бытовым устройством. Прекрасные, добротные дома, электростанция, радиостудия, клуб, библиотека с семью тысячами книг, агролаборатория, водопровод, гараж...

Ныне «Борец» объединен с соседними артелями. Председатель объединенного колхоза П. И. Ажирков (справа) обсуждает с агрономом колхоза С. М. Скорняковым план землеустройства укрупненной сельскохозяйственной артели. На письменном столе председателя подарок от венгерской крестьянской делегации. В этом колхозе часто бывают делегации крестьян из стран народной демократии. Люди, еще недавно испытывавшие помещичье иго, почерпнули много важного для себя из бесед с бывшим батраком, ныне крупным общественным деятелем.

СТАХАНОВЕЦ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Мы рассказали о судьбе стахановцев первого призыва, вышедших на общественную арену полтора десятилетия назад. В годы войны и послевоенной пятилетки выдвинулась молодежь, которая ныне на многих предприятиях стала ведущей силой. На примере В. Уткина видно, как складывается жизненный путь стахановцев младшего поколения.

В 1935 году, когда славный почин на шахте «Центральная-Ирмино» родил крылатое слово «стахановец», Володя Уткин только начинал свою сознательную жизнь. Перед ним гостеприимно открылись двери первого класса школы.

На снимке справа мы видим его в середине второго ряда, среди первоклассников московской школы № 605.

Подросток Володя Уткин пришел на завод «Калибр», предъявив справку из подмосковного колхоза:

«Школьник Уткин выполнял ответственные полевые работы и заработал много трудодней».

В цехе его встретили радушно и приветливо. Неоценимым учителем для Володи был Николай Алексеевич Российский.

В. Уткин возглавил одну из первых комсомольско-молодежных бригад на заводе.

Здесь, в этой бригаде, возникла идея нового станка-полуавтомата, который намного увеличивает производительность.

На призыв московских предприятий бороться за сверхплановые накопления В. Уткин отвечает предложением открыть лицевые счета. Десятки тысяч рабочих подхватили инициативу молодого бригадира, миллионы и миллионы рублей сбережены государству.

Токарь завода «Калибр» Владимир Васильевич Уткин в 1950 году был удостоен Сталинской премии.

По существу, это — только начало пути советского рабочего сталинской эпохи.

Сам Уткин в книге «Нас вырастил Сталин» говорит: «Мне двадцать три года. Самые важные и самые большие дела еще впереди, вся жизнь впереди».

* * *

На снимке: Владимир Уткин со своим сыном Александром.

С НОВОСЕЛЬЕМ!

Под осенним ветром шумит лес на левом берегу Днепра. В лесу перекликаются звонкие детские голоса. Ребята всей школой собирают еловые и сосновые шишки, желуди, семена остролистного клена. На Волгу, на Днепр, в район Каховки, в засушливые степи отправят эти семена, чтобы и там зашумела густая листва.

— Кого вы ищете? — спрашивают дети, увидев, как мы в нерешительности остановились на перекрестке дорог.

— Тут землянка была, и в ней жил солдат без руки...

— Землянка? Ой, как это давно было!.. Где ж теперь землянку найти? Нет у нас теперь землянок!

— А куда солдат уехал? С ним жена и ребенок... Анатолий Никифорович Корнев...

— А-а! Вы бы так и сказали сразу. Дядя Анатолий теперь в доме живет, вон там, в поселке.

И убежали, радостные, румяные, запыхавшиеся.

В памяти, словно тяжелый сон, возник тягостный день войны. Дымились руины Дарницы — промышленного района Киева. Плакали матери и дети, копошась у обвалившихся землянок. Безрукий солдат стоял у одной из таких землянок. Жена с ребенком суетилась около него.

— Толечка, милый, это ничего, что руку... Ведь ты совсем к нем,— говорила она, улыбаясь сквозь слезы.

Демобилизованный солдат Анатолий Никифорович Корнев стоял растерянный и угрюмый. Таким мы его и запомнили в тот день войны.

И вот мы у него в гостях. Новый, светлый коттедж в саду. Трехкомнатная квартира. Все удобства. Радуют глаз белизна окон и дверей, ковры, дорожки, зелень на подоконниках.

Мы сидим за столом, вспоминаем Дарницу в первые дни ее освобождения от фашистов, горе стариков и детей, землянки...

— Теперь я вот как живу! А Дарница-то какая стала! Ни одной землянки, ни одного разрушенного дома не осталось.

Гитлеровцы, отступая, сожгли, взорвали здесь все здания. Сейчас Дарница являет собой новостройку. Невиданно быстрыми темпами возрождается этот рабочий район столицы советской Украины. Снова высятся красивые корпуса заводов — вагоноремонтного, лесохимического и запасных частей, шелкоткацкого и мясного комбинатов. Построены два толевых и фанерный заводы. Сооружается теплоэлектроцентраль.

Анатолий Корнев показывает нам благоустроенный поселок вагоноремонтного завода. Здесь 27 двух- и трехэтажных домов. Светлые и просторные квартиры со всеми коммунальными удобствами. В поселке построена школа, оборудован банно-прачечный комбинат, строятся клуб и здание для детских яслей. Немного дальше, в сосновом бору, расположен поселок железнодорожников.

— В эти дни подготовки к выборам в местные Советы,— продолжает Анатолий Никифорович,— агитаторы наглядно показывают, как помогла нам советская власть. Новая Дарница выросла буквально на наших глазах.

— А дорого обошелся вам ваш домик?

— Мне его построил бесплатно райсовет. Такой же дом получил к Октябрьским праздникам и другой инвалид Отечественной войны — бывший рабочий нашего завода товарищ Василенко. В новый дом вселилась к празднику учительница Мельникова...

В предвыборные дни много семей будут праздновать в Дарнице новоселье. Здесь после войны возведено 4200 домов.

Дарница в праздничном убранстве. Годовщина Октября совпадает с годовщиной освобождения от гитлеровских оккупантов столицы Украины. И когда 7 ноября на демонстрацию выйдут Корнев, Василенко, Мельникова, рабочие вагоноремонтного завода и работницы шелкоткацкого комбината, они порадуются вместе со всеми киевлянами: «Как похорошел наш город, как чудесен любимый Крещатик!»

В. КУЧЕР,
Е. КРЫЖАНОВСКИЙ

Так сегодня выглядит возрождающийся Крещатик.

Фото К. Лишко.

НА ЗЕМЛЯХ ПОЛЕСЬЯ

— Что же касается чудесных перемен на нашей советской земле, то я бы сказал так...

Агитатор оглядел людей, внимательно слушавших его, энергично простер вперед свои натруженные руки и бросил в зал слова, сразу вызвавшие гул одобрения.

— Я бы сказал так: пусть каждый из вас посмотрит вокруг, на осушенные земли, на угодья нашего совхоза... Объяснений тут не потребуется. Выйди и смотри...

Перед мысленным взором рабочих, работниц — всех, кто пришел в этот осенний вечер в совхозный клуб послушать доклад о сталинском избирательном законе, о выборах в местные Советы, предстали родные полесские земли, обновленные, поднятые к жизни волей большевиков.

Любимый певец Белоруссии Янка Купала посвятил тяжелому прошлому этого края немало грустных строк. О бесплодных, гиблых полесских болотах, дремучих лесах поэт писал полные горечи строки:

Пройдет там крестьянин,
Оступится в тину,—
Болото затянет,
Он крикнет и — сгинул.

А сейчас мы слушали неторопливую речь агитатора, в которой так много душевных слов о радостных переменах, происшедших на здешней земле. И вспомнилось нам все виденное сегодня в прославленном белорусском совхозе «10 лет БССР».

...От районного центра Любань дорога идет через хвойный лес. На много километров протянулся ее неширокий деревянный настил, проложенный по болотам и топям. Но вот лес расступился, настил кончился, и уже по грунтовому шоссе автомашина въехала в угодья совхоза.

Здесь все дышит обилием и богатством. Куда ни кинешь взгляд — приметы больших дел. Каналы, по которым стекают подпочвенные воды, разрезали на ровные квадраты поля и луга.

В центре угодий — благоустроенный городок: широкие прямые улицы, жилые дома с верандами, утопающие в багряной листве деревьев; двухэтажный широкооконный клуб; рядом — просторная, хорошо оборудованная спортивная площадка. Чуть поодаль — электростанция, школа, детские ясли.

...Снова мы слышим голос агитатора:

— А сейчас там, где еще недавно лежали непроходимые топи, по которым и человеку не пройти было, раскинулись богатые наши угодья. Вот что делает для народа советская власть!

В этот вечер от души было сказано много взволнованных слов о великой силе социализма. Да и нельзя спокойно говорить о таком «чуде», какое свершилось и могло свершиться только при советском строе: на болотах, в крае, куда и пойти страшно было: оступишься — пропадешь,— вырос целый городок совхоза, слава о котором разнеслась за пределы Белоруссии.

Созданный на осушенных полесских болотах совхоз «10 лет БССР» известен как рассадник племенного высокоудойного скота. Земли, отвоеванные у болот, дают пышные всходы. Нынешней осенью в совхозе с каждого гектара намолочено по сто пудов зерновых. С заливных лугов сняли тысячи тонн отличного сена.

Когда ветераны рассказывали нам о том, как люди своим трудом и разумом покоряли полесские земли, осушали их, кто-то из мелиораторов заметил:

— Это была настоящая битва на болоте.

Вот они сидят в зале агитпункта, герои этой битвы: директор совхоза Т. Г. Смирнов, вожак строительной бригады П. И. Мартинович, прославленные труженики совхоза, Герои Социалистического труда Ф. А. Савчик, А. И. Стыкут, У. И. Пайграй, агрономы, полеводы, механизаторы. Для них битва продолжается. Предстоит прокладка новых осушительных каналов: до конца года надо подготовить под пашню еще 200 гектаров осушенных земель.

И радостно им слышать, когда человек, стоящий на трибуне, говорит:

— Наши мелиораторы и строители взяли на себя большие обязательства в честь выборов в местные Советы. Слова подкрепляются делом. Близок день, товарищи, когда болота еще дальше отступят перед неукротимой большевистской волей. Нам, советским людям, все под силу!

А. ЭВЕНТОВ

М. ЛАЗАРЕВ

«...Петро, дружище! Прости, что на этот раз задержался с письмом и нарушил наши обычные сроки. Получил неожиданно командировку, и хлопоты, связанные с этим, заняли у меня уйму времени.

Ты уже понял по штемпелю на конверте, откуда я тебе пишу. Из Ленинграда! Из города, с которым мы оба, окончив институт, расстались десять лет назад и снова побывать в котором мечтали все эти годы. Мне выпало это первому.

Чувствую твое нетерпение: «Ну чего он тянет, сказал бы сразу: был на Болотной или нет?» Был, Петро, был! Провел там целый день и теперь представляю тебе обстоятельный отчет.

Я приехал в Лесной утром. Нынче осень в Ленинграде чудесная. Сухо, солнечно. Особенно хороши ранние часы. Я шел через парк, наслаждаясь голубизной и ясностью, разлитыми в воздухе. Из глубины парка, стелясь над самой землей, тянулся синий дымок: жгли опавшие листья. В просвете между багряными кронами деревьев мелькнула вдруг темная полоска. Я решил, что у осени не хватило красок и она оставила этот кусочек нерасцвеченным. Когда я подошел ближе, темная полоска превратилась в зеленые ветви лиственниц. Помнишь их, они стояли в дозоре около нашего дома? Они и сейчас охраняют его, возвышаясь над всеми соседними деревьями, широко разбросав свои густые, тяжелые ветви.

Дом наш совсем не изменился. Позже я узнал, что старика крепко подлечили. Теперь у него новые перекрытия, вместо деревянного фундамента каменный. И не скажешь, что простоял уже полвека...

На правой стороне фасада две мемориальные доски. На первой написано, что в этом здании 16 октября 1917 года под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина состоялось расширенное заседание ЦК большевистской партии, на котором был избран Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным. Вторая доска гласит: «Здесь в 1917 году помещалась Лесновско-удельнинская районная дума, председателем которой был Михаил Иванович Калинин».

В саду, перед домом, стоит на высоком постаменте бюст Ленина. А вокруг — теремок со стрельчатой башенкой, крошечная ветряная мельница, деревянные горки, качели... Нетрудно догадаться, кому принадлежит этот сад. Где же хозяева этого городка? Прислушиваюсь. Из дома доносится многоголосая ребячья перекличка: дети собираются, наверно, завтракать.

Вхожу в здание. Знакомлюсь с Зинаидой Алексеевной Алексеевой, директором дошкольного детского дома № 47. Прошу у нее разрешения подняться на второй этаж, в комнату, которая, как и при нас, называется Ленинской. В волнении останавливаюсь на пороге. Вот сюда октябрьским дождливым вечером собрались члены Центрального Комитета... Может быть, вот у этого камина сидели за столом Ленин и Сталин... Здесь, в большой, светлой комнате, в которой живут сейчас ребята, звучали страстные речи наших вождей...

Как замечательно, как мудро, что дом, где решались судьбы революции, отдан детям, ради прекрасного будущего которых эта революция свершилась!

Недавно я перечитывал статьи и речи Феликса Дзержинского, железного рыцаря революции, принимавшего участие в историческом заседании ЦК.

«Я хочу,— сказал он однажды,— бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью... Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им».

Сколько гуманизма, сколько любви к детям заложено в этих словах, имеющих самое непосредственное отношение к нашим с тобой судьбам, Петро!

Мой отец погиб на колчаковском фронте, твой — на севере, в боях с интервентами. Наши матери умерли. Нам сказали об этом гораздо позже. Мы еще плохо говорили, когда Родина прикрыла нас своими теплыми крыльями и согрела. Согрела так же, как согревает она сейчас малышей, которых я увидел здесь, в детдоме на Выборгской стороне, где мы с тобой росли.

Я видел их в спортивном зале, когда они вышагивали на цыпочках под музыку, стараясь ступать тихо, «как разведчики».

Я слышал, как декламировала стихи Аленка Коврова, девочка с удивительно длинными, прямыми ресничками. Я спросил Аленку:

— Сколько ты знаешь стихотворений?

Подумала, прикинула в уме и сказала:

— Тыщу.

Я подружился с двумя Юрами — Будкиным и Куличковым, нашими преемниками. Называю их так потому, что их кровати стоят в той же спальне и на том же месте, где стояли наши с тобой.

Юра Будкин — естествоиспытатель. Он водил меня по саду, где мы когда-то сажали деревья (они живы, растут!), и показывал молодые деревца, посаженные им и другими ребятами.

Другой Юра, Куличков, и в самом деле похож на птичку куличка: такой же маленький, нахохленный. А по возрасту он, кажется, самый старший в группе. Ему уже исполнилось семь лет. Но он родился в октябре, и поэтому придется ждать следующего сентября, чтобы пойти в школу. Это философ. Любит рассуждать и делать заключения о различных явлениях жизни. Я видел, как он, обнаружив около пня ватагу муравьев, тащивших какую-то щепочку, позвал Маринку, индивидуалистку и капризулю.

— Муравьи тащат бревно,— сказал Юра Куличков.— Они, наверно, строят дом. Одному муравью не построить дома. Все вместе построят!

Я был со старшей группой на прогулке. Мы ходили в парк Лесотехнической академии. Каждый что-нибудь нес с собой. Наташа Романенко, у которой и осенью не пропадают веснушки на лице и лупится кончик носа, несла огромную куклу; эта кукла чуть поменьше самой Наташи. Валя Рагозина тащила лохматого медведя. Шурик Айсин перекинул на грудь автомат — он будет защищать девочек. Работяга Юра Будкин нагрузился граблями — десять штук, могут пригодиться. У Эммочки Анисимовой в руках сумка, а в сумке всякая всячина: разноцветные лоскутки, катушка ниток с иголками, пуговицы и даже крошечный утюжок. Это хозяйственная, заботливая девочка. Она может пошить, постирать, выгладить белье куклам, заплести малышам косички.

По дороге в парк много остановок.

Ну как не остановиться на углу, где водопроводная колонка: мужчина в синих галифе и высоких сапогах, закатав рукава белой рубашки, моет лицо.

Юра Куличков сказал:

— Он не боится холодной воды, потому что он закаленный.

И тут все обернулись на Маринку: она боится холодной воды и не любит умываться...

Когда вышли к шоссе, снова остановились. Это — самое интересное место. Сколько тут катит машин! Вон промчался детдомовский грузовик с дровами на зиму. Ребята успели крикнуть:

— Дя-дя Ле-е-ша-а!

Шофер помахал им рукой.

Стали считать машины. Счет знают до тридцати. Насчитали восемнадцать.

— Девятнадцать,— сказал Леня Алексеев.

— Это не машина, а автобус,— поправил Петя Власов, специалист по транспортным вопросам, знаток всех автомобильных марок.

Юра Будкин оказался самым предусмотрительным. Пришли в парк, а там студенты убирают листья, жгут на костре. Вот и пригодились юрины грабли. Всем хватило работы. А ребята любят работать!

Я наблюдал за детьми и все время испытывал чувство, будто заглядываю в собственное детство. Я заглянул в него и в прямом смысле слова.

Вечером мне показали листок бумаги, на котором некий юный мазилка изобразил не то самовар, не то граммофонную трубу. Крупными, весьма плохо стоящими на ногах буквами было выведено: «Ворона».

— Ваше произведение,— сказали мне.

Да, эту удивительную птицу нарисовал я. Отказаться было невозможно. Художник расписался и указал дату: «Июнь. 1924».

Видел я и твои каракули. Мне теперь понятно, почему у тебя такой скверный почерк: чистописание явно не давалось тебе в детстве.

Я прочитал и письмо Димы Остроглядова к заболевшей воспитательнице:

«Здравствуйте, тетя Лида! Как долго вы не приезжаете к нам. Все дети ждут вас. Я пошел в школу. Учительницу зовут Елена Васильевна. На празднике Октя-

бря мы веселились и угощались. У нас были шефы. Мы ходили на демонстрацию с флажками. И другие дети тоже ходили. Поправляйтесь скорей. Ваш Дима».

Забегая вперед, скажу, что я навестил Димитрия Георгиевича Остроглядова. Он электрик, работает диспетчером высоковольтной сети. Растит двоих сынов-богатырей: Сережку и Витьку. Собирается в нынешний праздник Октября купить им по флажку и взять ребят с собой на демонстрацию...

Возвращаюсь к документам нашего детства.

На узенькой выцветшей фотографии мальчуган, прижимающий к груди пушистого сибирского кота. Помнишь Фаратика? Того Фаратика, которого, по рассказам воспитателей, нашли полумертвым в теплушке с беженцами, спасавшимися от белых? Он, говорят, был настолько истощен, что до него боязно было дотронуться рукой. Выздоровел Фаратик, окреп и с годами превратился в Фарата Михайловича Гайнулина, почтенного конструктора точных приборов. Встретились мы с ним на одном из ленинградских заводов. Кланялся тебе. Взял твой адрес. Хочет списаться. Вы работаете, оказывается, в смежных отраслях техники...

Я продолжаю перебирать фотографии, рисунки, дневники, диктанты, письма. Все это разложено по папкам, на обложках которых значатся фамилии воспитанников детдома.

Вот «дело» Павла Горячева. Два снимка. На одном курносый задорный мальчишка в пионерском галстуке. На другом бравый, широкоплечий моряк Балтийского флота. Тут же приложена «кривая изменений роста, веса, объема груди». Первая запись, сделанная 3 сентября 1935 года: рост—116 см; вес—22 кг; объем груди—62 см. Интересно бы узнать, каковы нынешние рост, вес и объем груди этого здоровяка-матроса?.. Недавно он прислал в детдом письмо: «Изучаю боевую технику, с помощью которой, если потребуется, буду защищать мирный труд моего народа...» В этом же письме он просит сообщить, где сейчас Костя Братанов, дружок, с которым он потерял связь во время войны. Горячеву ответили: Костя окончил ремесленное училище, он формовщик, стахановец.

Собираясь уходить, я заглянул в кабинет к директору. Хотел попрощаться с Зинаидой Алексеевной. Сделать это сразу не удалось. И вот почему...

Но прежде чем рассказать об этом, несколько слов о директоре.

Трудная, суровая жизнь за плечами у этой женщины. Многие годы отдавшая воспитанию осиротевших детей, она тоже была сиротой. Ее удочерил токарь Семянниковского завода, золотой человек, обремененный большой семьей. Зина только три года могла ходить в школу. Одиннадцати лет она поступила на стеариновый завод подсобницей. После она работала сестрой в госпитале. Во время гражданской войны ездила в санитарных вагонах, ухаживала за сыпнотифозными. Немало обездоленных, беспризорных детей повидала она в ту пору... После войны, работая на мыловаренном заводе фасовщицей, училась в школе взрослых. Потом ее выдвинули в органы народного просвещения. Занималась в Академии имени Крупской. И затем — школы, детские сады, детские дома, дети, дети, дети...

Теперь о том, почему мне не удалось сразу попрощаться с Зинаидой Алексеевной. Войдя в кабинет, я услышал телефонный звонок. Алексеева сняла трубку, сказала: «Слушаю!» И сразу же улыбка озарила ее лицо. Продолжала говорить и все время улыбалась.

— Здравствуй, Галинка!.. Не оправдывайся, все равно не прощу,— подумать только, целую неделю не была... Не прощу!.. Завтра придешь? Ну, тогда постараюсь сменить гнев на милость. Подарки? До праздника далеко, а вы уже о подарках... 500 рублей выделил завком? Можно развернуться! Господи, кукол у них столько, что девать стало некуда... Киноаппарат? Детский, цветной?.. Очень хорошо!.. Танечку?.. Ладно, ладно, разрешу!

Повесила трубку и сказала мне:

— Звонила Галя Каргунова со «Светланы». Этот завод в числе наших попечителей. А Галя — председатель шефской комиссии. Ребята в ней души не чают. Бывает у нас часто и всегда приводит с собой девчат из цехов. Звонит, беспокоится — подарки готовят к празднику. А в конце разговора, знаете, о чем попросила? Нельзя ли взять к себе на праздник Танечку Белозерову? Это ее любимица...

В дверь постучали. Вошло несколько военных.

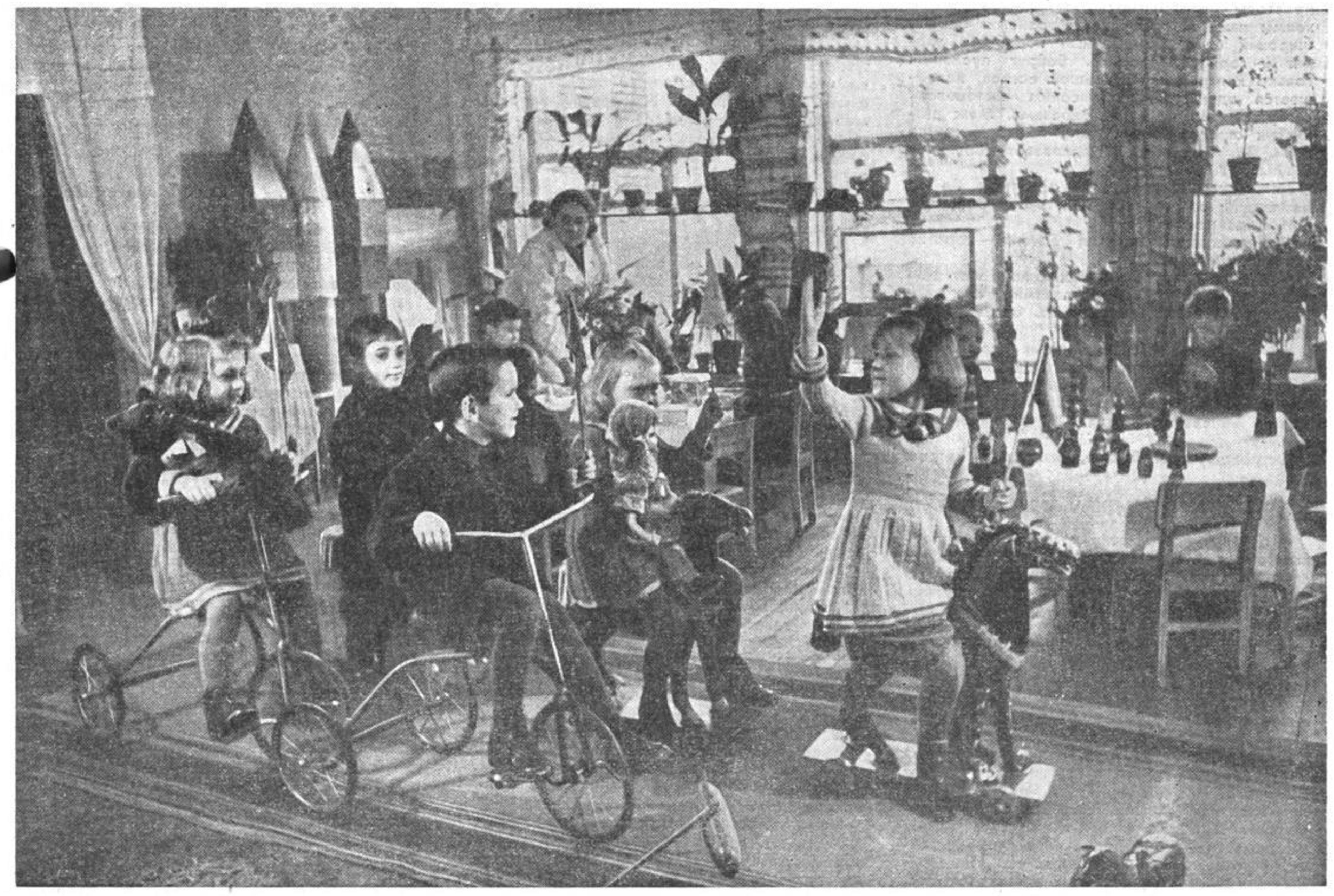
— Это тоже наши шефы,— представила их Алексеева.

Гости сняли шинели. На груди высокого моложавого капитана блеснула Золотая Звезда.

Мы вместе поднялись наверх, в комнату к старшим ребятишкам. Военных встретили, как старых, закадычных друзей. Оба Юры — Будкин и Куличков—бросились к капитану-герою. Он приподнял их на вытянутых руках и посадил на плечи: Юру Будкина — на левое, Юру Куличкова— на правое. Все остальные смотрели на счастливчиков завистливыми глазами. Пришлось и остальных подсаживать по очереди на плечи. Я надолго запомнил эту картину: мальчишки с сияющими рожицами восседают на плечах Героя Советского Союза...

Было уже совсем темно, когда я вышел в сад. Ветер заблудился в густых ветвях лиственниц и шумел там, пытаясь вырваться. В доме наступила тишина. Малыши угомонились. И первые сны уже, наверное, приближались на цыпочках к их кроваткам.

Я постоял у мемориальных досок. И снова представился мне тот исторический октябрьский вечер, когда в этот дом пришли Ленин и Сталин и там, где спят сейчас самые маленькие граждане нашей страны, взлелеянные сталинской лаской, прозвучал призыв к вооруженному восстанию...»

В комнате игр детского дома.

Фото Б. Уткина

УЛИЦА МИРА

Евгений РАТНЕР

Рисунки В. Высоцкого.

1. ОСТРОВА

Несколько лет тому назад в мастерской старого латышского художника привлекла мое внимание картина. Называлась она «Остров». Предвечерние сумерки подернули голубой дымкой заснеженные поля. Широкие просторы напоминают безбрежное море, холмы кажутся застывшими волнами. Словно широкий след, оставленный кораблем, уходит к горизонту дорога. Вокруг пустынно. Только хутор, как небольшой остров, возвышается вдали. Будто высоким частоколом, отгорожен он от мира березами. Меж пятнистых стволов видны дом, высокая крыша риги. Из трубы дома выползает тоненькая струйка дыма.

Долго стоял я перед этим полотном. Да это настоящий остров, остров-хутор в безбрежном море полей!

— Характерный пейзаж Латвии,— коротко заметил художник.

Во время поездок по республике этот пейзаж часто вставал перед глазами: поля, холмы, купы деревьев и острова, острова, острова...

Не увидишь в Латвии длинных деревенских улиц, где избы протягивают одна к другой заборы и плетни; не увидишь деревенских площадей, окруженных веселой гурьбой домиков; не слышна звонкая перекличка соседок.

Острова-хутора. Глухие, замкнутые мирки.

2. РАССКАЗ БРИГАДИРА АРВИДА УЭРТА

— До сих пор многие думают, что я первым в нашей артели заговорил о колхозном городке. Мол, еще два года назад Уэрт об этом на сессии Академии наук речь держал. Но первым был не я. Верно, на сессии я выступал. А как не выступить? Полное ведь несоответствие у нас получалось: с одной стороны, колхоз — общий труд, новые стремления, умная жизнь; с другой стороны, старый хутор. Вот на сессии академии я и сказал ученым:

— Можем ли мы, товарищи ученые, по-настоящему вперед идти, если одной ногой мы на твердом грунте, а другая еще в болоте прошлого? Нет, не можем. А раз нет — так помогите нам, колхозникам, по всем направлениям. О полях, о животноводстве нашем вы думаете — это хорошо, за это вам спасибо. Но помогите нам и другую ногу на твердый советский грунт поставить, посоветуйте, как создать колхозный город.

— Почему город? — говорит мне кто-то.— Для крестьянина если не хутор, так деревня нужна...

— Для крестьянина, может быть,—отвечаю я,— а для колхозника, если он в коммунизм смотрит, колхозный город нужен. — И еще раз им повторяю, чтоб лучше поняли: — Город, повторяю, но колхозный, чтоб было у нас одновременно и сельское приволье и городское культурное удобство, чтоб не хилая крестьянская изба, а дом — хороший, с электричеством, радио, телефоном, с канализацией, чтоб клуб свой с кино и театром, стадион физкультурный, парк и все другое, необходимое советскому человеку. Вот,— говорю,— и обдумайте, товарищи, как нам правильно это соорудить, чтоб было красиво, удобно и выгодно.

Так тогда я на сессии выступил, и после этого действительно пришли нам ученые на помощь.

Но, как я уже сказал, первым у нас в «Наконтне» заговорил об этом не я, а рядовая колхозница, которая тогда даже активисткой не считалась. А это, я думаю, факт большой важности. И было это еще в 1947 году, когда, считая вместе с нашим колхозом, самым первым в Латвии, в республике было только четыре колхоза.

Решил я вечером пойти на хутор к Теодору Лиекне, поговорить с ним о прополке хлебов. А нужно сказать, никогда во всей нашей округе хлебов не пололи, и вычитал я об этом из книжечки алтайского колхозника Рубцова. Сколько мы потом насмешек вытерпели от кулаков и их прихвостней, когда полоть начали! Но недаром говорится: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Хлеба после прополки стеной поднялись.

Так вот, вхожу я на хутор к Лиекне и из открытых окон уже громкий его голос слышу. Подошел к окну, вижу: сидит возле стола Теодор, газету читает, рядом с ним его свояченица Милда и Элла Леопольде, колхозница с другого хутора. Жена Теодора Амалия на пороге стоит, слушает.

Читает Теодор о том, что в селах Великолукской области гитлеровцы разрушили более пятидесяти тысяч домов, сожгли две тысячи деревень, а теперь вот с помощью советской власти выстроена пятьдесят одна тысяча домов и сто шестьдесят тысяч человек переселились в новые жилища.

Внимательно слушает Теодора Элла Леопольде. Раньше, до колхоза, жила она одиноко, горем своим замученная. О газете и понятия не имела. А теперь вот к людям потянулась, к слову печатному.

Стою я у окна и вижу, как внимательно она слушает. Шутка ли сказать: в сорок пятом война закончилась, а уже в сорок седьмом в одной только области пятьдесят одну тысячу домов настроили!

— Во всем нашем уезде не наберется, наверно, столько,— говорит Милда.

Амалия говорит:

— Кругом строят — и в Елгаве и в Риге. И в колхозе нашем тоже строить начали.

— А что же мы хуже других? — усмехается Теодор.— Мы тут такое настроим... На правлении уже разбирали.

— Если меня спросят, я скажу, что̀ нам строить нужно,— вдруг решительно говорит Элла.— Дома̀, вот что!

— Дома̀?!

— Да у нас же, слава богу, все целое. Зачем нам? — удивилась Милда.

— Чтоб жить всем вместе! — отвечает Элла.— Чтоб у каждого свой домик, огородик, все, что нужно, но только чтоб все рядом. Чтобы не как барсуки — каждый в своей норе; чтоб не бегать мне к вам за два километра; чтоб дети не волками на хуторе росли, а среди всех веселились.

«Вот так Элла! Вот так сказала!» — подумал я, потому что сразу почувствовал, какая правда в ее словах. И еще почувствовал, что где-то возле этого и мои мысли крутились, а до конца, вот так, как Элла сейчас, я их не довел.

— Правильно! — крикнул я, не выдержав, прямо в окно. Быстро захожу в комнату и, забыв сказать «добрый вечер», еще раз говорю:

— Правильно, Элла!

Элла даже залилась краской:

— И тебе, Арвид, в одиночку жить надоело?!

— Еще бы!

— Так ты же коммунист, берись за это дело по-настоящему! — Элла от возбуждения даже со скамьи вскочила.

А я действительно был в ту пору первым колхозником в нашей артели, которого в партию приняли. Поэтому люди на меня с особым уважением смотрели. Подумал я и ответил серьезно:

— И возьмемся! Не сегодня еще и не завтра — сначала самое необходимое для всего колхоза выстроим, а потом возьмемся.

— Не знаю, как кто, а я к хутору привык,— сказал Теодор.— Люблю хутор. Тихо. Спокойно.

— Я б ни за что с хутора не ушла,— решительно заявила Амалия.— Очень мне нужно, чтоб всякий, кому не лень, в мои горшки нос совал.

— А я б первая переехала,— настаивала на своем Элла.— Я за свои горшки не боюсь. Что б ни варила, хуже того, что в них в прежние времена было, не будет.

И тут она сказала слова, которые я потом часто повторял:

— Раз мы решили из старой жизни корни вырвать, так уж нужно их вырвать все, до самого маленького корешочка.

Так что, как видите, не я, а рядовая колхозница первая дошла до того, что теперь у нас проводится в жизнь.

3. НА ВОСЕМНАДЦАТОМ КИЛОМЕТРЕ

В конце ноября 1946 года на восемнадцатом километре Елгавского шоссе появилась деревянная указка с надписью: «Колхоз «Накотне» — 1,5 км». Кто мог пройти тогда мимо, не задержавшись у этой указки! Ведь она извещала о рождении первого в Латвии колхоза! Люди останавливались и подолгу глядели в сторону хутора, который принадлежал когда-то кулаку Эглиту. А многие, очень многие сворачивали с шоссе и шли смотреть, что это такое — колхоз.

Прошло немного времени, и колхоз перестал быть диковинкой. Во всей Латвии колхозы, всюду поля, как широкое море. И все же люди продолжали останавливаться у километрового столба с цифрой «18». На глазах у всех удивительно изменялся бывший кулацкий хутор, где разместился колхозный центр. Еще не так давно были там только дом, скотный двор и рига. Но вот начала вырастать одна постройка за другой: лесопилка, мельница, кузница, гараж, зернохранилище, зерносушилка, несколько оранжерей,

ферма чернобурых и серебристых лисиц, поднялись стены нового скотного двора.

Люди говорили:

— Какой же это хутор? Городок настоящий. Нужно и нам так...

Но колхозники «Накотне» знали: это еще не городок, настоящий городок только будет. Они уже видели его нарисованным рижским архитектором на больших листах.

И вот сейчас, этой осенью, снова никто не минет восемнадцатый километр, чтобы не задержаться: как не посмотреть на целую улицу, которая выросла метрах в четырехстах от шоссе! Красивые дома с бетонированными стенами тянутся один за другим. На длинных шестах висят огромные венки. Их, по старому обычаю, повесили, когда установили стропила. Теперь многие крыши уже кроют шифером. Высоко на перекладинах стучат молотками и топорами строители. С утра и до вечера трудятся они там.

Теперь во многих колхозах стройка, во многих местах возводятся колхозные городки и поселки. Но в «Накотне» привыкли все делать первыми. Вот и сейчас они впереди. В «Накотне» уже целая улица. Хорошая улица!

Вечером, когда на стройке кончают работу, многие колхозники, возвращаясь с полей, идут к новым домам. Перед этим строгий бригадир строителей Жанис Крамзак, сухонький непоседливый старик, придирчиво проверил все сделанное на стройке за день и ждет хозяев: пусть посмотрят, пусть убедятся — трудовой день не пошел на ветер.

Не один десяток домов выстроил в прежние времена Жанис Крамзак для кулаков. А сам всегда был бездомным. Впервые в жизни он возводит теперь жилища для бывших батраков. Впервые в жизни строит и для себя. Но никто не скажет, что для себя он старается больше, чем для других. В этом отношении Жанис — самый щепетильный человек. Его дом рядом с двухэтажным коттеджем Теодора Лиекне. К себе Жанис если и заглянет, то мельком, а вот соседское жилище, как и другие, у него под постоянным надзором. И уж жди беды, если у соседа что-нибудь хуже сделано, чем у него.

Неразговорчивый человек Крамзак, будто всегда сердитый, недовольный чем-то. Но колхозники хорошо знают старика. Это он с виду такой. А сам — весь для людей, для артели. Ведь все, что выстроено в «Накотне», делалось под его руководством и многое — его руками.

Вот и сегодня — пришел Теодор Лиекне, а Крамзак бурчит:

— Проверяешь все, вроде ты больше меня в этом смыслишь...

А сам быстро семенит по доскам наверх, ведет, показывает.

— Имей в виду, Жанис,— осторожно двигаясь за бригадиром, говорит Лиекне,— к Октябрьской я тут должен новоселье справить.

— Всякий день это от тебя слышу,— ворчит Крамзак. — Обещал,— значит, справишь. И не ты один.

С особым удовольствием осматривает каждый раз Лиекне свое будущее жилище. Две комнаты, кухня, кладовки разные внизу, две комнаты на втором этаже. Комнаты просторные, потолки высокие, большие окна, крашеный пол будет.

— Здорово заживем, дружище! — Теодор радостно хлопает своей увесистой рукой по узенькому плечу Крамзака.

— Да уж заживем как-нибудь.

— Как-нибудь? Нет, старина, по-настоящему заживем!

Веселый спускается Теодор вниз. А тут уж, конечно, любопытствующие гости. Ходят, смотрят, руками щупают.

— Похоже, что покупатели на наши дома нашлись,— смеется Теодор.— Вишь, как приглядываются.

— А что ж, если недорого возьмете, можно и купить. Домики подходящие,— улыбается высокий человек с пышными усами.

— А сами вы что ж, безрукие? — ворчит Крамзак.

— Почему безрукие? Мы уже фундамент заложили. На тот год тоже улица вырастет.

Рядом с усачом другой гость. Он уже несколько раз порывался что-то сказать: то подавался вперед, то, переминаясь с ноги на ногу, отступал.

— Ну, а как у вас, того, кто, к примеру, без желания?... Ну, к примеру, все за новое, а у него сердце к старому хутору приросло. Будут его неволить или пусть живет? — наконец, запинаясь, спрашивает он.

Теодор Лиекне бросает на гостя хитрый взгляд.

— А из какого, позволь узнать, вы сословия: колхозник или так?

— Ясное дело — колхозник,— спешит ответить за товарища усач.

— Ну, в колхоз ты шел по неволе или по личному стремлению?

— Жизнь привела,— тихо отвечает второй гость.

— То-то, что жизнь,— соглашается Теодор.— Вот и из хутора тебя жизнь сама уведет...

— А как улицу свою назовете?— спрашивает вдруг усач.

Теодор задумывается, и глубокие морщины перерезают его высокий выпуклый лоб.

— И я, грешным делом, когда-то думал, что тоже сердцем к хутору прирос. Спросите у Арвида Уэрта, нашего бригадира, он подтвердит. А потом, брат, и сердце и разум подругому порешили. Взять для начала такое простое дело, как километры. От хутора до колхозного центра три с половиной километра. Идешь утром—три с половиной, в обед—туда и обратно—семь, с работы — еще три с половиной. Вот уже четырнадцать набралось. А если еще на собрание какое или кружок,— значит, полных двадцать один километр. А сколько эти километры времени проглатывают? Мог бы отдохнуть, книжку почитать, а то шагай... Это, так сказать, арифметика, которую разум решает. Ну, а сердце? Сердце, брат, теперь тоже другое. Первонаперво сердце теперь к людям тянется, к друзьям, к товарищам. Скучно в одиночку. В голове думы разные: то бы получше сделать, тут бы подправить... На свободе, после работы, пойти бы к товарищу, поговорить... А до товарища идти да идти. И товарищ тем же мучается. А женщине? Той совсем из хутора не вырваться: дети, кухня, по двору, по дому заботы... Вот Крамзак, бригадир наших строителей, вроде в обиде на меня, что я его каждый день допрашиваю, будет ли новоселье на Октябрьскую. А жена моя по пять раз на день мне этим докучает. И я не в обиде. Понимаю ее. Она только и мечтает про городок. «Я,— говорит,— тогда и в красный уголок, и в библиотеку, и в гости— к кому захочу».

— Верные слова, очень верные,— говорит усач.— Раньше человек человека сторонился. И был ему хутор, как крепость с высокими стенами. А теперь труд его на людях, и жить он хочет среди людей.

— Ну, а все-таки интересно мне,— снова подает голос второй гость,— есть ли такие у вас, которые прикипели к старому месту и не хотят с насиженного трогаться?

— Есть,— громко отвечает подошедший колхозник Олег Бевальд.— Тесть мой, к примеру.

— Ну и что ж он? — сразу же оживляется гость.

— А что ему? Мы с женой переходим, а он со старухой остается.— И, усмехнувшись, добавляет: — Зиму перезимует, а потом к нам придет.

— Это же откуда известно, что придет?

— А уж известно,— вдруг вмешивается Крамзак.— Он и в колхоз так. Сначала ни в какую. А когда зять и дочь вступили, то и сам потом пришел. Придет! Кому охота на отшибе пустынником жить, когда тут такое будет!..

— Эх, и будет же! — говорит Теодор Лиекне.— Улица в асфальте, перед каждым домом деревья, цветы. Вот там, среди рощи, на тот год двухэтажный клуб выстроим со своим театром и кино. Новую баню и хлебопекарню поставим. По берегу Ауце парк культуры и отдыха разобьем. Стадион для спорта устроим. Да кого же в такую радость с хутора не потянет?!

— Потянет, ясное дело,— потянет! — громко смеется усатый гость и локтем подталкивает своего товарища.

Тот молчит. Лицо у него сосредоточенное.

— А как улицу свою назовете? — спрашивает вдруг усач.— Колхоз ваш «Накотне» [1] — правильное название. Ну, а улице какое имя?

— Есть ей имя,— твердо говорит Лиекне.— Мы его напишем, когда все готово будет, а сейчас в уме каждый носит.

— Какое же, если не секрет?

— Секрета тут быть не может. Сам знаешь, что за время сейчас. Американские «господа» и всякие их холуи войной живут, а мы — миром. Вот и улица эта мирных наших дней свидетель. Значит, и название ей — «Улица мира».

4. ХАРАКТЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Возвращаясь из колхоза «Накотне», я заехал в Джукстский сельсовет, где недавно был заложен агрогород. Возле здания сельсовета я вдруг увидел знакомого художника с объемистой папкой подмышкой.

— Давно из Риги? — спросил он оживленно. — Как она там? Я вот уже скоро два месяца, как путешествую.

— Где же вы странствуете?

— Да вот в Аудринях, в Резекненском районе сидел. Там ведь колхозники целый город строят. Огромнейший материал для новой картины. Знаете, как назову? «Характерный пейзаж». Да, да! Нужно смотреть вперед. А сюда за одной интересной деталью приехал. Вы были на месте будущего города?

— Вот собираюсь туда.

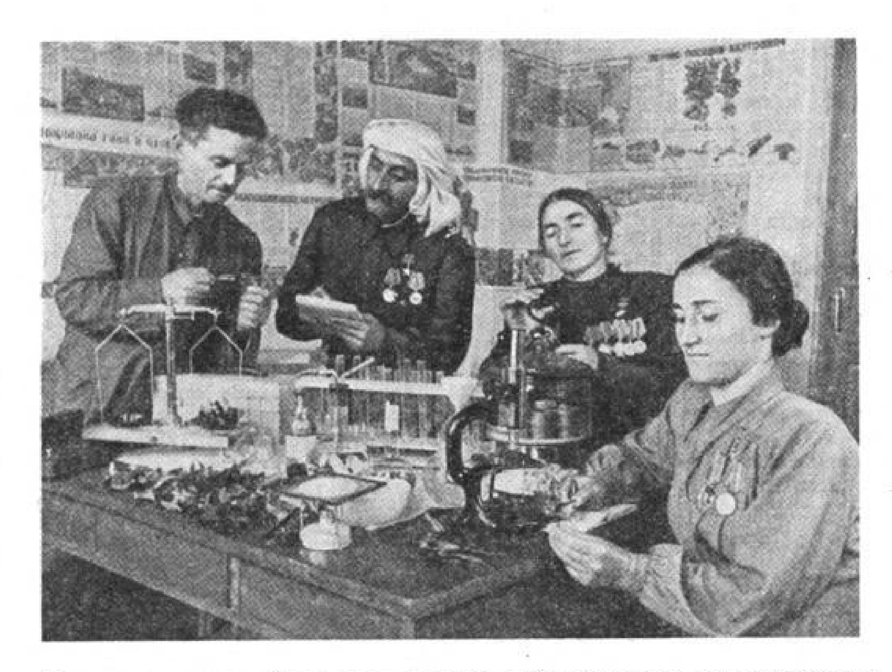
— Идемте, покажу.

Мы направились к школе, возвышавшейся невдалеке. Перед фасадом здания раскинулся молодой парк. В парке мы увидели большой гранитный камень.

— Читайте! — взволнованно сказал художник.

На граните было высечено: «Вместо отживших свой век хуторов здесь будет сооружен агрогород имени Сталина».

[1] По-латышски «накотне» — будущее.

В колхозе имени Берия своя, хорошо оборудованная агролаборатория. На снимке (слева направо): агроном колхоза И. Кедия, Герои Социалистического Труда П. Купуния, Т. Купуния и Э. Джоджуа.
Фото М. Квирикашвили

СОРОК ЗОЛОТЫХ ЗВЕЗД

— Хотите побывать на участках наших Героев Социалистического Труда? Нелегко это будет. У нас ведь их немало — сорок человек. Работают они и на чайных, и на кукурузных, и на виноградных участках. Для начала я вас со всеми сразу познакомлю. Приходите сегодня вечером к нам на совещание.

Мы так и сделали, послушавшись совета Антимоза Михайловича Рогава, председателя грузинского колхоза имени Берия, Зугдидского района.

Герой Социалистического Труда Антимоз Михайлович — невысокий, худощавый человек, быстрый в движениях, энергичный, подтянутый — руководит колхозом с 26-летнего возраста, а сейчас ему под сорок. Артель развилась в крупное, многоотраслевое хозяйство. Тут и чай, и кукуруза, и виноград, и тунг, и цитрусы.

Сейчас, когда в западной Грузии многие мелкие артели слились, на собраниях колхозников не раз говорили о колхозе имени Берия, на примере которого особенно наглядно видны преимущества крупного хозяйства.

...Мы шли по улицам колхозного села. Называется оно Ахали сопели, что значит Новое село. Оно таким и выглядит. Колхозники, в сущности, построили его заново. Почти все дома сооружены за последние 15 лет.

Крестьянские дома в этих краях весьма своеобразные. Строятся они на высоких столбах. Раньше это делалось для защиты от болотной сырости. Но болотистые, гиблые места усилиями колхозников давно превращены в здоровые, цветущие, плодородные. Подобная архитектура — зовется она здесь «ода» — сохранилась, однако, и поныне. Меж столбов теперь сооружается нижний этаж дома — большая кладовая. Хранятся здесь зерно, вино, сыр, мясо, а всего этого много у каждого колхозника.

— И все же Ахали сопели мы собираемся переименовать,— сказал председатель колхоза.

— Отчего же? Название отличное.

— А еще больше подойдет Ахали калаки — Новый город.

Легко понять председателя колхоза. Село уже сейчас многим напоминает город. Лесопильный и кирпичный заводы, школа, клуб, детские ясли, радиоузел. Все они размещены в капитальных зданиях на ровных, прямых улицах, по которым то и дело снуют легковые автомашины колхозников. К их услугам и бензиновая колонка. Подъехал колхозник на «Победе» или «Москвиче», предъявил талон, заправил машину и двинулся дальше...

У нового двухэтажного здания правления колхоза, расположенного на площади в центре села, вытянулись цепочкой 12—15 автомашин.

Кабинет председателя полон народа. Это и есть Герои Социалистического Труда. Пришла сюда вся семья Кадария — муж, жена и дочь. Пришел шестидесятилетний Платон Купуния — среди Героев Социалистического Труда он старший по возрасту. Рядом с ним сидит самая молодая Героиня — Нателла Кардава: ей восемнадцать лет. И он и она — чаеводы. Рассказывают, что старик Купуния немало был уязвлен вначале, когда узнал, что Нателла сравнялась с ним по урожайности чайного листа. А потом с гордостью говорил: «Это хорошо, когда молодые учатся у стариков и догоняют их. Значит, учителя неплохие...»

А молодежь в колхозе быстро растет. Как-то в артель имени Берия приехали гости из Азербайджана — обменяться опытом. С ответным визитом в братскую республику, в ленкоранский колхоз «Правда», было решено послать молодежь — Героев Социалистического Труда В. Джоджуа, Н. Кардава, М. Кадария и В. Берия. Ленкоранцы с благодарностью вспоминают уроки, полученные ими на плантациях от молодых грузинских колхозниц.

Колхоз имени Берия собрал 500 тонн чайного листа: годовой план перевыполнен больше, чем на 100 тонн. Однако работа не прекращается. Дождь идет уже несколько дней — вестник близкой зимы. И тем не менее многие герои-чаеводы продолжают собирать чайный лист. На плантациях под зонтиками, в цветных дождевиках работают Нателла Кардава, Доминика Кадария, Ольга Кантария, Лена Читанава. Дождь им не помеха.

И вот сейчас в колхозной конторе мы видим всех их, сорок прославленных Героев из села Ахали сопели.

Уже не в первый раз председатель артели Рогава проводит такие совещания. Цель одна: правление колхоза (оно тоже в основном состоит из Героев) советуется с самыми опытными, знающими и уважаемыми на селе людьми.

Речь вели об агротехнике, о строительстве и о многом другом.

— Почти все Герои в колхозе со средним образованием. Теперь нужно учиться дальше,— сказал председатель. Сам он студент-заочник Грузинского сельскохозяйственного института имени Л. Берия.

Интересные вопросы были затронуты в тот вечер. Далеко вперед смотрят люди. Большие у них запросы, широк круг интересов. Тамара Купуния говорит:

— Нельзя ли так наладить дело, чтобы наши Герои и все передовые колхозники чаще выезжали в братские республики, в нашу любимицу Москву? Страну посмотрим, опыта наберемся.

И ее все поддерживают.

— Учтем ваши предложения,— отвечает Рогава.— Правление колхоза позаботится о том, чтобы каждый наш колхозник лучше знал свою советскую Родину.

...Поздно вечером кончилось совещание. Со светлыми думами, новыми заботами о дальнейшем процветании родного колхоза расходились и разъезжались по домам его участники — 40 Героев Социалистического Труда.

И. НОВИЦКИЙ.

В кабинете председателя колхоза А. М. Рогава (стоит у стола) собрались Герои Социалистического Труда.

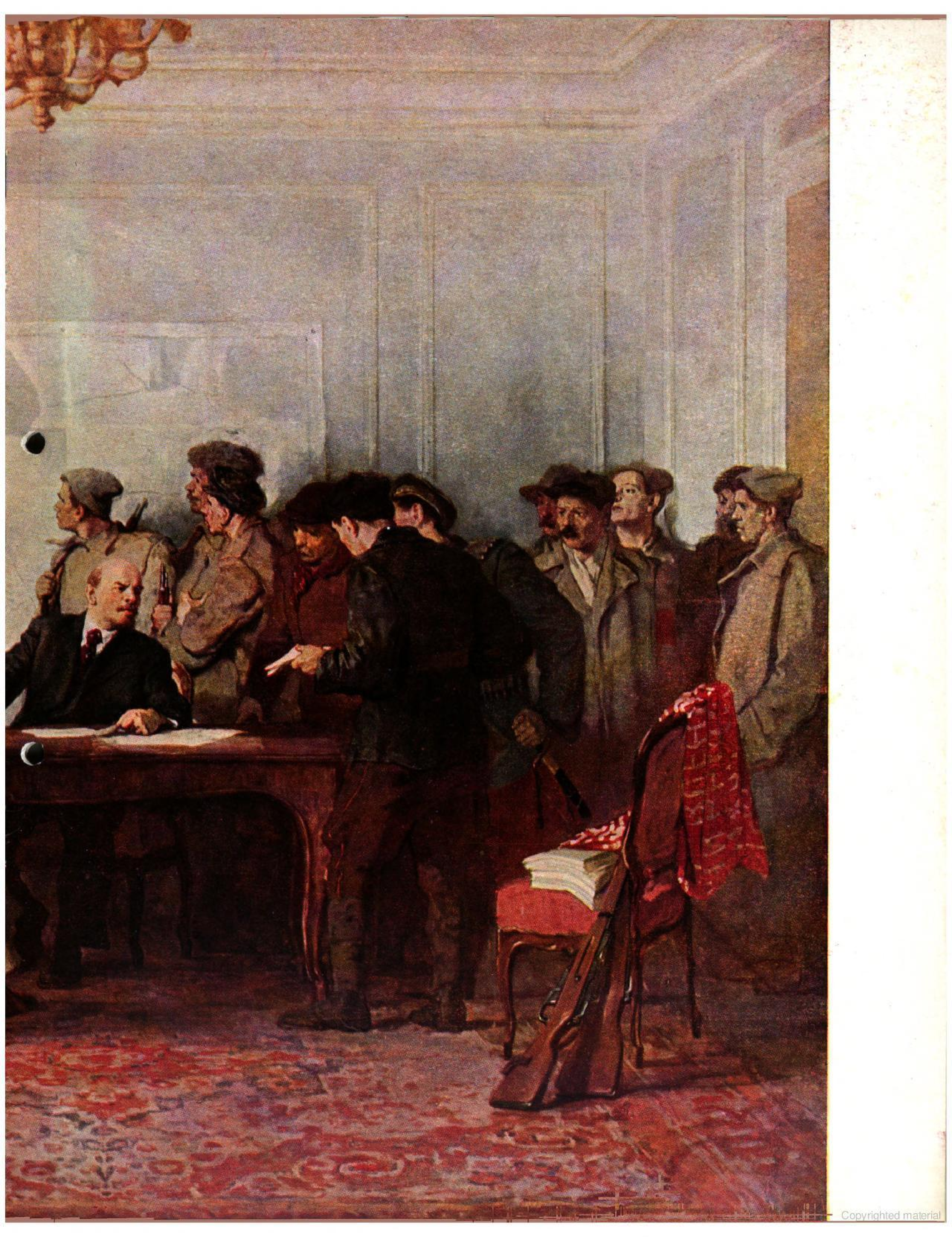

П. И. Розин.

ВСТРЕЧА В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА В РАЗЛИВЕ.

В. Орешников.

СВАДЬБА

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунок О. Георгиева

Несмотря на то, что наступила горячая пора уборки хлеба, в пятницу на поля пошли только те, кто обслуживал тракторы и комбайны,— остальные жители деревни Лизаветовки не вышли на работу.

Беленые хаты, широкие палисады, школы, тополя, ясли, магазины и скотные дворы Лизаветовки растянулись вдоль реки на такую длину, что так и не удавалось узнать, сколько же километров от этой Лизаветовки до райцентра. В одном конце деревни говорили — восемнадцать километров, в другом — двенадцать. Народу там живет немало.

И вот в погожий будний день не вышел на работу ни колхоз имени Чкалова, ни «Переможник», ни «Заря».

В этот день, в пятницу 11 августа, все три колхоза Лизаветовки сливались в один объединенный колхоз.

Рано утром в каждом колхозе были проведены общие собрания, на которых решался вопрос об объединении.

Собрания в колхозе имени Чкалова и в «Заре» прошли гораздо быстрее, чем предполагали работники сельсовета, а когда в «Переможнике» комсомолец Головерда стал спрашивать: «Какие есть соображения?», да «Кто еще выскажется?», да делать между каждым вопросом такую паузу, что в течение этой паузы можно было бы скосить десять соток пшеницы,— старый Полищук сказал: «Когда балакают про то, что снег белый, никто тебе не скажет, что он черный, хоть ты тут до утра карандашом по столу стучи». И хотя комсомолец Головерда очень любил председательствовать, собрание пришлось закрывать и в «Переможнике».

А на два часа дня было назначено общее собрание объединенного колхоза с повесткой дня, включающей семь вопросов, начиная от выборов председателя колхоза и кончая выборами женского совета и редколлегии стенной газеты.

К часу дня на зеленой лужайке поставили стол для президиума, вынесли из клуба скамейки, и духовой оркестр чкаловского колхоза в тени тополей и акаций репетировал туш, развесив на спинах рукописные ноты. Скоро колхозники придут сюда с хлебом-солью и со знаменами.

Колонну колхоза «Переможник», как велось исстари, должен был возглавить старый Полищук. Василина Карповна отправилась в его хату с круглым караваем, завернутым в газету. Она девять лет руководила колхозом, и теперь на душе ее было как-то смутно: и радостно и грустно. По правде сказать, если бы ее воля, она ни за что не доверила бы беспокойному и сварливому Полищуку хлеб-соль. Но ему недавно исполнилось не то девяносто один, не то девяносто два года, он слыл самым старшим не только в «Переможнике», но и во всей Лизаветовке, все его знают и удивятся, если во главе колхоза пойдет кто-нибудь другой. И хотя Василине Карповне осталось председательствовать не больше часа, она с тяжелым сердцем доверяла каравай деду.

Полищук по старости лет уже не работал, но целыми днями бродил со своей клюшкой по полям и фермам, во все вникал и на все наводил критику. В прошлом году до того спорил с районным агрономом, где сажать лесные полосы, что агроном выскочил из его хаты распаренный, словно выпил десять стаканов чаю, и до того ошалелый, что в какой-то важной бумаге расписался не на своем месте. А недавно, когда для опыта решили подкатать пашню, этот Полищук встал перед трактором и целый час не давал ехать. Вот и тут боялась Василина Карповна: в самую последнюю минуту он может вытворить любую несуразность, какая только взбредет в его лысую голову.

Василина Карповна постучалась и вошла.

В горнице пахло нафталином. Сундук был открыт. Дед сидел на лавке и с помощью внука натягивал хромовые сапоги с острыми носами.

— Товарищ Полищук,— сказала Василина Карповна, поклонившись,— наши колхозники просят тебя снести на собрание хлеб-соль. Дай свое согласие...

Дед взглянул на нее, приподняв свои кудрявые брови, пожевал белый запорожский ус и неожиданно спросил:

— А с долгами как?

— С какими долгами?

— А с колхозными. Мы разным конторам сколько должны? Шестьдесят тысяч должны? А?

— Ну, шестьдесят.

— Видишь, шестьдесят. А чкаловцы тридцать чи тридцать две. Кто наши долги платить станет?

— Вон у тебя про что голова болит,— проговорила Василина Карповна.— Все вместе станем платить. Теперь все общее — и хорошее и плохое, дед. Ты слушай, что надо делать. Как мы придем, нас встретит из колхоза Чкалова товарищ Бойченко, который в партизанах был. Ты встань против него, обожди, как музыка смолкнет, и тогда подноси хлеб-соль. Понятно?

— Чего же ты за каблук дергаешь? — сказал Полищук внуку. Он не любил, чтобы его учили.

— А кончат играть,— продолжала Василина Карповна,— стань вот так вот, сними шапку и скажи: «Товарищи колхозники колхоза имени Чкалова...» Не «чкаловцы», смотри, а «имени Чкалова». Понятно?

— Понятно... Тяни сильней,— сказал он внуку.

— ...«просим принять нас в одну семью, соединиться с нами, чтобы вместе хозяевать на пользу нашей великой Родины». Вот и все. Потом стань вот так вот и больше ничего не говори. Он тебе ответит, обменяетесь караваями и пойдете на первую скамейку. Понятно?

— Понятно-то понятно,— задумчиво протянул Полищук,— а вот с долгами как быть, прямо не знаю. Они, может, ничего и не скажут, а все-таки обидно им наши долги платить.

— Да что тебе так дались эти долги? — рассердилась Василина Карповна.— Тут такое событие происходит, а ты заладил одно: долги да долги! Событие это такую важность имеет, как, к примеру, коллективизация в тридцатом году. А ты деньги считаешь.

За окнами раздалась веселая песня. Полищук поднял занавеску. По середине улицы строем шли колхозники «Зари» в фуражках, кепках, в белоснежных косынках, со знаменем и цветами.

Василина Карповна велела деду быстрей собираться, а сама побежала предупредить девчат, чтобы они нарвали цветов. Но цветы уже были, и, поручив Головерде вести строй, Василина Карповна пошла вперед, к зданию сельсовета, чтобы посмотреть, как встретятся первые два колхоза.

Полеводы, овощеводы и животноводы «Зари» стояли возле скамеек. Никто не садился. Вдали показался строй чкаловцев. От группы колхозников «Зари» отделилась старушка в переднике и, бережно поддерживая загорелыми руками круглый хлеб с насыпанной на него щепотью соли, сделала несколько шагов вперед. Дирижер с малиновыми губами поднял кларнет, оркестр вскинул сверкнувшие на солнце трубы — и замер. Чкаловцы приближались, окруженные толпой горластых ребят. Впереди несли переходящее знамя сельсовета и знамя колхоза. Между знаменами с хлебом-солью шел бледный от волнения бывший партизан Бойченко. В петлице его пиджака сиял орден Ленина.

Оркестр начал играть. Бойченко подошел к старушке и поклонился ей поясным поклоном. Старушка также поклонилась ему.

— Товарищи колхозники «Зари»,— начал Бойченко,— почти двадцать лет тому назад по совету нашего дорогого отца товарища Сталина мы организовали наши колхозы и с честью дошли до социализма. Давайте теперь,— голос его дрогнул,— давайте теперь также с честью одним большим колхозом пойдем дальше, до коммунизма.

И он протянул старушке каравай, на котором были выпечены из теста узорчатые бантики и косички. Старушка хотела отвечать, но щеки ее задрожали, и она заплакала. Ей стали шепотом подсказывать с обеих сторон, но она не могла удержать слез и, наконец, махнув рукой, обняла Бойченко и поцеловала его.

Через несколько минут показался «Переможник». Василина Карповна с беспокойством взглянула из-под руки на деда. Старый Полищук шагал медленно и торжественно, прижав клюшку локтем, и нес свой каравай на чистом полотенце. Рядом с ним шли две девушки с огромными букетами георгинов. Заплаканная старушка и Бойченко встали под знаменами. Полищук подошел и махнул оркестру, чтобы он кончал играть. Некоторые музыканты опустили было трубы, но дирижер упрямо мотнул кларнетом, и дед вынужден был дослушать марш до самого конца.

— Товарищи,— сказал он, когда все смолкло.— Товарищи колхозники «Зари» и колхоза имени летчика Чкалова...

«Обязательно ему что-нибудь от себя прибавить надо,— сердито подумала Василина Карповна,— ну, да ладно, хорошо хоть речь невелика». В это время, словно нарочно, Бойченко мигнул. Мушка ли ему в глаз попала или солнечный зайчик от кларнета скользнул по его лицу,— неизвестно, но Бойченко мигнул одним глазом. Полищук оборвал свою речь на полуслове, внимательно посмотрел на Бойченко и среди всеобщей тишины спросил:

Г. К. Савицкий.— ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ. ←

Завтра

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СЛОВО О ТУРКМЕНСКОМ КАНАЛЕ

В тот миг, когда зари крыло
Ударило в окно,
В тайгу, в сибирское село,
Ко мне по радио пришло
Известие одно.

И столько силы было в нем
И столько красоты,
Что понял я: сентябрьским
днем
Земли сбылись мечты,

Что дни последние живут
Туркменские пески
И суховей, что дик и лют,
Смирят большевики.

Пусть за Аралом не был я,
Но что же из того!
Ведь мне, далекие друзья,
Есть дело до всего.

И с енисейских берегов
Мне видится вдали
Не край губительных песков —
Цветение земли.

Я вижу нежных трав шитье,
Хлопчатник вижу я,
Сквозь сердце жаркое мое
Прошла Аму-Дарья.

И шум строительства в тайгу
Ветра несут ко мне.
Скажите, разве я могу
Остаться в стороне!

Я слышу, как вода, звеня,
Идет в пески волной,
Вам трудно будет без меня
На трассе головной.

Я знаю нрав большой воды,
Великих рек прибой,
Мы вместе вырастим сады
И оживим Узбой.

Не будет больше желтой тьмы,
Закроем ей пути.
И Кара-Кумы только мы
Заставим расцвести.

БУДУЩЕЙ ШКОЛЬНИЦЕ

Знаю, к карте с новенькой
указкой
Подойдешь ты, школьница моя,
Пред тобой зеленой, сочной
краской
Засияют волжские края.

Города пройдут перед тобою,
Ты задержишь взгляд
у Жигулей,
Где родится море голубое
В стороне размашистых полей.

Вот уже указка у Арала,
Где поля хлопчатника в цвету,
Главного Туркменского канала
Ты покажешь синюю черту.

Там метели черные шумели,
Не росли там даже ковыли,
Но, пока спала ты в колыбели,
Мы канал в пустыню провели.

Там барханы горбились уныло,
Там земля томилась без воды,
Но, пока ты в детский сад
ходила,
В Кара-Кумах выросли сады.

Все тебе: плотина Сталинграда —
Коммунизма солнечный
чертеж, —
И огни каховского каскада,
И лугов росистая прохлада,
Вырастай, надежда и отрада,
И свое наследство приумножь!

Красноярск.

Стихи об украинском дипломате

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

В конце войны
простой мундир солдата
он заменил мундиром дипломата.
Но бой все тот же продолжает он
в бесчисленных комиссиях ООН.
Там всюду,
как бывало в Сталинграде, —
по этажам,
ступеням,
баллюстраде,
по всем столам,
по распорядку дня —
проходит резко линия огня...
Пред ним —
дельцов банкирская порода,
таким
ни мир не дорог,
ни прогресс.
А он —
достойный сын того народа,
который дважды строил Днепрогэс.
Его устами говорит отвага,
что вырастала в жизни фронтовой
и расписалась на камнях рейхстага.
По всей земле гремит:
— Войну долой!
...Пред ним сидят,
кому поныне снится
украинское сало и пшеница.
Призывы к миру отклонив, как ересь,
в него глазами атомщики въелись.
Ему бы не уйти от бешеной расправы,
когда б он не был родиной храним.
И на столе флажок его державы,
как щит стальной,
сияет рядом с ним.
А за спиною,
как на страже,
встали
копры Донбасса, домны Азовстали.
Он говорит о совести, о чести,
и слов таких всесильна прямота:
— Не та сегодня Русь,
а с нею вместе
и Украина,
господа,
не та!

Киев.

— Ты зачем подмаргиваешь?

— Говори, говори, дедушка,— упрашивала Василина Карповна,— не задерживайся.

— Нет, ты скажи, зачем ты подмаргиваешь? Ты думаешь, я не знаю? Знаю! — Полищук сунул каравай вместе с полотенцем подмышку.— Ты думаешь, у нас долгов шестьдесят тысяч, поэтому мы и пришли до вас с цветочками?

— Да что ты, дедушка! — проговорил ошеломленный Бойченко.

— Нет, не отговаривайся. Ты это подумал, когда подмаргивал? А давай посчитаем, как вам лучше: вместе с нами или по отдельности жить. Вот вы провели себе радио. Ладно. Сколько вам это радио стоило? Тридцать семь тысяч. И мы недавно заявление написали, чтобы нам радио провели. Это что, еще тридцать семь тысяч? Еще тридцать семь. А что, «Заря», она радио не хочет слушать? Хочет. Вот тебе еще тридцать семь тысяч. Всего сто десять тысяч, да еще с хвостом. А мне районный агроном говорил, что радиоустановка на всю нашу Лизаветовку стоит пятьдесят тысяч, не больше. Посчитай, сколько у нас в кармане остается? Шестьдесят тысяч. А клуб? Это одна комедия: выстроили мы клуб, убили двести тысяч. А вашим девчатам, чего, клуба не надо? Значит, и вам двести тысяч выкладывать и «Заре». А на всех нас, на шестьсот человек, мне районный агроном говорил, за триста пятьдесят тысяч можно поставить клуб да не такой, как у нас, а в два этажа, с комнатами всякими да с пианинами... Посчитай-ка теперь, сколько у нас грошей останется? Мы с тобой не только долги отдадим, мы любую машину купим — пилораму, молотилку на колесах, если бы ее продали...

Полищук поискал глазами, куда бы положить каравай, но всюду видел только обступивших его кольцом людей, и улыбающихся и серьезных.

— Мне районный агроном рассказывал,— продолжал дед,— что есть у нас на Украине колхоз. В нем одиннадцать женщин и восемь мужчин. Называется этот колхоз «Смерть империализму». Я и подумал: если им пришлют из мэтэеса такую молотилку, что они станут делать? На ту молотилку, я так смотрю, человек пятьдесят надо. А у вас что? Сколько у вас свободного народа останется, если, к примеру, завтра вам такую молотилку привезут? Или комбайн. Как ты думаешь, комбайну легше идти напрямик две или три версты или, как у вас, крутиться на двухстах саженях? Вот ведь какое дело...

Полищук задумался, нахмурив кудрявые брови.

— Кланяйся, дедушка, кланяйся,— зашептала ему Василина Карповна.— Осподи боже мий, да кланяйся же!

— А люди? — встрепенулся Полищук. — Разве нам сейчас без ученых людей хозяевать можно? Нам трех агрономов надо, трех бухгалтеров, пчеловодов, лесоводов, садоводов разных,— всех по три. А где их взять? У нас, в Лизаветинском сельсовете, пока ни одного университета еще нету. А во всем районе, говорил районный агроном, сорок восемь агрономов, а колхозов шестьдесят. Да что агрономы! А ты думаешь, простое дело трех председателей колхозов найти? Ты думаешь, ваш голова — председатель? Если он председатель, так что же он делает? — голос Полищука стал вкрадчивым и мягким.— Ну, скажи, что он делает? Тетка Гарпина на вашем конце живет, а захотела вступить в наш колхоз. Ладно. Так что ваш голова надумал? Отрезать ей землю в огороде до самого пупа! Вот что надумал ваш председатель! А что, тетка Гарпина из Нью-Йорка приехала чи еще с какой фашистской вотчины? Такая же, как мы с тобой, лизаветинская... Вот тебе и получается «Смерть империализму»...

Нельзя так делать. Мы с вами, други мои, артель, и нет между нами чужих людей, и все кругом: и вода, и леса, и земля — наше с вами общее добро. И тот не голова колхоза, кто этого не понимает. Сейчас мы с вами сядем да и выберем одного председателя, да найкращего, бо надо помнить, який батька у дытыны, така и дытына.

Полищук взял каравай в обе руки, приосанился и сказал:

— Сейчас в нашей жизни происходит великое событие. Событие такой же важности...

«Ну, кажется, снова встал на рельсы»,— вздохнула Василина Карповна.

— ...Событие такой же важности, как, например, свадьба!

Все засмеялись.

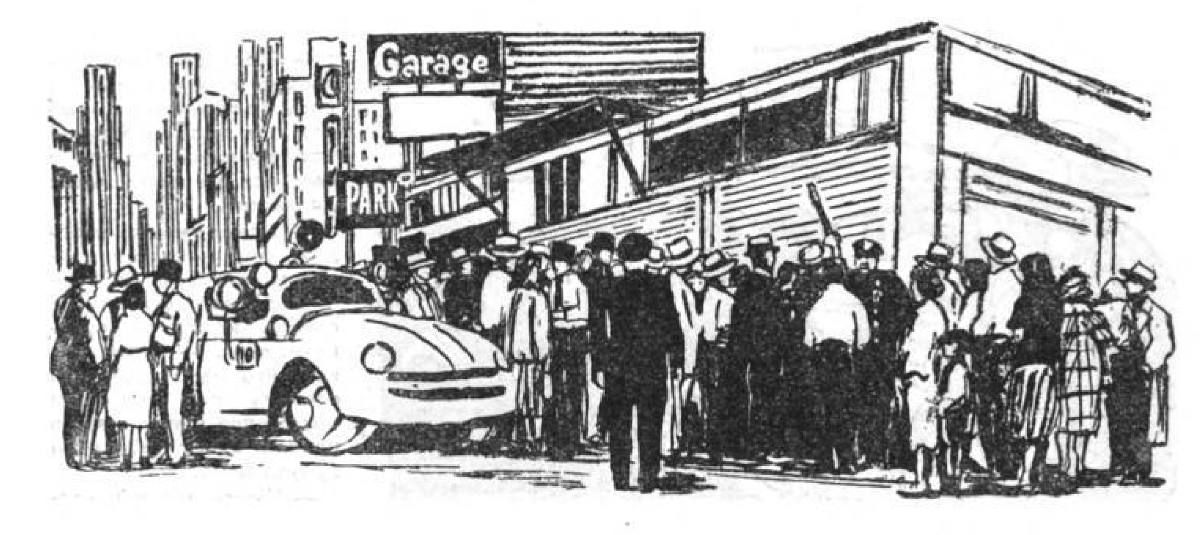
— Хозяевали раздельно, а теперь нам весь век хозяевать вместе. Так давайте, старики, обнимемся да и поцелуемся, и не сердитесь на меня за худые слова... Да чего же вы не играете, бисовы дети! — сердито закричал дед, пытаясь напускным раздражением перебить поплывшие в глазах слезы.

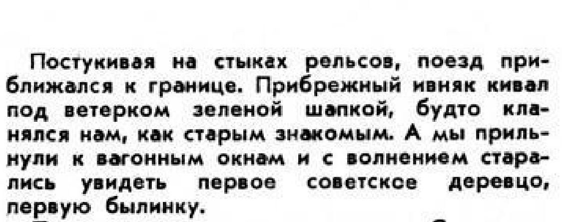
ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Вл. ОЗЕРОВ

Из записок журналиста

Рисунки Л. Бродаты

Постукивая на стыках рельсов, поезд приближался к границе. Прибрежный ивняк кивал под ветерком зеленой шапкой, будто кланялся нам, как старым знакомым. А мы прильнули к вагонным окнам и с волнением старались увидеть первое советское деревцо, первую былинку.

Показалась пограничная застава. С портрета на высокой арке спокойно, зорко и внимательно глядели отеческие глаза родного Сталина...

Мы дома! Родные просторы раскинулись вдоль пути, родная речь звучит в вагонах, отдаваясь в наших душах прекрасной музыкой. Рядом, в купе, шла оживленная беседа.

— Вот и потянули мы его к ответу,— неторопливо, сочным баском рассказывал коренастый человек, севший на пограничной станции.— Да ты, говорим, понимаешь, что этак человека и загубить недолго? Сейчас же в партком: так и так, товарищ секретарь, безобразие творится, работы ведут так, что не миновать несчастных случаев. Расспросил он, как и что. «Давайте,— говорит,— ребята, едемте на место, дело, видать, такое, что моргать нельзя...» — Басок умолк на мгновение, потом продолжал: — Приехал он, осмотрел все, вызывает немедленно трудовую инспекцию. Эти только глянули и говорят: прекратить работы немедленно, обеспечить полную безопасность и без нашей проверки снова не начинать!..

— И чем же все кончилось? — спросил низкий, грудной женский голос.

— Ну, директору, естественно, выговор... Человек у нас — ценность великая, и жизнью его играть никому не позволено. Так-то,— назидательно закончил пассажир, хотя никто из его слушателей и не собирался сомневаться или возражать.

Нашим соседям по вагону, может быть, и в голову не пришло вспомнить в эту минуту, что есть места на земном шаре, где цена человеку совсем иная. В той стране, откуда я возвращался, никто и внимания не обратил бы на то, что жизнь рабочего поставлена под угрозу!

Я прожил в Соединенных Штатах Америки пять долгих лет. Мне приходилось видеть там немало диких, страшных вещей. Но ничто не поражало в такой степени, как звериное равнодушие к рабочему человеку, к его жизненным интересам, к самой его жизни.

Среди прочей дешевой мишуры, которую использует хищный американский капитализм для одурачивания масс, есть и так называемый культ «американских жизней» — «америкэн лайвз». Если верить монополистической печати, нет у магнатов Уолл-стрита иной заботы, как о благе этих самых «америкэн лайвз». Американские политические боссы кричат на всех перекрестках, что надо-де беречь «американские жизни».

Вся эта шумиха — наглый, циничный обман. Для американских капиталистов простой человек — либо средство наживы либо пушечное мясо. А так как человеческого «материала», из которого они делают доллары, в стране больше чем достаточно, и даже постоянный избыток, то стоит ли беречь этот «материал» с точки зрения бизнесмена?

Ежегодно на угольных шахтах США в результате катастроф до восьмидесяти тысяч горняков полностью теряют трудоспособность, а более тысячи человек погибает. Примерно такова же «безопасность» труда и в других отраслях американской индустрии.

В погоне за наживой американские дельцы безжалостно подрывают здоровье миллионов людей.

В городке Донора, в штате Пенсильвания, цинковый завод, принадлежащий одной из моргановских компаний, систематически отравляет местных жителей. Однажды, это было в октябре 1948 года, на город, расположенный в глубокой долине реки Мононгахелы, упал тяжелый туман. Цинковые газы, растекаясь по улицам города, отравили 5910 человек, из них 1440 тяжело.

Сейчас, когда американские империалисты пытаются задушить борьбу корейского народа за свою свободу и независимость, им не жалко «американских жизней». Мало того, они ведут бешеную подготовку к новой мировой войне, угрожающей жизням миллионов американцев...

В поезде, мчавшем нас все ближе к Москве, мы вспомнили и рассказали нашим спутникам один трагический эпизод, свидетелями которого нам довелось быть в Америке.

* * *

Это случилось недавно — в мае нынешнего года — в рабочем районе Нью-Йорка — Бруклине.

Доминик Аттео был веселым, жизнерадостным человеком. Приземистый и крепко сколоченный, он любил после дня тяжелой работы посидеть в компании за стаканом слабенького шипучего американского пива, а когда удавалось заработать несколько лишних долларов, то и за стопкой крепкого желтого «скача»[1]. Впрочем, за последнее время пропустить стаканчик удавалось редко: найти работу становилось все трудней, особенно Аттео, которому уже перевалило за сорок восемь.

Утром этого дня Доминик был в веселом расположении духа. Позавчера директор гаража на углу 16-й и 62-й улиц предложил ему выкопать колодец. Затеял он это по довольно странной причине: в Нью-Йорке обнаружился... недостаток воды в городском водопроводе, и городские власти запретили мыть автомашины, на чем хозяин гаража терпел немалые убытки. Для отвода глаз он и решил выкопать колодец в гараже, рассчитывая попрежнему брать воду из водопровода, а инспектору, если бы он забрел для проверки, сунуть взятку.

Доминик знал, что работа, которую предложил ему хозяин, небезопасна: почва под гаражом была песчаная, и колонны, на которые опирался потолок, были в свое время специально укреплены под землей толстыми бетонными плитами. Поэтому он начал рыть у самой колонны, рассчитывая, что почва там устойчивее. Стенки колодца он крепил толстыми досками.

Утро началось без каких-либо происшествий. Потолковав пяток минут со своим помощником, молчаливым ирландцем Маккэнном, Доминик спустился вниз и принялся энергично работать лопатой в узкой и тесной шахте колодца. Время от времени он наполнял землей ведро и окликал подручного Маккэнна, который вытаскивал землю на поверхность.

На пятиметровой глубине показался водоносный слой. Накладывать мокрую песчаную грязь становилось все труднее, но Доминик, довольный тем, что дело идет к концу, орудовал лопатой без отдыха.

Было уже за полдень, и Доминик собирался вылезать из колодца на завтрак, как вдруг почва у него под ногами задвигалась и поползла куда-то в сторону. Аттео едва успел вскинуть кверху руки — земля с тихим предательским шорохом засыпала его до самого подбородка. На ноги, сдирая кожу, легла тяжелая каменная глыба.

С минуту Доминик стоял оглушенный, глотая едкую пыль и с ужасом ожидая, что обвал пойдет дальше. Но как раз на уровне его шеи начиналась предохранительная обшивка, и, дойдя до нее, обвал прекратился. Переждав минуту, Доминик выругался и начал глотать воздух мелкими, сдавленными глотками. На живот и нижнюю часть груди давил могильной тяжестью сырой, холодный грунт.

Переждав еще минуту, Доминик опустил руки и осторожными движениями ладоней начал отгребать землю от груди. Дышать стало немного легче, и он окликнул Маккэнна. Тот подбежал к колодцу и, увидев, что произошло, быстро спустился было к Доминику. Упираясь ногами в деревянную обшивку, он ухватил товарища подмышки и попытался приподнять его. Но нечего было и думать вытащить человека, засыпанного по грудь сырой землей. Тогда Маккэнн спустил Доминику ведерко, и тот начал накладывать в него землю руками. Но едва он откапывался на полфута, как из-под досок на место удаленной земли насыпалась новая.

Уже полчаса прошло в этой страшной борьбе. Директор вызвал полицию. Проявляющая необычайную расторопность, когда дело идет о разгоне демонстрации сторонников мира, полиция на этот раз не торопилась... Лишь через сорок минут у ворот гаража раздался вой сирены — прибыла «скорая полицейская № 10».

У гаража начала собираться толпа. Полицейские огородили часть улицы, примыкающей к гаражу, деревянными козелками и встали в проходах, внушительно помахивая дубинками.

Скоро к гаражу стали подкатывать мотоциклы и автомобили с газетными репортерами. Отпихивая друг друга локтями, они толпой бежали к колодцу и, почти не наводя объективов, под яркие вспышки магния щелкали затворами фотоаппаратов.

Приехал упитанный полицейский инспектор. Он подошел к колодцу и крякнул:

— Эк тебя угораздило, парень!..

Репортеры обменялись короткими фразами с полицейским инспектором и директором гаража и всей оравой бросились к ближайшим телефонам. С ревом умчались мотоциклы, увозя в редакции снимки.

Выпуски вечерних газет, вышедшие через два часа, напечатали на первых страницах под крупными заголовками фотографии Аттео в колодце.

Чтобы выручить Аттео можно было вызвать экскаватор или канавокопатель, каких в

---

[1] Шотландское виски.

Нью-Йорке имеется достаточно, сорвать бетонный настил и повести широкую наклонную траншею к злополучному колодцу. Но... И здесь-то и начиналось это «но»: работы должны были обойтись в несколько сот долларов, и директор гаража наотрез отказался вскрывать бетонное основание под полом!

В маленькой конторке гаража шло совещание полицейского инспектора с директором гаража. Задребезжал телефон.

— Послушайте,— раздался в телефонной трубке взволнованный голос.— Я только что услышал о катастрофе. Такими вещами шутить нельзя: дело может кончиться плохо. Я сам старый «сэндхог»[1] и знаю предательские плывуны в вашем районе. Надо развернуть широкую шахту и пройти ее с наклоном, чтобы она охватила низ колодца по всей ширине. Если хотите, я приеду помочь и...

— Спасибо! — сердито буркнул в телефон директор. — Сами обойдемся... — И он бросил трубку на рычаг.

После неторопливого обсуждения решили копать второй, параллельный колодец, в расчете на то, что на глубине в пять метров можно будет прорыть траншею к ногам Аттео. Сомнительность этого предприятия была очевидной. Если обвалился первый колодец, то не было никакой уверенности в том, что не обвалится и второй. Кроме того в узкой шахте такого колодца мог работать только один человек, и прорытие его могло отнять целые сутки. Но директора это мало беспокоило: ему было важно, чтобы не трогали пол...

Часы шли. Толпа у гаража росла. Узнав о беде, прибежала жена Аттео Мария.

Колодец был ярко освещен электрическими прожекторами, подвешенными к потолку. Сделано это было не столько для Аттео, сколько для удобства репортеров, то и дело подбегавших к колодцу с фотоаппаратами. Сверху были отчетливо видны широкие плечи и крепкая шея Доминика.

— Доминик! — дрогнувшим голосом позвала Мария.— Доминик!..

Аттео медленно поднял голову. Он попытался улыбнуться слабой, словно виноватой улыбкой.

— Не волнуйся, герли[2],— сказал он хриплым, натужливым голосом.— Еще пара часов — и все будет в порядке...

К Марии уже спешили репортеры. Опять засверкали вспышки магниевых лампочек. Журналисты, перебивая друг друга, расспрашивали Марию: где живете, есть ли у вас дети, сколько, как их зовут, как с вами обращался муж, ходил ли по воскресеньям в церковь... Репортеры торопились: по всему видно было, что дело могло кончиться трагически, и надо было запасаться материалами о будущей вдове...

А в конторке взбешенный, нахмуренный директор гаража сидел на высоком табурете, окруженный взволнованными рабочими.

— Проклятый воп[3]! — злобно ворчал он.— Теперь возись с ним, чтоб его все черти побрали! Вот вытащим, закачу я ему иск на пару тысяч долларов!..

— Придержи-ка лошадей, босс,— сказал стоявший у двери рабочий с соседней стройки в грубой клетчатой куртке-макино. — Грунт такой, что надо сразу же срывать пол и вести наклонную шахту, а не то некому будет тебе иски предъявлять...

— Шахту, шахту! — заорал директор, вскочив со стула.— А кто будет платить за перестилку бетонного пола? Ваш вшивый воп?.. Засыпало — сам виноват, твоя беда, ну и откапывайся, как знаешь. Вот доведут колодец, и тащите его за ноги. Небось не загнется, а загнется...— директор остановился, увидев, что лица рабочих потемнели и стали каменными. В конторке наступило тяжелое молчание...

— О'кей, о'кей, ребята,— суетливой скороговоркой заговорил полицейский инспектор, чувствуя, что тишина может взорваться каждую секунду. — Слышали, что сказал босс? Идите и делайте...

Рабочие медленно начали выходить из конторки.

— Звери,— шептал рабочий в куртке-макино,— выродки проклятые!.. Пола им бетонного жалко, а у парня дети малые останутся!..

Последние выпуски вечерних газет поместили самые подробные отчеты о событии. С газетных страниц на читателя глядело измученное страхом лицо жены Аттео. Не были забыты и полицейские чины, дежурящие у колодца. С садистской обстоятельностью описывалось, как стонал и кричал обезумевший от страданий, засыпанный землей человек. И ни одна газета не заикнулась о том, что спасательные работы ведутся преступно медленно и небрежно, что жизнь рабочего висит на волоске...

У колодца продолжалась ненужная, бестолковая суета. Врач спустился вниз и вспрыснул Аттео морфий. Стоны засыпанного прекратились. Пользуясь этим, полицейский инспектор приказал тащить его канатом. За канат взялись пятеро пожарных. Но ноги Аттео были прочно зажаты каменной глыбой, и тело его не поддавалось ни на дюйм. Как выяснилось после, именно в этот момент от страшного напряжения, разрывавшего тело Аттео, у него был сломан позвоночник.

Приближалась полночь, а дело не продвинулось ни на йоту. Колодец, который рыли рядом, начал осыпаться, и работу прекратили.

Лишь заполночь приехала специально оборудованная для таких случаев аварийная машина крупной городской коммунальной компании «Консолидейтед Эдисон». Не то, чтобы господа из этой компании сжалились над рабочим человеком и решили оказать ему бесплатную помощь. История с Аттео получила такую широкую огласку, что дельцы из спасательной компании решили: стоит вложить сотню долларов в такую редкую рекламу.

О катастрофе знал уже весь Нью-Йорк, и гибель Аттео могла вызвать неприятные политические последствия для «отцов города». Полицейского инспектора вызвали к телефону — звонил какой-то высокопоставленный чин из городской мэрии. Инспектор, как ошпаренный, выскочил из будки и заорал:

— Срывайте пол, начинайте шахту!..

Пока с десяток рабочих пробивали ломами бетонный пол, полицейский врач несколько раз спускался к Аттео. В два часа ночи в гараже появился католический патер из находящейся неподалеку церкви св. Франциска. Он пошептался с врачом, надел спецовку и начал медленно спускаться в колодец. Через минуту снизу, из колодца, раздался сытый бас патера: «Грешен ли был, человече?..» Доминик отвечал ему что-то прерывистым голосом. Закончив отпущение грехов, патер начал медленно читать отходную.

В темной, страшной норе заживо отпевали изувеченного, измученного человека, убиваемого жадностью и равнодушием капитализма. Жена Аттео громко рыдала.

Светало... У ворот гаража снова начала собираться толпа, разошедшаяся было за ночь. Траншея, уходящая уступами вниз, начала подходить к тому месту, где были заклинены ноги Доминика. Но от давления соседней колонны почва в колодце начала перемещаться в сторону траншеи, и на ноги засыпанного наваливалась все новая тяжесть. Репортеры, вновь появившиеся на месте происшествия, с профессиональным бесстрастием и подробнейшим образом стенографировали крики умирающего.

Только к двум часам дня землекопы добрались наконец до ног Аттео. Но траншея была подведена таким образом, что через нижнее соединительное отверстие вытащить Аттео оказалось невозможно. Начали расширять траншею. Снова потянулись долгие, бесконечные минуты...

В три часа сорок минут дня, через двадцать семь часов после того, как Доминик Аттео был засыпан в колодце, он умер...

Еще через полчаса изуродованное тело Аттео вытащили на поверхность.

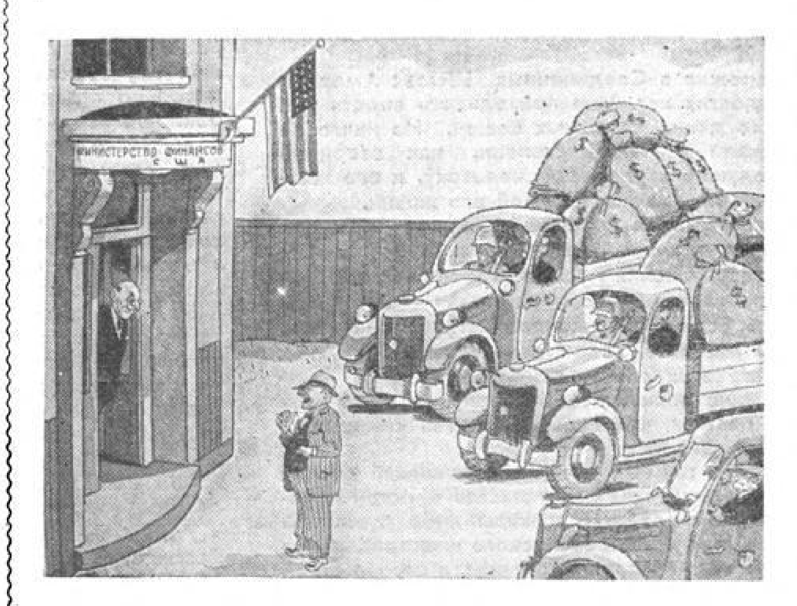
Приехала полицейская карета, труп положили на носилки и увезли. Толпа разошлась, и у гаража остался один только полицейский. Рабочие бережно подняли Марию и повели ее домой, где под присмотром соседей, тихие и присмиревшие, сидели дети... В дешевой клеенчатой сумочке вдовы лежал один доллар семьдесят два цента — все состояние семьи Аттео...

[1] «Сэндхог» — «песчаная свинья» — кличка землекопов, выполняющих опасные работы — проходку туннелей, закладку глубоких кессонов и т. д.

[2] Девочка.

[3] Воп — презрительная шовинистическая кличка, которой американские расисты называют американцев итальянского происхождения.

АМЕРИКАНСКИЙ БЮДЖЕТ В ДЕЙСТВИИ

— Мы можем отправляться, господин министр, суммы, ассигнованные для войны, на грузовиках, деньги же, предназначенные для мирных целей, у меня в жилетном кармане.

Рис. Ю. Ганфа

ПОДАРОК

Рассказ

Андрэ СТИЛЬ

Рисунки О. Верейского

Альбер кончил сажать картошку раньше, чем предполагал. Помогла хорошая погода. Еще нет одиннадцати, а все ямки заполнены и заделаны. Вот он и не может противиться соблазну. Он вскакивает на велосипед и едет прямо к Клеберу — поговорить насчет дома.

И Рэн и его воодушевляет надежда поселиться в собственной квартире. Рэн уже кажется, что она там живет. Она уже заметила, что дом стоит боком к улице, и, следовательно, ей придется подметать не такой большой кусок тротуара. Подметать она не любит.

Надежда подгоняет его. Он едет быстро, не думая ни о чем другом, и проносится мимо встречных, не здороваясь. Что скажут о нем люди?

У матери не так уж плохо. Но неудобно спать в одной комнате с ней, за ширмой, которая едва закрывает кровать; а кухня тоже разделена надвое перегородкой, и шум от этого только усиливается. А запахи... Когда мать готовит кофе, слышно, как закипает вода, как падает капля за каплей... А если придется поставить там детскую кроватку? Ребенок полезет во все углы, платьице на нем задерется кверху, свернется подмышками... А между столом и печкой нет места даже для ребенка. Так нельзя. Со всем этим миришься, правда же, только потому, что нам везде хорошо. Так хорошо, что если бы у нас не было ничего, кроме кровати, и она стояла бы на вершине дерева, то и тогда, лишь бы нас не было видно, мы были бы счастливы. И тем не менее надо что-нибудь подыскать, чтобы чувствовать себя дома.

Это маленький дом, довольно приземистый, в один этаж, но он обращен к солнцу и тянется вдоль всего двора,— узкий двор Клебер огородил цементными плитками, выбеленными известью. Кажется, что большинство домов как бы стоит в полный рост, а этот словно лежит на боку, отдыхает. Плитки Клебер сделал сам. На них еще есть следы от газет, которыми он их обертывал. Кажется, что бумага исчезла, а буквы остались; они побледнели под известкой, но читать можно; и так странно читать старые довоенные новости.

Вход в палисадник закрыт настоящей железной дверью. Но Клебер напрасно позволил ржавчине наброситься на железо,— она проела цветок на нижнем щите. Альбер уже выбрал цвет, в который надо выкрасить эту дверь,— в зеленый, конечно. Вдоль широкого кухонного окна тянулся шиповник, но в этом году он выглядит мертвым. Наверно, его можно возродить. Вопрос настойчивости. А настойчивости у Клебера нет.

Прежде чем заставить дверь завизжать на петлях, Альбер подумал: а как-то его встретят? Конечно, Клебер — человек неплохой, насколько Альбер его знает, но такой странный, такой непохожий на других. Он, кажется, здорово переменился, но до войны он был не в ладах со всеми. И с коммунистами тоже...

Дверь качнулась и издала отчаянный визг, а затем тотчас раздался лай. Большая черная собака, молодая и буйная, с шерстью, блестящей, как у выдры, останавливается перед Альбером.

— Блюм, сюда!

Это совершенно в духе Клебера — назвать собаку Блюмом [1]. Он крикнул из кухни. Его еще не видно. Собака поворачивается и бежит по прямой, обрадовавшись посетителю; как стрела, несется она до конца сада, глупая... Сад имеет в длину по меньшей мере 50 метров и 10 в ширину. Как было бы хорошо!..

— А, это ты! Очень рад тебя видеть.

У Альбера не было времени, чтобы удивиться странному наряду, в котором Клебер появился перед ним. То, что Клебер сказал, удивило его еще больше... Рад видеть? Почему?

Что касается ног и головы,— Клебер снаряжен для работы в саду: его сабо [2] выпачканы в земле, у одного оторвалась завязка, кепка повернута козырьком назад, из-под нее для защиты от солнца на плечи спадает большой клетчатый носовой платок. Но на животе синий передник сапожника, продырявленный и разорванный, как знамя после поражения. Руки заляпаны черными, густыми и клейкими чернилами, в пальцах он держит большую серебристую трубку,— из нее змейкой вытекают эти же чернила.

— Не обращай внимания. Я был в саду, когда малыш вернулся из школы. Я подошел, чтобы только пустить машину в ход. А крутить ее он уже умеет сам... Нет, нет, ты мне не мешаешь! Я кончил.

Альбер и сам слышит, что гектограф вертится и подпрыгивает, как крошечный прокатный стан, с регулярностью часов. Мальчишка работает хорошо. Альбер еще не чувствует себя в своей тарелке, и его внимание, словно стремясь прилепиться к чему-нибудь, останавливается на этом шуме, на тени мальчика, которую видно через окно. Клебер моет руки. Воцаряется неловкое молчание. Время от времени гектограф замолкает. Наверно, один лист соскальзывает вбок. Клебер, согнувшийся над ведром, поднимает голову, он уже готов спросить мальчика, что там не в порядке, но шумное «тик-так» возобновляется с той же регулярностью...

— Зайдем сюда, вот так... Понимаешь, я сапожник, но я умею делать все понемножку. Да и приходится. Такого мастера на все руки, как я, здесь не сыщешь.

Они уселись на стульях друг против друга в большой, довольно прохладной комнате. Света мало из-за синих штор, все еще висящих на окнах, восемь месяцев спустя после освобождения. Клебер, выбирая слова, спрашивает:

— Итак, чему я обязан удовольствием?..

— Я пришел насчет дома,— отвечает Альбер напрямик.

Клебер слегка разочарован, это заметно. Он ожидал чего-то более возвышенного. Если бы посещение Альбера было вызвано политическими причинами, он был бы польщен куда больше.

— Ах, насчет дома! Ну что же...

Альбер хотел прервать его, сказать, что он все знает, но он позволяет Клеберу рассказать всю историю. Во время рассказа он переводит глаза с Клебера на дом. Он готов поторговаться, если цена будет с запросом.

— Дело тут в Лоране, который живет напротив. Он считает, что стал слишком стар, чтобы содержать свой кабачок. Он-то еще туда-сюда, а вот его жена... Дом большой, надо бегать вверх и вниз по лестницам, по воскресеньям весь день на ногах, разносить колоды карт. Вот они и надумали вернуться в маленький дом, который старик получил по наследству...

У Клебера цвет лица серый, щеки впалые. На виске у него бьется искривленная синяя жилка. Тонкий и острый нос как будто перебит посередине. Редкие бесцветные усы топорщатся и затеняют рот. А больше всего в глаза бросается кадык, похожий на маятник больших старинных часов: пока Клебер говорит, кадык все время двигается. Но если заглянуть в его глаза, они берут человека врасплох, как западня. Они всегда в движении, они отражают необыкновенное оживление. Они жгут, как крапива.

— ...В газете читаешь, какая в городе идет торговля квартирами, магазинами, складскими помещениями. Там наживают на этом тысячи и тысячи. Нам здесь ничего подобного и в голову не приходит. Лоран знал, что я вполне могу заменить его. Не то чтобы это занятие мне нравилось, но если вести дело честно, а?.. Твое мнение? Я бы мог отложить немножко на старость. Мне скоро пятьдесят, жены нет, а что такое инвалидная пенсия, дело известное. Ну, Лоран пришел ко мне и сказал: «Я очень хочу уступить заведение тебе. Ты мне дашь пятнадцать тысяч франков, потому что я оставляю тебе русский биллиард, буфет со стеклом, стол большой и три маленьких карточных, лото, кегли, скамейку в три метра длиной со спинкой и еще всякую всячину... Что касается арендной платы, ты договоришься с пивоваром. Но все это при одном условии. Свой дом ты отдашь молодоженам, которые уедут оттуда, куда перееду я, чтобы эти ребята не остались на улице».

[1] Леон Блюм, глава правых социалистов Франции, был в то время еще жив.

[2] Деревянные башмаки.

Вокруг стоят странные и очень красивые вещи. Клебер сам делает их, полируя коровьи рога. Это верно: он все умеет. Если угодно, Клебер — художник. Этим он известен во всей деревне и даже за ее пределами. Его шедевры, проданные или подаренные, можно увидеть, проходя мимо, на окнах, в треугольнике между свисающими занавесками. А самая красивая его вещь, известная Альберу, привлекает к витрине нового магазина уйму народа. Среди блюд, тарелок, кофейных сервизов, будто фарфоровая, стоит великолепная группа. Сколько людей засматривались на нее, заходили, чтобы купить, и так как она не продается, то брали какой-нибудь пустяк, чтобы не зря побывать в магазине.

Обычно из рогов делают рыб. Форма естественно поддается этому. Достаточно прибавить красный хвост, плавники и вырезать отверстие для рта. Есть замечательные: кажется, что они извиваются, поднимаются на хвосте, бьются, как будто они подхвачены невидимой удочкой. Такие рыбы из кости пленяют удильщиков больше, чем настоящие. А изысканных рыболовов пленяет и невидимая, воображаемая удочка. На пыльном подоконнике рядом с мотком шерсти, проткнутым спицей, и со старой трубкой, чубук которой расколот и грубо перевязан проволокой, лежит много таких рыб.

Но настоящее искусство состоит как раз в том, чтобы сделать из рога что-нибудь другое, а не рыб. Самое увлекательное в том, чтобы приспособить форму рога, изменить которую нельзя, к тому образу, который хочешь создать. В группе, выставленной в магазине, замечательно именно то, что Клебер перевернул рог и сделал трех очаровательных птичек с длинными гибкими шейками — продолжением их маленьких тел; они выпячивают грудки, словно бы гордясь тем, что у них такое гладкое и такое переливающееся оперение; одна опустила, другая вытянула, третья подняла маленькую головку; и эта головка так изящна и тонка, что она кажется головкой всех птиц сразу, так сказать, живой схемой всех птичьих совершенств и прелестей. Клебер время от времени делал вещи в этом роде, вот хотя бы эту странную маленькую люстру под потолком. Но птицы лучше всего. Птицы и еще одна,— та удивляет еще больше: он придумал сделать из рога, простого рога, рог изобилия, из которого высыпается в маленькую корзинку масса крохотных фарфоровых плодов,— бог его знает, где он их купил.

Это занятие находится в противоречии с характером Клебера. Он колюч и сух, малообщителен, нервно сосредоточен, вероятно, озлоблен, меньше всего от него ждешь стремления нравиться другим. Сам он куда больше похож на невыделанные рога, чем на полированные...

— Молодожены — это Гислены. Знаешь, электрик?.. Ну вот. Но отдать им дом... Я сказал ему: я вам дам не пятнадцать, а тридцать тысяч, Лоран, заведение стоит этого. Я ведь знаю, что у него с женой нет почти ни гроша на старость. Но он ничего не хотел слышать: «Нет, нет, я не хочу, чтобы в деревне говорили, что я обставил инвалида войны!..» Он подшучивал надо мной,— ты понимаешь, почему?..

До войны Клебера недолюбливали. Его считали слегка одержимым, надоедой, пожалуй, даже злюкой, может быть, и опасным. Он наводнял весь район газетками, отпечатанными на гектографе, иллюстрированными сатирическими рисунками. Он сам делал их, неуклюже, как дети! И он нападал почти на всех. К личной злобе, личным счетам, к беспричинным нападкам на врагов, названных более или менее открыто, он примешивал свои политические взгляды, столь же неустойчивые, сколь и нетерпимые. Появление каждой из этих взрывчатых листовок было событием. Люди не успокаивались до тех пор, пока с жадностью не поглощали все их содержимое (да еще решив по дороге уйму загадок). Никто не чувствовал себя в безопасности от пламенных нападок Клебера. Одни при этом улыбались более или менее криво. Другие сердились и казались смешными, споря, как бы на равных, с таким фантастическим публицистом.

На все публичные собрания он являлся с усмешкой человека, который любит скандал ради скандала, которому скандал нужен, как другим — водка или петушиные бои. Его появление всегда производило сенсацию. Он входил в толпу, как сороконожка в сердцевину персика, задевая всех на своем пути. До начала собрания ему не сиделось на месте, он бродил среди стоявших,— нос по ветру, как ласка в кроличьем садке. Он был в своей стихии. Когда первый оратор брал слово, он мешал людям слушать, чтобы показать президиуму, что он здесь, на своем постоянном месте, в последнем ряду, последний стул слева. Отсюда он бросал вызов всему залу. Все чувствовали его стеснительное присутствие за спиной.

После выступлений он просил слова, вытянув руку и высоко поднимая палку. У него всегда были вопросы! И какие вопросы! Он никогда ничего не утверждал. Он только ставил вопросы. Он говорил, что сам — нейтрален. Это отнимало у других возможность поставить вопрос ему самому. Вот бывала каша! Он выводил всех из себя. Сколько раз люди, особенно его соседи, едва сдерживались, чтобы не кинуться на него. Он был инвалидом войны, его согнуло на сторону, и в такие минуты он еще подчеркивал свою немощь, опираясь всем своим весом на камышовую палку. Он играл на этом. Поговаривали, что в его палке спрятан стилет и что он берет ее с собой для защиты. Но это, конечно, неверно. Он не нуждался в этом. Никто не тронул бы инвалида войны. Это-то и придавало ему столько храбрости. Он все смешивал в одно, лгал, ругался, исходил слюной, жаждал, чтобы все люди и все партии оказывались в противоречии с самими собой. Он буквально заболевал от этого. Много раз приходилось помочь ему выйти из залы, потому что гнев душил его, он кашлял, как старый мотор, кашель тряс его до костей, его даже тошнило!..

Но у этого неуравновешенного человека был свой пунктик, нечто вроде навязчивой идеи: ему взбрело в голову создать самостоятельную организацию бывших участников войны и военнопленных своего кантона[1], независимо от других объединений, существующих в национальном масштабе. И это ему удалось. За ним стояло пятьсот человек, оплативших членскую карточку, вносивших ежемесячные взносы и даже дружно являвшихся на собрания, которые он созывал и на которых никогда не позволял своим политическим бредням увлечь себя в сторону. Он очень серьезно и с большим знанием дела ограничивался изложением общих и местных требований членов организации. Он заботился о своей организации и знал каждого из своих пятисот членов, и каждый был для него неповторимым, особенным. Ради любого из них он часами рылся в актах, в правительственных постановлениях, во всевозможных публикациях, чтобы найти нужные сведения. Может быть, он и зарабатывал слегка на этом, но крадеными такие деньги не были. Если требовалось обращение к властям, то он сам выстукивал на машинке письма, двумя пальцами, но довольно быстро, благодаря большой практике. По одному и тому же делу он посылал пять — шесть писем, пытаясь поднять на ноги весь правительственный аппарат, префекта и супрефекта, депутатов, генерального советника, мэра и даже департаментских[2] руководителей других организаций, участников войны, которым он, однако, остерегался сообщать адрес своего подзащитного, опасаясь, что они ответят заинтересованному непосредственно: конкуренции он боялся.

Он считал, что самое пустяковое дело, если он в данный момент им занят,— главное во всем мире. Даже если текст его писем был одинаков, он никогда не писал их под копирку, а переписывал заново: так письмо выглядит убедительней. А копии он сохранял, и они образовали внушительные папки; порой, выступая на собраниях, он раскрывал их, словно невзначай, но с показным безразличием чиновника. Не получив ответа на письмо в течение двух недель, он автоматически посылал напоминание. Он умел также, когда требовалось, написать благодарственное письмо человеку, удачно поддержавшему его ходатайство, хотя бы это был тот самый человек, которого он обругал за несколько дней до того или обругает через несколько дней в своем выступлении, в статье своей «газеты».

В результате его организация стала силой, с которой приходилось считаться, и не только в масштабе кантона. Она отражала все нападки и ревниво сохраняла свое единство и свою независимость. Это была настоящая скала, без единой трещины, и создал ее этот маленький, слабый и неуравновешенный человек, непостоянный, как песок на ветру. Произведение было куда значительнее художника, и сам он болезненно гордился этим. Он дал организации пышное имя, но над этим именем никто не потешался, потому что никто, собственно говоря, не знал, что речь идет всего-навсего о кантональном объединении с пятьюстами членами. «Национальный Центр Защиты Бывших Участников Войны, Военнопленных и Жертв Войны» — это стояло на письмах. А на конвертах значилось: «НЦЗУВ».

Забота о братьях по войне была ключом ко всей его личности. Близко знавшие его понимали, что он не так уж плох, что скорей всего он заслуживает жалости. Сколько было таких, как он, для кого война, теперь уже «та война», оказалась ужасным ударом, в тысячу раз превосходившим их слабые силы? Она-то и выбила Клебера из колеи. Он был настоящим инвалидом — телом, духом и сердцем.

Это стало ясным для всех, когда война приблизилась снова. Бедняк струсил. Страх целиком завладел им. События шли слишком быстро, и он не выдержал. Ему оставалось только спрятаться. Кончились листовки, выступления, хлопоты. «НЦЗУВ» был законсервирован. А сам Клебер словно бы ушел в землю. Так продолжалось и во время войны, по крайней мере, в начале, потому что потом, когда у него появилась тень надежды на то, что война кончится, и кончится хорошо, он согласился дать участникам Сопротивления взаймы припрятанные гектограф и машинку; он даже сам отпечатал несколько листовок. Но в течение всей оккупации, даже в конце ее, он сходил с ума от тоски. Он страдал не только от того, что могло случиться с ним и с его близкими, но за всех, за все!

Поэтому освобождение явилось для него подлинным выздоровлением. Он поверил, что небо раз навсегда спустилось на землю, что всего будет вдоволь для всех и навсегда. Все, что накопилось в его душе за эти дурные годы,— горечь, ненависть, ужас — не вырвалось, черня и смердя, на свободу, как можно было предполагать. Нет, все это он сжег в самом себе, как грязную накипь, как торф, полный ядовитых веществ и газов, чтобы возникло ровное пламя, светлое тепло, дающее силы. Великий ветер истории прошел по нему, как по широко открытому дому: конечно, ветер стучит дверьми и даже разбивает несколько стекол, но он продувает все уголки, он наводит порядок лучше, чем это сделали бы тысяча женщин с тысячью метел. Зимой 1944 года история словно бы готовилась к большому празднику, и накануне этого праздника Клебер был счастлив и горд оттого, что теперь он не обособленный человек, а такой же, как все. Он снова чувствовал почву под ногами. Он считал себя коммунистом...

«А теперь? — подумал Альбер, рассматривая Клебера.— Это было не так давно, всего восемь месяцев тому назад... За прошлый месяц Красная Армия... Штеттин, Вена. Во всяком случае, в воскресенье на муниципальных выборах он голосовал вместе с нами. И Первого мая он шел в манифестации. Свою газетку он два раза выпустил, но только для того, чтобы попытаться восстановить свою организацию. Статьи были серьезные, хорошо написанные, правильно изложенные...».

В это время Клебер подходит к концу своего рассказа:

— Будь уверен, тебе я отдам дом охотнее, чем любому другому. Ты знаешь, я не всегда соглашался с твоим отцом в прошлые времена. Так вот... Конечно, если Гислен потребует, я не смогу ему отказать из-за старика Лорана... Но твой отец... Тебя, может быть, удивит, что я часто жалею о его смерти, хотя он, наверно, не очень-то меня любил. Это было обоюдно. Но я часто жалею о нем потому, что я хотел бы поговорить с ним о том, в чем я с ним не соглашался. Теперь, после

---

[1] Кантон — административное деление, объединяющее несколько мелких населенных пунктов.

[2] Департамент — крупное административное деление; префект — глава исполнительной власти департамента; супрефект — его заместитель; генеральный советник — представитель коммуны (самого мелкого административного деления) в совете департамента; мэр — городской голова, староста.

всего, что было, я понимаю, что он бывал часто прав. Но кое-что еще неясно. Так вот, я хотел бы разобраться в этом вместе с ним, а не с другими, потому что с ним я как раз больше всего расходился. Он был непримирим, пожалуй, даже упрям, когда спорил. Другие иногда уступали, соглашались, что в таком-то вопросе я прав. Например, с Мюнхеном... Он приводил меня в отчаяние!.. Сколько лет тебе было во время Мюнхена? Тринадцать — четырнадцать... А сам он всегда оставался спокойным... как бы это сказать?.. Честным, вот! Но на все, что я говорил, он отвечал: «Нет». Он всегда говорил «нет» и выводил меня из себя. Мир... война... это всегда мешало мне спать. Когда он говорил: «Мюнхен — это не мир»,— я считал, что он неправ. Мне казалось, что это противоречит очевидности, и я думал, что он сознательно говорит мне неправду, защищая заведомо неверную позицию, потому что партия,— все вы, коммунисты, такие,— потому что так велит партия... Но когда все рушится разом, когда понимаешь, что тебя обманули,— я не стыжусь в этом сознаться,— тогда прав тот, кто будто ошибался больше всех. Это звучит, как шутка, но, понимаешь... Раньше я больше любил тех, кто иногда со мной соглашался, а сегодня — хорошо уже, если я хоть не сержусь на них. Во всяком случае, я им больше не верю.

Клебер взволнован. Чувствуется, что ему многое надо сказать. Но если Альбер хочет что-нибудь проглотить перед тем, как нацепить на себя шахтерскую одежду и отправиться на работу, то ему пора...

* * *

Во второй раз Альбер встретился с Клебером (то есть встретился, чтобы поговорить) через четыре года.

С переездом так ничего и не вышло. Лорен предпочел сохранить кабачок за собой, Клебер и Альбер остались там же, где жили раньше.

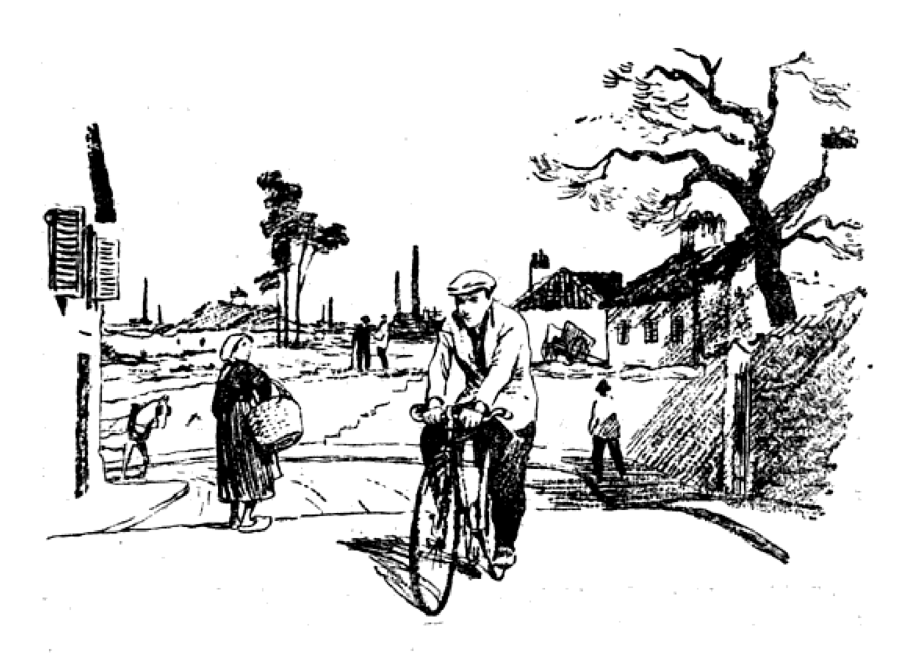
А главное, в вопросах политики Клебер снова переменился. Не как флюгер, не ради удовольствия от перемены, но можно было заранее предвидеть, что он не все поймет. Битва за производство [1], коммунисты в правительстве... Хотя он больше не болел политикой деревенского масштаба, как до войны, но все-таки в глубине души у него сохранились горечь, анархическое начало, и поэтому ему никак не удавалось правильно понимать обстановку. Кроме того, он читал враждебную нам прессу, как он уверял, более информированную в местных вопросах; и так как он был не из железа, напротив, он сгибался при малейшем ветерке и плыл по ветру, то он качался и плавал, как пробка, в потоке лжи, выдумок, диких россказней. И, не будучи нашим противником, он, однако, часто не соглашался с нами. До такой степени, что в октябре сорок седьмого, на перевыборах муниципалитетов, он сделал фантастическую глупость.

Его организация была восстановлена и стала, пожалуй, сильнее, чем раньше. А сам он уже не был прежним чудаком; война и освобождение повлияли на него, он стал серьезнее, приобрел больше веса. Он снова издавал свою газетку, но ее и сравнить нельзя было с прежней. Ему предложили баллотироваться по нашему списку. Он отказался. Он не хочет политики. Но сговориться с другими ему было еще труднее, чем с нами. В железной двери его палисадника есть теперь дыра. Кованый цветок, разъеденный ржавчиной, оторвался от двери окончательно, когда он выкинул на улицу социалиста Серафена, который пришел к нему с предложениями. Теперь Блюм через эту дыру просовывает свою черную морду, чтобы поглазеть на проходящие трамваи и обнюхать прохожих. Забавно, а?.. Но вот под предлогом защиты членов своей организации он придумал выставить отдельный список только из побывавших в немецком плену. И самое невероятное: в этом списке значились и наши товарищи, и невозможно было заставить их понять и заставить Клебера согласиться, что в тех условиях, в которых мы находились, располагая чуть-чуть больше чем половиной всех голосов, они сыграют наруку нашим противникам.

Товарищи сделали все возможное, пустили в ход все аргументы. Напрасно! Он выставил свой список. А ведь было ясно: как раз наши люди относились к нему лучше, чем остальные, и он мог отнять у нас некоторое количество голосов, хотя, по первому впечатлению, шансов на избрание у него не было. В результате мы получили бы одиннадцать мест, а двенадцать получили бы другие — социалисты, католики, фашисты,— и все они объединились бы против нас при выборах мэра.

Примерно так и вышло. Мы получили одиннадцать мест. Но тут вышел большой сюрприз. Клебер прошел. Его имя приписывали почти во всем спискам, а на его собственном списке отмечали крестиком: такая была тогда система. Ну, словом, при всей этой путанице он собрал достаточное число голосов. И вот против нас три социалиста, два католика и шесть деголлевцев. Одиннадцать на одиннадцать, и на выборах мэра Клебер — арбитр положения. Чорт его возьми, голосовать с нами он ни за что не хотел! Он все повторял: «Без политики, без политики...» А представляете себе, как его обрабатывали другие! Деголлевцы явились к нему с двумя предложениями: первое — они будут голосовать за социалиста Серафена, если так захочет Клебер; второе — все, социалисты и католики тоже, это договорено, будут голосовать за самого Клебера; все, что угодно, лишь бы побить коммунистов! Конечно, он прогнал их. А мы предложили ему место заместителя мэра. Но те предлагали грязную сделку, а наше предложение было честным, это понял бы и ребенок. А он все-таки отказался.

Но когда положение казалось безвыходным, произошло вот что: социалисты — они не поколебались бы воспользоваться грязными голосами других, если бы у них были шансы на пост мэра,— видя, что Клебер воздерживается от голосования, предпочли не выставлять своего кандидата, чтобы не обнаружить при свете дня свое единодушие с деголлевцами и капиталистами. Мэром стал коммунист, но вы представьте себе, как колебались весы голосования с Клебером вместо стрелки! Против нас он голосовал редко, очень редко, раза два — три, не больше, случайно или по ошибке. Но, в особенности вначале, у него была мания воздерживаться по всем вопросам, которые не касались его участников войны, новобранцев и пенсионеров. К счастью, среди других были честные люди, которые откалывались от правого блока и порою голосовали вместе с нами. Но все-таки сколько раз возбуждался вопрос о том, чтобы распустить муниципалитет!

А поскольку времена становились все хуже, Клебер опять начал вставать на дыбы. Газетка «НЦЗУВ» стала более сердитой, более боевой, и все ее нападки были направлены против правительства, но так неуклюже, что чаще всего только портили дело. Клебер частично вернулся к своей прежней манере ругани, и это задевало и восстанавливало всех. И при всем том — никаких надежд, никакого выхода... Он отчаивался. Он печатал свои листки все небрежнее, они были заляпаны чернилами, и от них исходил невыносимый дух уныния.

Потом он сделал еще худшую оплошность. В сорок восьмом, узнав, что 11 ноября [2] в Париже полиция избила бывших участников войны, он так возмутился, что в знак протеста решил подать в отставку. В знак протеста против Жюля Мока! Хорош был бы этот протест: по закону его место занял бы следующий по списку, а этот человек стал бы у правых двенадцатым.

Он взял отставку обратно, но во время кантональных выборов он и носа не показал на собраниях. Было ясно: как перед войной, он хочет укрыться в своей раковине. Когда возник вопрос о создании организации «Борцов за мир и свободу», он не пожелал вступить в нее.

— Не хочу, и не настаивайте. Конечно, мы идем к войне,— надо быть слепым... Но что с этим поделаешь? Ничего. Все бесполезно. У меня есть опыт. Еще перед той войной думали... а потом...

И так он упрямился все больше, пока не прошел однажды слух, что на сей раз свершилось: он окончательно подал в отставку. Тогда-то мы и решили, что Альбер — он тем временем стал секретарем ячейки и был на высоте — отправится к Клеберу и попробует переубедить его, указать ему выход, если это возможно.

Это был тягостный визит. Вся деревня уже знала, что приключилось с Клебером, что вызвало новый взрыв. Местные газеты рассказали эту историю. Но в противоположность другим у Альбера никогда не находилось времени, чтобы читать отдел происшествий. Он начал рыться в «Либертэ», чтобы найти вчерашнюю заметку, и сейчас же напал на страшное сообщение, хотя товарищи из редакции могли бы напечатать его повиднее, оно стоило того...

> «Отец семейства и безработный...
> **СОЛДАТ 14-го ГОДА ПОКОНЧИЛ САМОУБИЙСТВОМ НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ, КОТОРОЕ ОН ЗАЩИЩАЛ.**
> Амьен. Жорж Деберг, 50 лет, женатый, отец двоих детей, проживающий у своего шурина, в Рубэ, на улице Муво, 75, внезапно оказался без работы.
> Он искал занятия, которое позволило бы ему содержать семью, но, получив повсюду отказ, решил покончить с собой.
> Он купил в Рубэ пол-литра нашатырного спирта и вылил его в свою солдатскую манерку. Затем он сел в поезд и доехал до Амьена, откуда он направился в сторону Дюри-лез-Амьэн.
> Он хотел в последний раз повидать места, где в 1914—1918 он доблестно и мужественно сражался.
> Там он поднес манерку к губам и выпил половину нашатыря.
> Когда его обнаружили, он лежал во рву и хрипел. Доставленный в безнадежном состоянии в амьенский госпиталь, он скончался в ужасных страданиях».

Страшная картина! Какая-то жестокая карикатура на праздник перемирия: «доблестно и мужественно...» Если верно, что это товарищ Клебера, то как разговаривать при таких обстоятельствах?

Альбер все-таки пошел.

Он увидел несчастного, разбитого человека.

— Ты не можешь понять, что это такое, Альбер! Конечно, это было давно. Я не видел его с тех пор, как... только раз мы написали друг другу, до... до...— он хотел сказать «до войны», но остановился и уточнил: — До этой войны. И все-таки... об одном в газете не сказано, этого никто еще не знает... Знала только моя жена...

[1] После войны французские рабочие из патриотических побуждений и против желания хозяев, которым это было невыгодно, решили добиться скорейшего восстановления шахт и повышения добычи.

[2] Годовщина перемирия, заключенного в 1918 году между Антантой и Германией. Она широко празднуется во Франции до сих пор.

Он показал Альберу солдатскую манерку с ремешком, висевшую на позолоченном гвозде как раз над рогом изобилия, который он сделал четыре года тому назад.

— Это его манерка. А та, из которой он... была моя. После перемирия мы поменялись, плача от радости. Я вышел из госпиталя за неделю до него... Мы хотели сохранить что-нибудь на память друг о друге...

Альберу было неловко. Он не знал, как приступить к делу. Но он не мог оставить Клебера на произвол судьбы. Клебер был ослеплен гневом, стыдом, страхом. За последние годы Альбер многому научился и чувствовал, что сейчас он находится на той зыбкой грани, на которой самые интимные вопросы и политика,— политика, как потребность защищаться, сражаться, отстаивать жизнь,— тесно сплетаются. Он искал слов, идущих от сердца, чтобы заговорить с Клебером, не оскорбляя его, но не находил их и молча ждал.

Клебер сказал:

— Нет! Не хочу ничего больше делать! Не хочу быть на службе! Не хочу больше служить ради них! Я ухожу в отставку...

Надо было начать, все равно с чего. Альбер с трудом заставил себя говорить. Он говорил больше часу, а Клебер не хотел его слушать...

* * *

«Суббота, 26 ноября 1949...» — медленно пишет Альбер самым лучшим пером наверху новой страницы в тетрадке.

«Опять начнем с опозданием,— думает он,— из-за Экто́ра, казначея, всегда из-за него. Неудобно начинать без казначея, а он каждый раз опаздывает! А как раз ему-то и выгодно приходить первым. Пока товарищи приходят и рассаживаются, он мог бы достать учетные листки и получить со всех взносы. А он делает это в конце собраний, и они затягиваются. А утром товарищам надо на работу. Так вот и отбивает у них охоту ходить на собрания. Если это будет продолжаться, придется сменить его. Очень жаль, потому что дела у него в полном порядке. Но нельзя же терпеть это вечно. Сколько лет Виржилю, двадцать один? Что же, он, может быть, справится с этой работой, и он не откажется, а товарищи, наверно, согласятся...»

В помещении без окон, полугараже, полуподвале, уже холодно. Здесь все выбелено известью, вплоть до электрической проводки, образующей под потолком нечто вроде свода, вплоть до большой лампочки без абажура.

— Ну, не обидно ли собираться в таком погребе, когда у нас есть отапливающаяся мэрия? Нужно разрешение по форме? Так поговори об этом с мэром, Альбер... Эй, Альбер, надо поговорить с мэром...

— Говорил уже. Придется поговорить еще раз.

Еще полгода назад они собирались в задней комнате «Кафэ на площади». Там было лучше. Товарищи выпивали по рюмочке, и насчет платы за помещение хозяин говорил: «Ладно, обойдется и так». Но так как денег в семьях становилось все меньше, то товарищи, понятно, старались ничего не спрашивать, а проскользнуть прямо в заднюю комнату. А то и вовсе не приходили, чтобы избежать неловкости. И хозяин потребовал платы.

Хорошо, что на открытые собрания приходит все больше народу, что продажа брошюр на базаре под аккомпанемент аккордеона, на котором играет слепой товарищ, идет лучше, чем когда бы то ни было, и что по воскресеньям утром газеты расхватываются, как хлеб,— иначе, работая в этом погребе, можно было бы впасть в меланхолию.

— Товарищи! — говорит Альбер. — Предлагаю такой порядок дня: во-первых, семидесятилетие нашего товарища Иосифа Сталина; во-вторых, успех вчерашней двадцатичетырехчасовой забастовки; в-третьих, подготовка к районной конференции, я получил первые циркуляры...

Других предложений нет. Он переходит к первому пункту:

— Не надо скрывать от себя, товарищи, мы уже запоздали с подготовкой к празднованию семидесятилетия товарища Сталина. В газете приведены великолепные примеры, которым мы должны следовать. Товарищи с маленького завода около Парижа посылают ему миниатюрную башню,— они изготовили ее специально для него. Товарищи из Шатобриана, где было много расстрелянных, посылают ему в ларце горсть земли с могил мучеников. А кроме того пример дают нам и многие отдельные люди, хотя бы тот старый наш товарищ — это было в Юма [1] в среду,— который пишет: «Это письмо, товарищ Сталин, есть все, что я могу предложить тебе в качестве подарка, потому что у нас, стариков, нет ничего...» Горняки послали модель подземного вагона... Есть и не коммунисты, которые хотят подарить Сталину что-нибудь. Мэр Калэ, социалист, посылает ему кружева. Все это полно глубокого смысла. И нам, товарищи, нельзя остаться в стороне...

[1] Популярное сокращение от «Юманите».

Первым, как всегда, попросил слова Мусташ. Все заранее знают, как он начнет свою речь: «Все это очень хорошо, очень правильно, но...»

— Но мы с вами, что мы можем сделать? Мы только маленькая ячейка, состоящая из старых шахтеров на пенсии и женщин. Те, кто работают в шахте или на заводе, состоят в заводских ячейках. Это тоже, конечно, очень хорошо, очень правильно, но... Нам нужно найти кого-нибудь, кто умеет делать нестандартные вещи, кого-нибудь вроде художника, что ли...

И тут-то отец Октав — он сидит на своем месте, на скамейке в глубине,— подумал о полированных рогах, которые так хорошо обрабатывает его сосед Клебер.

— Ах, чорт возьми! Я совсем было забыл, товарищи!..

Он сказал это, вскочив с места, не попросив слова, не зная, кончил ли Мусташ. Он прибавил «товарищи», чтобы смягчить несколько неуместное на собрании «чорт возьми». Теперь он роется в карманах своих широких штанов из синего холста, и все смотрят на него, все ждут...

Он достает старый черный бумажник с кнопками, открывает его, торопится. И пока что говорит:

— Дело в том, что Клебер...

— О Клебере можно поговорить в разделе «разное», в конце повестки,— заявляет кто-то.

— Нет, нет! — отвечает Октав, нервничая над бумажником. — Это относится к делу...

Альбер ничего не понимает. Какое отношение к подарку Сталину имеет Клебер? Он тотчас вспоминает визит, который он нанес Клеберу семь месяцев тому назад, и на стене — как четко память бережет такие вещи! — солдатскую манерку... С тех пор о Клебере ничего не было слышно. И газетка его не лежит больше под дверью... А между тем эта газетка была всей его жизнью!..

Октав разворачивает листок плотной белой бумаги, похожей на гербовую. Он ищет вступительную фразу и, не найдя, говорит:

— Ага, вот!..

И принимается громко читать вслух:

«Я, нижеподписавшийся, Лериш-Клебер, Антуан, родившийся 6 января 1899 года, в Эскодэне (департамент Нор), настоящим передаю в полную собственность и в полное распоряжение, какое он найдет нужным, господину Лестьену Альберу, президенту Французской Коммунистической Партии...»

— Нет у нас президента,— говорит кто-то.

— Молчи, сами знаем,— отвечает председательствующий Бернар.

«...президенту Французской Коммунистической Партии, гектограф марки Гестетнер с обозначением моего имени на каретке и пишущую машинку Ундервуд также с обозначением моего имени».

С новой строки:

«Этот дар делается по случаю семидесятилетия Маршала Сталина».

Собрание мгновенно прерывается. Все вскакивают, все хотят прочесть своими глазами. В самом деле, это гербовая бумага!

Гектограф! О нем мечтают все ячейки!

— Он сказал мне: «Конечно, мне нелегко с ним расстаться. Годы и годы он работал и сражался рядом со мной». Вы ведь знаете его манеру выражаться... «Но, может быть, я не сумел использовать его как следует, потому что мы так и не сдвинулись с места...» А потом он прибавил: «Я не вступаю в Партию потому, что скорей всего я буду мешать вам, а не приносить пользу, поскольку у людей сложилось обо мне, пожалуй, не очень выгодное мнение... И потом я слишком стар... Сегодня — понимаю, завтра — не понимаю. А гектограф, он всегда идет прямой дорогой, вы увидите». И кончил так: «Скажи им еще, что если они хотят, я буду печатать на нем время от времени. И мой мальчишка тоже...» Мальчиком он нахвалиться не может, стоит ему только заговорить о нем. «Что касается распространения листовок,— сказал он,— то у мальчишки тоже нет соперников».

Все товарищи растроганы. Но сейчас надо обсуждать вопросы повестки, настоящее же волнение придет позже, когда они вернутся домой, в постели, перед сном или же ночью, когда они поедут на велосипедах на работу, поднимаясь и спускаясь по мостовым.

То, что трогает их больше всего, не укладывается в слова. Жерар — он всегда улыбается, посасывая кончик трубки, так, что кажется, будто трубка — составная часть его улыбки,— Жерар выражает эту мысль шуткой:

— За кого же принимает нас Клебер, скажите, пожалуйста?

«Это верно, — думает каждый.— Мы хорошо знаем, что в глубине сердца у каждого из нас есть что-то от Сталина. Сталин смотрит на нас оттуда, улыбающийся и вдумчивый, он внушает нам уверенность. Внутреннее присутствие Сталина для нас, коммунистов,— это наша совесть».

Но ведь подарок в честь Сталина сделан им всем,— вот что перехватывает дыхание.

— Хорошо, — говорит Альбер, снова садясь.— Но это не все. Это не решает вопроса о том, что сделаем мы с вами. Напротив!..

Перевел с французского
О. САВИЧ

Подмосковную тонкосуконную фабрику «Пролетарская победа» посещают многочисленные делегации, приезжающие со всех концов страны. Фабрикой руководит инженер Ф. Л. Ковалев. Его метод изучения и массового применения стахановских приемов работы подхвачен многими передовыми предприятиями.

На снимках: вверху — инженер Ф. Л. Ковалев беседует с делегацией предприятий легкой промышленности Латвийской ССР; внизу — в красильно-аппретурном цехе фабрики «Пролетарская победа».

Фото Е. Умнова и С. Фридлянда

Лауреат Сталинской премии, директор Института физиологии имени И. П. Павлова академик Константин Михайлович Быков.

Фото Г. Вайля

ПОВЕСТЬ о людях науки

Академик Абуладзе — Ю. Толубеев; жена Лаврова — И. Инютина.

Фото А. Езерского

Фильм «Великая сила»

На экраны страны вышел новый фильм, «Великая сила», в постановке лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР Ф. Эрмлера.

В картине показано, как в научном учреждении, где директором Милягиным насаждалась «аракчеевщина», профессор-большевик Лавров с помощью партии и научного коллектива, ломая все преграды, опрокидывает лженаучные теории отсталой, реакционной части ученых, слепо идущих по пути буржуазных «авторитетов».

Образ непримиримого, страстного в своих дерзаниях ученого Лаврова создал в фильме народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Б. Бабочкин.

Сдержанная напряженность, с какой он проводит эту роль, остро воспринимается зрителем.

И когда мы слышим, как Бабочкин-Лавров говорит своему другу академику Абуладзе: «И все, с чем борется партия — идеализм, формализм, космополитство,— это то, что мне мешает работать, то, что хватает меня за горло, душит меня!»,— мы всей душой верим актеру. В глазах Бабочкина, в его жестах, во всем его поведении зритель видит человека, которым владеет большое и горячее чувство.

В совершенно новом актерском качестве предстает в фильме «Великая сила» талантливый актер В. Хохряков. Советский зритель привык видеть Хохрякова в образах положительного героя нашей современности, а в картине «Великая сила» Хохряков играет роль директора института Милягина — хитрого, двуличного, опасного человека, прикрывающегося личиной «рубахи-парня» и способного во имя мелких своих интересов погубить порученное ему дело.

Это трудное и неприятное для советского актера перевоплощение в Милягина В. Хохряков провел мастерски.

Образ жены Лаврова, его верного друга, скромной и обаятельной русской женщины, тепло и выразительно передает артистка И. Инютина.

Ниже мы печатаем рассказ Б. Бабочкина о работе над фильмом.

Советская художественная кинематография в последнее время обогатилась рядом замечательных картин, прославляющих нашу отечественную науку и ее великих деятелей. Картины эти пользуются признанием и любовью зрителей.

Не ограничиваясь биографиями русских ученых прошлого времени, художники советской кинематографии в своих произведениях показывают также советских ученых-патриотов, их борьбу за приоритет отечественной науки, за утверждение ее мирового значения.

Эта тема горячо звучит и в новом фильме Ф. Эрмлера, созданном по мотивам пьесы Б. Ромашова «Великая сила».

Основное в пьесе Ромашова — это борьба советских ученых с низкопоклонством перед Западом. Борьба эта воплотилась в двух основных героях пьесы — в Лаврове, большом и смелом ученом-патриоте, и в Милягине, угодливо склоняющемся перед выдуманными зарубежными авторитетами.

Для решения этой темы автору пьесы не понадобилось уточнять проблему, над которой работает профессор Лавров. Условность театра допускает такую недоговоренность.

Искусство же кинематографа не терпит ничего недосказанного или непонятного. Вот почему перед создателями картины встал вопрос: о чем же, в сущности говоря, идет спор? Какая проблема вызывает столь острый конфликт между профессором Лавровым и Милягиным? От правильного выбора этой проблемы зависела драматургия будущего фильма.

Сценарий картины «Великая сила» создавался вскоре после августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, на которой была одержана историческая победа мичуринской биологии. Величественный сталинский план преобразования природы, смелое дерзание и мощь советских людей, ставящих природу на службу человеку, прозвучавшие с такой силой в постановлениях правительства о плане полезащитных лесонасаждений в степных районах страны и плане развития животноводства, не могли не взволновать создателей фильма.

Кажущаяся на первый взгляд прозаической и даже, может быть, незначительной, проблема создания новой породы домашней птицы дала возможность авторам фильма конкретно показать интереснейший опыт новатора-ученого, активно воздействующего на наследственность.

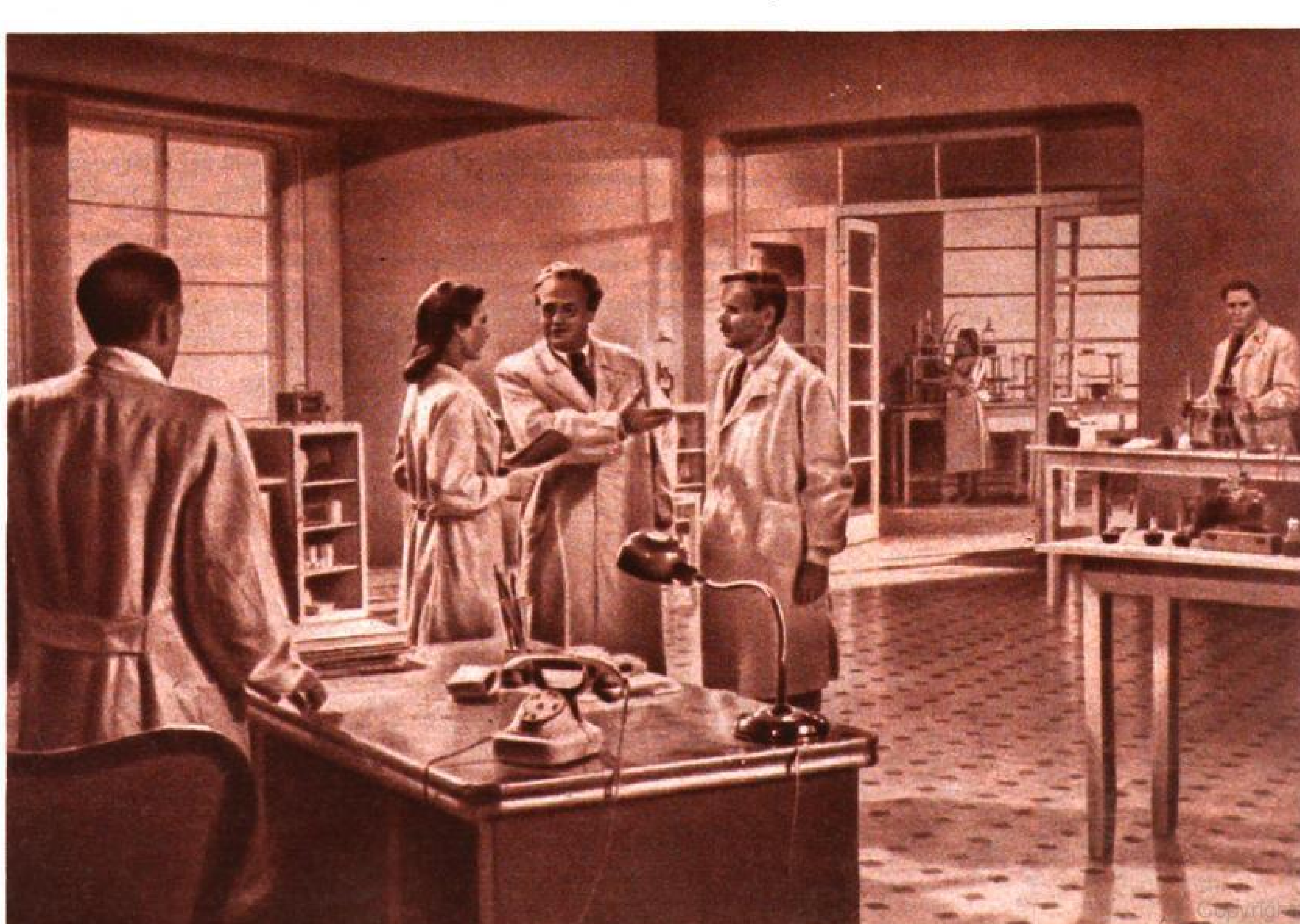
В центре картины опыты, которые производятся в Пушкинском сельскохозяйственном институте, в лаборатории, занятой разведением сельскохозяйственных животных. Суть этих опытов заключается в перенесении методов мичуринской биологии растениеводства на животный мир.

Создатели фильма стремились показать пути советской науки и характер ее работ, направленных к переделке природы. Смысл картины в столкновении двух мировоззрений — большевистского, материалистического с идеалистическим. Борьба этих двух полярных мировоззрений всегда непримирима.

В нашей жизни не часто встретишь законченный тип Милягина, но отдельные черты милягинщины попадаются значительно чаще, и фильм говорит о них остро и обличительно.

Милягину противопоставлен Лавров — несгибаемый большевик, человек, который не мирится с отсталостью. Эта роль в фильме была поручена мне.

«Познакомьтесь, это мой ученик и учитель одновременно, товарищ Полосухин» — так представляет профессор Лавров колхозника-мичуринца, успешно занимающегося у себя в колхозе выведением новой породы кур. (В центре лаборантка Коробкова — И. Кондратьева, профессор Лавров — Б. Бабочкин, колхозник Полосухин — П. Лобанов.)

На собрании ученых — биологов, селекционеров, агрономов и зоотехников — выступает представитель ЦК ВКП(б) Остроумов (артист Н. Боголюбов): «Можем ли мы терпеть среди нас людей, раболепствующих перед иностранщиной, лишенных чувства национальной гордости, антипатриотов? Нет! Может быть, за это не судят уголовным судом, но этого не прощают!»

Работая над картиной «Великая сила», я впервые встретился с Ф. М. Эрмлером, режиссером, которого очень высоко ценю. Мне нравятся его фильмы, потому что он всегда ставит в них и решает самые трудные, самые острые и животрепещущие темы советской действительности: о классовой борьбе в деревне в первые годы коллективизации рассказывает его фильм «Крестьяне»; в картине «Великий гражданин» он изобличает гнусную подрывную деятельность врагов народа — троцкистско-зиновьевцев; в годы Великой Отечественной войны он создает фильм «Она защищает Родину» — о подвигах народных мстителей в борьбе с фашистскими захватчиками. Киноэпопею «Великий перелом» он посвящает гениальному сталинскому плану разгрома немецкой группировки в районе Сталинграда.

* * *

Из всех ролей, сыгранных мною, ученый Лавров — самый современный, самый, если можно так сказать, новый человек. Основные черты характера Лаврова — его глубокая принципиальность, несгибаемость, страстное стремление к цели, которая должна привести к завоеванию еще одной великой тайны природы.

Никакие трудности не могут поколебать воли этого человека. Если бы картина кончалась неудачей опытов Лаврова, то и тогда зритель уходил бы с твердой уверенностью, что этот человек не будет сломлен, что он непременно начнет все сначала и добьется успеха. Таким я видел Лаврова, и таким он жил в моем сознании.

У Лаврова нет и тени заботы о личном успехе. Научное новаторство, помогающее строить коммунизм, смелое проникновение в тайны природы — вот что стало смыслом его жизни. И все, что мешает успеху дела, безжалостно отметается им. И делается это во имя счастья народа, счастья своей Родины.

Когда противник Лаврова, профессор Рублев, низкопоклонствующий перед «мировой наукой», говорит о том, что природа не отдаст Лаврову своей последней тайны, Лавров, уже стоящий у порога этой тайны, отвечает: «Будет день, когда Рублеву станет стыдно того, что он отступил на чужды позиции, раболепствуя перед «мировой наукой».

Здесь в образе Лаврова особенно ярко проявляется его горячий патриотизм, его нетерпимость в отношении людей, преклоняющихся перед иностранщиной, лишенных чувства национальной гордости.

У Лаврова огромная внутренняя убежденность в том, что только советской науке под силу открытие, над которым работает он со своими сотрудниками. И в то же время он очень просто и скромно говорит о своей задаче: «Я не для того ставлю опыты, чтобы полемизировать с иностранными авторитетами, а для того, чтобы принести посильную пользу Родине».

И в этом своем стремлении — принести посильную пользу Родине — Лавров действует не как кабинетный ученый. Он действует с большевистской страстностью советского рабочего человека: Николая Российского, Генриха Борткевича, каменщика Шавлюгина и миллионов других советских людей — строителей коммунизма.

Таким я видел Лаврова, и таким я хотел довести его образ до зрителя.

Б. БАБОЧКИН,
народный артист РСФСР

«Профессор Лавров даже с Дарвином не во всем согласен», — пробует пожаловаться Милягин, уже несколько присмиревший в присутствии представителя Центрального Комитета ВКП(б) Остроумова (слева направо: представитель горкома — артист И. Гомело, представитель ЦК ВКП(б) Остроумов — артист Н. Боголюбов, директор института Милягин — В. Хохряков, ученый из Москвы — В. Казаринов, профессор Лавров — Б. Бабочкин).

«Так и должно быть!» Именно таким заранее определил это создание ученый-новатор, человек, преобразующий природу (профессор Лавров — артист Б. Бабочкин).

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Н. ГОЛОВАНОВ
Главный дирижер Большого театра, народный артист СССР

Великое русское искусство всегда черпало свою силу в народе. Наша классическая литература, наша живопись глубоко связаны с народной жизнью, и русская классическая музыка питалась народными соками от своего зарождения.

Наталья Соколова в роли Даши в опере Серова «Вражья сила».

Ныне, в эпоху строительства коммунистической культуры, общение нашего искусства и, в частности, музыки к народности получило особенно глубокий смысл. Коммунистическая партия воспитывает у деятелей советской музыкальной культуры бережное отношение к народной музыке. Пытливо изучается и широко популяризируется расцветшее песенное творчество народов Советской страны, безграничное по богатству содержания, внутренней силе, духовной красоте. Из глубоких народных недр вышли и выходят многие лучшие деятели советской музыкальной культуры.

Простых людей из гущи народной мы видим в Большом театре не только в зрительном зале, но и на сцене: в рядах творческого коллектива лучшего оперного театра страны немало талантливых представителей народа.

Могли ли до Великого Октября мечтать о нашей сцене певцы из народа? Только некоторым удавалось пробиться в крупные столичные театры сквозь строй нужды, унижений, через всяческие препятствия.

Как далеко от нас это недавнее прошлое! Бережно растит Советская страна народные таланты, открывая перед ними дорогу к вершинам искусства. Сыновья и дочери рабочих, служащих, колхозников пополняют ряды старых, заслуженных мастеров Большого театра.

Исключительно высокие требования — вокальные, музыкальные и сценические — предъявляет Большой театр к поступающим. И этим требованиям в основном отвечают талантливые молодые артисты.

Большой радостью для театра был дебют Александра Огнивцева, зачисленного в труппу в октябре прошлого года. Сын железнодорожника, получивший образование в техникуме связи, Огнивцев не готовил себя к певческой профессии. В свободные от работы часы юноша с увлечением пел народные песни, украинские и молдавские. Одаренный любитель-певец был принят в Кишиневскую консерваторию. На всесоюзном смотре студентов-вокалистов в 1948 году в Москве на незаурядные вокальные данные Огнивцева обратило внимание жюри. По совету Антонины Васильевны Неждановой он стал усиленно заниматься, успешно прошел пробу и был принят в Большой театр.

Первый раз в жизни молодой певец выступил на сцене, причем на крупнейшей оперной сцене мира, в чрезвычайно сложной роли Досифея в музыкальной драме Мусоргского «Хованщина». Этот необычайный в летописях театра дебют поразил многих. Трудно было поверить, что яркую, рельефную фигуру фанатичного старика-раскольника создал начинающий молодой артист.

Большие надежды возлагает театр на Наталью Соколову, которая поступила на нашу сцену шесть лет назад. Интересна биография молодой певицы. Воспитанница детского дома, Соколова — подлинный самородок. Она была работницей на трикотажной фабрике, вышла замуж за рабочего-слесаря. Музыкального образования Соколова не получила, если не считать занятий в студии художественной самодеятельности.

Сейчас Наталья Соколова выдвинулась в театре как исполнительница ряда ведущих партий.

Леокадия Масленникова в роли Татьяны в опере «Евгений Онегин».

Особенно удачными были в ее передаче партии Лизы в «Пиковой даме» и Даши во «Вражьей силе» Серова. Красивый голос, непосредственность и лирическая теплота исполнения, несомненное сценическое дарование — таковы характерные черты творческой индивидуальности артистки.

Огнивцев и Соколова, вышедшие из самодеятельности, не одиноки среди коллектива Большого театра. Достаточно вспомнить Веронику Борисенко — из семьи гомельского рабочего; бывшую работницу галантерейной фабрики Леокадию Масленникову; Евгению Смоленскую, выросшую в семье кузнеца в шахтерском поселке; дочь сельского печника Елену Грибову; Раису Стручкову, вышедшую из рабочей семьи; сына железнодорожного рабочего Ивана Петрова; бывшего грузчика одесского канатного завода Алексея Кривченя и многих других. Заслуженной популярностью пользуются ведущие наши певцы — Сергей Яковлевич Лемешев, по происхождению крестьянин, Александр Иосифович Батурин, бывший шофер, и другие.

Молодежь Большого театра — наша надежда — окружена вниманием и заботой всего коллектива. Лучшие мастера — Е. К. Катульская, М. П. Максакова и другие — вдумчиво и любовно работают с молодыми артистами, делятся с ними своим опытом и знаниями.

Мы стремимся воспитать нашу молодежь в духе высоких традиций русской вокально-сценической школы, традиций реалистического, подлинно народного и глубоко человечного искусства. Изучая классическое музыкальное наследие, молодые певцы знакомятся и с лучшими произведениями советской музыки, запечатлевшими мир образов и идей, которыми живет советский человек.

Текущий сезон—юбилейный для Большого театра: в марте 1951 года театр будет отмечать 175-летие образования в Москве первой русской оперно-балетной труппы, из которой впоследствии вырос наш театр.

В этом сезоне театр будет ставить ряд новых спектаклей. Мы подготовили постановку оперы молодого украинского композитора Г. Жуковского «От всего сердца» на сюжет одноименного романа Е. Мальцева; готовим оперу Ю. Шапорина «Декабристы», детскую оперу «Морозко» М. Красева, балеты «Под знаменем мира» В. Юровского, «Каменный цветок» С. Прокофьева, «Рубиновые звезды» А. Баланчивадзе. Во всех этих спектаклях ответственные партии поручены молодым артистам труппы.

С каждым годом на советскую оперную сцену выходит все больше певцов из гущи народной все теснее становится связь нашего искусства с народом и народным художественным творчеством. Именно этому обязан своим расцветом советский оперный театр. Чудесные народные таланты, которыми из года в год обогащается Большой театр, — залог его дальнейших творческих успехов.

А. В. Нежданова, А. Огнивцев и Н. С. Голованов.

Рождение песни

Д. ВАСИЛЬЕВ-БУГЛАЙ,
заслуженный деятель искусств

На первом слете народных композиторов. Выступление хора русской песни под управлением А. Иванова-Крамского.

Мелодия — это душа песни, как и каждого музыкального произведения. Лучшие песенные мелодии те, что зарождаются в народе. И если потом эти мелодии, чутко вслушиваясь в голос самобытных певцов, подхватывает музыкант, он создает задушевную, близкую к требованиям слушателей музыку.

Первый слет авторов современной народной песни, участников художественной самодеятельности, созванный Всесоюзным домом народного творчества имени Н. К. Крупской, вновь показал, какой богатый родник талантов таится в нашем народе.

В Москву съехались песенники из разных республик и областей нашей Родины: воронежские колхозники и строители, донецкие шахтеры, саратовские студенты, белорусские и пензенские учителя, руководители хоров и кружковцы Эстонии, Украины...

В группе воронежцев были три колхозницы из села Кисляй: Е. Королева, Е. Степанюгина, М. Солопенкова. Они сочиняют и слова и музыку своих песен и сами руководят хорами. Их песни славят расцветшую колхозную жизнь, коммунистическую партию, творца народного счастья великого Сталина.

На слет подруги привезли новые песни. Е. Королева запевает:

Эх, подружка дорогая,
А нам не о чем тужить:
Все колхозы укрупнились,
Еще лучше станем жить.

Две другие подхватывают запев:

Мы работаем ударно,
Не устанем никогда,
Мы колхозные деревни
Превращаем в города.

Песни не только поют, но и играют: Е. Королева поводит плечами, притоптывает ногами в такт пению. Второй голос, или нижний подголосок, ведется другой певицей — и вот песня готова, записана на бумагу и пропета перед микрофоном.

Поются и шутливые, «потешные» песни. В них также слышится радость свободной жизни, вольного, самоотверженного труда.

Другой участник слета, комсомолец Владимир Сыноров, студент физико-математического факультета Саратовского университета, сам записывает мелодию и аккомпанемент. Его песни печатаются в областной газете.

В. Сыноров привез с собой в Москву чудесный хор о «Волге-реке», написанный для исполнения без музыкального сопровождения. В хоре звучит широкая, раздольная волжская мелодия, родственная по манере исполнения известной песне «Ой вы, горы». Каждый голос ведет собственную мелодию (это — народное многоголосье). Хор по форме сжат, лаконичен и гармонически целостен. Нет сомнения, что это произведение будет широко исполняться и войдет в фонд лучших произведений нашего хорового творчества.

В другой песне молодого композитора — «Приволжской» — нашла свое отражение тема покорения природы советским человеком:

Чтобы наши хлеба золотые
Не губили ни ветры, ни зной,
По-над Волгой леса молодые
Нерушимою встали стеной.

«Мир и покой охраняют наши рабочие руки», — пишет Сыноров в третьей своей песне, посвященной теме борьбы за мир.

Участница слета Н. П. Горохова-Симилова — работница марипольского завода, известная на Украине песенница-бытописатель. В ее песнях-сказах встают самые различные по времени события: и ленский расстрел 1912 года, и дни Великой Октябрьской революции, и образ героя-рабочего марипольского завода Мазая, погибшего во время Отечественной войны. Последние, созданные ею на украинском языке произведения — «Песня о мире» и «Песня о Сталине».

Со многими талантливыми людьми довелось нам познакомиться на слете. Подлинно народным характером творчества выделяются и Петр Макиенко — руководитель хора воронежских строителей, — и Павел Шидловский — заведующий сельской избой-читальней в Белоруссии, — и пензенская учительница Е. Медянцева. Интересные песни привезли с собой на слет более двадцати лет проработавший на донецкой шахте П. Дмитриев-Кабанов, москвич К. Князев — старый производственник, в прошлом участник чапаевских походов, — пекарь московского хлебозавода И. Мухин и многие другие.

Самым большим событием на слете было коллективное создание песни-письма товарищу И. В. Сталину. Не подберешь слов, чтобы описать творческий подъем, празднично-приподнятое настроение, сопровождавшее эту работу. Над текстом песни трудился весь состав участников слета. Страстно обсуждались каждая поэтическая фраза, отдельное слово.

Мелодия создавалась двумя параллельно работавшими бригадами, которые соревновались между собой. **Первой из них руководили композиторы Копосов и Массалитинов, второй — композиторы Аксюк, Лобачев и автор этих строк. В результате были созданы две песни: одна — в духе воронежских распевов, другая — в характере городской революционной песни.**

Огромной любовью, горячей благодарностью советских людей к вождю, другу и учителю дышат слова:

Здравствуй, Сталин, отец наш любимый!
Тебя мы приветствуем песней своей.
Народною песней, что сами сложили
В бескрайних просторах колхозных полей.
В песне нашей, широкой и вольной,
Под небом Отчизны поем мы о том,
Как ты нас ведешь по дороге счастливой,
Как все мы богато и дружно живем.
Здравствуй, Сталин, наш друг и учитель!
Живи нам на радость, живи много лет!
Ты с нами повсюду, ты наша надежда,
Ты знамя всех наших великих побед!

Величаво

Здрав-ствуй, Ста-лин, ве-ли-кий и муд-рый При-
вет-ству-ем пес-ней сво-е-ю те-бя, На-
род-но-ю пес-ней, ши-ро-кой и воль-ной Мы
ро-ди-ну сла-вим, мы сла-вим вож-дя.

Отрывок из песни, созданной коллективом народных композиторов.

На первом слете народных композиторов. Слева направо (в первом ряду): колхозница Воронежской области Е. Королева, донецкий шахтер П. Дмитриев-Кабанов, композитор И. Дунаевский, поэт М. Исаковский, колхозница Воронежской области М. Солопенкова, сельская учительница Е. Медянцева.
Фото В. Евграфова

Золотая медаль чемпиона

Фото А. Бурдунова

Владимир КЕДРОВ

НА БЕРЕГУ ЕНИСЕЯ

Когда встречаешь этого невысокого светлоглазого молодого человека с коротко подстриженными «пшеничными» волосами вне беговой дорожки, как-то даже не верится, что это один из сильнейших бегунов мира, чемпион и рекордсмен Советского Союза. Он сдержан в манерах, нетороплив в движениях, и даже типичные для сибиряка черты — массивность, «могутность», выступающая наружу природная сила, — в нем никак не выражены.

Иван Михайлович Семенов родился в небольшом селе Додонове, Красноярского края. Из окон отчего дома открывался величественный вид на широкий Енисей. А за дворами, за гумнами вечно шумела тайга.

В детстве Иван Семенов, чуть выпадет снег, ходил, как и все сибирские ребятишки, на лыжах. Летом купался, нырял на дно за цветными камушками, гонялся за плотами и два раза, забившись под плот, чуть не утонул. Когда немного подрос, стал промышлять зайцев. Увлекательное занятие! В трескучие морозы зайцы прокладывают тут и там в пушистых снегах петлистые, замысловатые тропы. Ваня отыскивал эти заячьи «трассы» и расставлял на них проволочные петли.

Когда Ване исполнилось 12 лет, отец торжественно вручил ему дедовскую двустволку и повел с собой на охоту. Весной подстерегали уток на озерах, осенью — тетеревов на токах. В зимние месяцы отправлялись в глубь тайги и промышляли пушнину. А рыбной ловлей занимались почти круглый год. Все эти занятия считались обычными, повседневными и входили в быт сибирских ребят, как азбука в букварь.

Окончив в родном селе 4-классную школу, Ваня Семенов перешел в семилетку в село Есаулово, отстоявшее от дома за 20 километров. Пришлось переселиться на новое жительство. Обычно додоновские ребята навещали родителей только по большим праздникам. Но Иван не выдерживал столь длительной разлуки и каждую субботу под вечер, плотно запахнувшись в полушубок, уходил домой. Воскресенье он проводил с родными, а в понедельник чуть свет — обратно. Бывало, как заспится, — а сон в такие годы сладкий, беспробудный — вскочит, как встрепанный, — и бегом! Бежал напрямки, по глубокому снегу, по непротоптанной дороге, а то и срезая крюки, по холмам, через овраги. По сути дела, каждый такой еженедельный пробег был хорошим кроссом по пересеченной местности. Важно было не опоздать в школу и «сфиниишировать» у ее крыльца точно, секунда в секунду, по звонку.

После семилетки, проучившись полгода на курсах комбайнеров, Иван Семенов сел за штурвал полевого корабля. Это было гордостью юноши вести умную, сложную машину по бескрайнему пшеничному морю и наполнять потоками отборного золотого зерна закрома родного колхоза имени Сталина. Семнадцатилетний комбайнер работал ладно, споро. В первом же сезоне по-ударному, до срока, убрал все хлеба. Заработал у односельчан авторитет и уважение, и в придачу премии тысячу рублей да бочонок меду.

В начале войны на семью Семеновых обрушился удар. В боях под Ленинградом погиб в рукопашной схватке с гитлеровцами Михаил Федорович Семенов — отец Ивана. Поздней осенью, начисто убрав на родных полях пшеницу, Иван распрощался с матерью и отправился на фронт. Мотоциклист-разведчик, он успешно наступал со своим подразделением в Западной Белоруссии, в авангарде танковой армии прошел всю Польшу, штурмовал Берлин и закончил войну на Эльбе.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Призвание обнаруживается иногда совершенно случайно. Так было с Иваном Семеновым. В дивизии проводили кросс. Бежали спортсмены двух полков, в повседневной военной форме, по пересеченной местности на дистанцию 3 километра. С половины дистанции Семенов, чувствуя, что легко бежит, оторвался от своих однополчан и к финишу пришел первым. Его похвалили. Комсорг батальона лейтенант Рачковский подошел к нему, пожал руку и спросил:

— Раньше когда-нибудь бегал?

Семенов покраснел, смутился и сказал:

— В школу бегал, товарищ лейтенант.

Комсорг принял это за шутку и улыбнулся:

— В школу все мы бегали.

— Разные школы бывают, товарищ лейтенант. Ваша школа, может, через улицу была, а моя — за 20 километров.

И рассказал комсоргу о своих еженедельных кроссах в детстве.

— Молодец! — одобрил лейтенант.— Значит, с детства натренирован.

И Семенов неожиданно для себя попал в число участников армейского кросса.

В кроссе бежало 200 человек. Семенов пришел третьим и получил от командования приз — часы. Это была первая награда, первое признание начинающего спортсмена! На часах была секундная стрелка. Засекая время, Семенов начал регулярно тренироваться в беге. С каждой неделей стрелка на циферблате все больше и больше отставала от его темпа.

Вскоре на очередных армейских соревнованиях молодой сибиряк в беге на 5 километров занял второе место. Это дало ему право участвовать в первенстве группы войск в Потсдаме. Впервые в своей жизни Иван Семенов вышел на дорожку настоящего стадиона, стартовал на глазах у тысяч зрителей. И хотя бежал он неплохо, но в часть свою вернулся,

не получив приза. Это было первым огорчением. И, быть может, другой, менее упорный и настойчивый человек, ущемленный неудачей, навсегда сошел бы с беговой дорожки и бросил занятия спортом. Но Семенов этого не сделал. Поражение не только не охладило его, но, наоборот, распалило в нем страсть к спорту и зарядило новым желанием — во что бы то ни стало научиться хорошо бегать.

Наступила весна 1947 года. На больших армейских соревнованиях Иван Семенов занял второе место.

Спустя месяц, на всевойсковой спартакиаде в Потсдаме, Иван Семенов в стремительном темпе быстрее всех пробежал 5 километров.

ПРЕОДОЛЕНИЕ «МЕРТВОЙ ТОЧКИ»

С весны 1948 года Семенов начинает регулярно, по всем правилам заниматься легкой атлетикой с физруком своей дивизии капитаном Богдановым. Этому своему первому учителю и тренеру Иван Семенов обязан многим. Он поправил технику бега, поставил правильное дыхание, приучил своего ученика к «скоростной выносливости».

Работая с тренером, Семенов постиг важный «секрет» бега на длинные дистанции. Обычно примерно на половине дистанции стайер чувствует, как вдруг ноги его немеют, словно наливаются свинцом, мышцы цепенеют, все тело становится набрякшим, тяжелым, и дыхание как бы пресекается. Это критический момент. Его принято называть «мертвой точкой». В такой момент бегуну кажется, что все силы иссякли, и хочется одного — свалиться на землю и отдохнуть.

Для начинающего бегуна «мертвая точка» бывает роковой и заставляет его сходить с дистанции. Но опытные бегуны хорошо знают эту критическую фазу бега. Усилием воли они мобилизуют все свои импульсы и, раскрыв потаённые резервы энергии, в приливе новых сил, продолжают бег, порой не только не снижая темпа, но и развивая его. Это называется «вторым дыханием».

Иван Семенов изучил его законы и овладел «вторым дыханием».

Результаты учебы сказались в том же году. Участвуя в четырех забегах на всевойсковых

Финиш И. Семенова.

соревнованиях, он всюду оказывался победителем. Четыре забега — четыре первых места! Так еще не бегал ни один спортсмен во всей группе войск.

И вот, наконец, первенство СССР, в Харькове. Исполнилась долгожданная дерзновенная мечта, о которой он не смел поведать даже самым близким фронтовым друзьям. Молодой сибиряк вышел на всесоюзную спортивную арену. В этом матче, где рядом с ним стартовали сильнейшие бегуны страны, Иван Семенов не взял ни одного приза, но «выиграл» нечто большее, что было для него дороже всех призов,— место в Высшей тренерской школе Института физкультуры имени Ленина.

НА ШТУРМ РЕКОРДОВ!

Выступления Ивана Семенова на различных стадионах страны показывают бегуна высшего класса. Его участие в международных встречах — с командой Чехословакии и на фестивале демократической молодежи в Будапеште — приносило победу команде Советского Союза.

От забега к забегу все больше совершенствуется мастерство Семенова. Он наращивает темпы, шлифует, оттачивает технику. Сказывается большая серьезная учеба.

В сентябре 1948 года Иван Семенов выходит на беговую дорожку московского стадиона «Динамо» на розыгрыш первенства СССР. В стремительном темпе, обходя одного за другим своих соперников, он завоевывает первое место и звание чемпиона Советского Союза в беге на 5 километров. А в десятикилометровом беге он уступает только две десятых секунды Феодосию Ванину...

Сразу же после соревнования Семенова потянуло домой, в Сибирь.

Из Красноярска в свое село ехал пароходом. Быстро катит свои могучие воды Енисей. Слева по борту парохода в широких поймах лежат окутанные предвечерней дымкой заливные луга. За ними, на взгорье,— скирды скошенной пшеницы. На крутом, правом берегу, тронутые багрянцем осени шумят лесные чащи. Милая сердцу, родимая сибирская сторонка!..

И глядя на эту ширь, на это приволье, всей грудью вдыхая памятные с детства запахи воды, хвои, листопада и согретых на солнце спелых хлебов, Иван Семенов чувствует, как щемит сердце и как все его существо переполняется до краев звонкой, молодой радостью...

Прасковья Ивановна пристально, не отрываясь, всматривалась в лицо сына. Так обычно после долгой разлуки любящие люди ревниво всматриваются в дорогие черты. Заметила на его груди медаль, взяла в руку и долго разглядывала изображенного на ней бегущего человека. Потом спросила:

— Медная?

— Нет, мама, золотая, — ответил он.

— Золотая?.. — переспросила она.

И сын в немногих словах, как можно проще, стал растолковывать ей, что такое спорт и что означает звание чемпиона Советского Союза. Она слушала, слушала и вспомнила, как Ваня ее мальчишкой, подростком бегал по 20 километров из Додонова в Есаулово.

— Вот это, мама, и есть длинная дистанция. Старт — Додоново, финиш — Есауловская школа. Поняла теперь?..

Осень на Енисее бывает мягкая, золотая. Ясными, хрустальными зорями выходил Семенов в поле. Косил, убирал колхозную пшеницу, работал без устали, в охотку. К вечеру с непривычки сладко ныли плечи, поламывало в лопатках...

Прошел еще год, год усиленных занятий, беспрерывного тренажа и успешных выступлений. Наступил сентябрь 1950 года. На первенство СССР в Киев съехались лучшие бегуны страны.

Теперь, когда прошло уже некоторое время и страсти улеглись и остыли, можно спокойно проследить за событием, ставшим гвоздем спортивного сезона. Даже самые трезвые наблюдатели, самые сдержанные в своей оценке мастера единодушно признают, что история советского легкоатлетического спорта еще не знала более острого и напряженного соревнования стайеров, чем этот замечательный матч на стадионе имени Хрущева в Киеве.

Девятнадцать бегунов вышли на старт. Дистанция 10 тысяч метров — 25 кругов. Летопись отечественных рекордов на этой дистанции кратка, и в краткости этой выражена трудность борьбы на ней за каждый метр, за каждую секунду. 11 лет тому назад братья Серафим и Георгий Знаменские впервые в нашей стране пробежали 10 километров немногим скорее 31 минуты. После этого, спустя три года, Феодосий Ванин улучшил этот рекорд, показав новое время — 30 минут 35,2 секунды. И только через восемь лет, в нынешнем сезоне, Никифор Попов поставил новый рекорд — 30 минут 26,8 секунды. Таким образом, за восемь лет выиграно... восемь секунд!

...Уже с самого старта в том, как равномерно и плавно развернулась цепочка бегунов и как ровно, без заметных рывков, не отставая друг от друга, пошла группа лидеров — Попов, Пожидаев, Казанцев, Савенков, Семенов, Тюленев, Сергеев, Москаченков, — видно было, что борьба обещает быть очень страстной и напряженной. На третьем километре Владимир Казанцев вырывается вперед, обходит Пожидаева и Попова и, взвинчивая темп, отрывается от своих противников на 15 метров. Остальные идут ровно, и только шедший в хвосте Ванин начинает подтягиваться, обходя одного за другим своих противников.

Половина дистанции лидерами пройдена в отличном темпе — 15 минут 09 секунд. На шестом километре Попов, повидимому, не имея желания отдавать Казанцеву свой рекорд, снова вырывается вперед. Темп все время не спадает. И — невиданное дело! — не один, а целая группа бегунов держится вровень, почти не отрываясь друг от друга.

На восьмом километре темп настолько высок, что даже опытный и сильный Пожидаев не выдерживает его и сходит с дистанции. И вслед за этим Феодосий Ванин мощным броском настигает лидеров, обходит их и отрывается на добрых 10—15 метров. Казанцев тоже начинает сдавать. Теперь борьба разгорается между тремя — Ваниным, Поповым и Семеновым. Восемь километров прошли быстрее предыдущего отечественного рекорда на 5,5 секунды! На трибунах встают. Остается три круга. Приближается финиш.

Иван Семенов бежит легко, свободно, дыхание ровное — «мертвая точка» осталась далеко позади. Он чувствует, что имеет достаточный резерв сил, чтобы сделать рывок. И вот он, рывок... Попов отстает. На вираже Семенов нагоняет и Ванина. Прославленный марафонец, почувствовав где-то рядом, совсем близко, дыхание противника, делает попытку оторваться от него, уйти, но Семенов идет рядом, вплотную, почти «в притирку».

В рупоре раздается голос диктора: «Девять десятых дистанции Ваниным пройдены на 11 секунд быстрее существующего!» Трибуны взрываются аплодисментами. Теперь одно из двух: Ванин или Семенов?..

Удар колокола — последний круг. Напряжение достигает наивысшего предела. Семенов уже видит ленточку финиша. Одним молниеносным рывком он обгоняет Ванина и выносится на прямую.

Трибуны стоят, гулом одобрений приветствуя этот замечательный бег. Мощным броском вперед Семенов разрывает ленточку финиша, штурмуя в это мгновение новый выдающийся рекорд своей страны — 30 минут 07 секунд. Время это — одно из наилучших в этом спортивном сезоне во всем мире! Оно почти на 20 секунд меньше времени, до того рекордного в СССР.

Вторым, опоздав только на 2,6 секунды, пришел Феодосий Ванин. Третьим — Владимир Казанцев, четвертым — Никифор Попов. Все четыре советских стайера в одном забеге превзошли прежний рекорд страны.

Тут же, на финише, Ванин, Попов и Казанцев крепко обнялись с Семеновым, и каждый из них братски поцеловал его, поздравив с победой. Потом былые «противники» подняли нового чемпиона страны на руки и под рукоплескания зрителей понесли его по стадиону. Где, в какой стране капиталистического мира можно увидеть такое волнующее, такое истинно человеческое зрелище?

Неприятность

Павел МАКСИМОВ

Рисунки С. Адливанкина

Платон Рогов, председатель Березовского сельсовета, нашел у себя на столе неприятнейшую бумажку. Начал читать, и первая же строка ужалила его в самое сердце. Бросив бумажку, он ухватился за голову:

— Опозорился! Опозорился, Платон Рогов, и нету тебе оправдания. Неграмотный!.. В нашей Березовке!.. Ну, что же, Платон Рогов (тут он язвительно усмехнулся), открывай ликбез, начинай сызнова. Откроешь, а Митяшка Савельев напишет в газету: дескать, в Березовке на тридцать третьем году революции начал функционировать ликбез. Да как я потом в глаза людям взгляну?..

Председатель открыл несгораемый ящик, швырнул в него злополучную бумажку и трижды с ожесточением повернул ключ...

Вошел тучный секретарь совета Наум Ясный. Всю ночь он провозился с архивом, не выспался и казался медлительным, вялым. Но, выслушав неприятную новость, так зашагал по комнате, будто от количества сделанных им шагов зависел благополучный исход дела.

— Один неграмотный! — сокрушался Платон Рогов.— Как его отыскать? Не будешь же всему селу экзамены делать?

— Среди молодежи и людей средних лет искать бесполезно. Надо старичков прощупать. Давай по порядку. Денис Овсянников?

— Денис? Да что ты! Денис брошюру о своем опыте пишет. Вот разве дед Захар?

— Который на пасеке? Или из огородной бригады?

— Ну да, который на пасеке.

— Он же лекции на районном активе читает.

— А тот, что в огородной, вовсе не подойдет: у него ж переписка с учеными из Москвы... Постой! А Федот Калиныч?

— Должно быть, он. В ведомости никогда сам не расписывается. Ребятишек просит. Все говорит: «Очки позабыл».

— Знаем теперь, что за очки. Вызвать Федота. Сам испытывать буду. С особым подходом...

И вот перед столом председателя стоит Федот Калиныч.

— Присаживайтесь, дорогой, — приглашает председатель. — Как вам показалась погодка? Как здоровье?

— Не жалуюсь,— говорит Калиныч и опускается на диван.— Зачем пригласили?

— Дела потом, Калиныч, потом. Отдохнем в приятных разговорах. Да-а... Хороши нынче вечерочки... Не знаю, как вас, а меня этакими лучезарными вечерами поэзия привлекает. Смотрю вот сейчас в окошко, а на уме так и вертится: «Темная ночь, только ветер гудит в проводах...» Или из стихотворения Пушкина: «С тех пор как вечный судия...»

— То не Пушкина,— говорит Калиныч, — то Лермонтова. У Пушкина «Пророк» другими словами изображен.

Калиныч выставил вперед ногу, заложил руку за борт пиджака и начал:

— «Духовной жаждою томим...»

И чем дальше читал Калиныч, тем ниже опускал голову Платон Рогов: «Вот и найди неграмотного... в таких-то условиях!»

Отпустив Калиныча, председатель и секретарь снова стали припоминать березовских стариков.

— Сергей Прохоров? Среднюю школу прошел заочно. Лука Антоныч? Член Всесоюзного общества по распространению... Прямо хоть в детских яслях ищи!

— Голова! — рассердился председатель. — У себя в селе неграмотного не найдешь. А еще секретарь!

— Да ведь я всей душой, Платон Платоныч. Где ж взять?.. Постой! А бабка Коржиха?

— Она, Ясный! Бесспорно, она! Сто лет скоро бабке, годами со двора не выходит...

— А вдруг у нее умственные способности не в порядке? Сто лет все-таки...

— Тогда... постой! Тогда...

Председатель задумался.

Задумался и поник Наум Ясный. Безрадостные картины встали перед ними. Науму Ясному представилось, будто прошла всесоюзная перепись и в списках над фамилией бабки Коржихи стоит убийственное слово — «неграмотная». Списки доходят до Москвы. И какой-нибудь строгий министр нахмурится над этим словом и спросит: «В Березовке? А кто там теперь секретарь сельсовета?» Или, что еще хуже, плохо отзовется о березовских жителях: «Ай-яй-яй!.. Что за люди! Как они допустили?»

Что-то похожее рисовал в своем воображении и Платон Рогов... По березовской улице движется обоз. Человек, сидящий на втором возу, кричит человеку, сидящему на первом: «Евдоким, а Евдоким! А ведь в этом селе есть неграмотный!» Евдоким резко останавливает волов: «Да что ты, Емельян! Вот бы взглянуть!» «На неграмотного?» «Да нет, на председателя». «А чего же на него глядеть, Евдоким? Даже совестно...» «Твоя правда, Емельян. Глядеть на такого — только душу мутить. Опозорил весь район...» И, опустив глаза на дорогу, поторапливают волов...

— Вот что, Платон Платоныч,— сказал секретарь,— отправим Коржиху к дочери в Гончаровку.

— Жульничать! — рявкнул Платон Рогов.— Соседей подводить? Да как вам не стыдно, товарищ Ясный!

— Ну что ж, приобщим бабку к грамоте.— Наум Ясный снова наполнился энергией и начал засучивать рукава: — Посылайте, Платон Платоныч, за Коржихой...

Бабку Коржиху Платон Рогов встретил на крылечке, бережно ввел в кабинет и усадил в председательское кресло.

— Я пригласил вас, Ильинична, для того, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

— Погодите, Платон Платоныч,—прервала Коржиха.—Что вы сейчас сказали? Уж очень знакомые слова...

Подняв глаза к потолку, бабка думала:

— Да, да, как же! Сквозник-Дмухановский из «Ревизора»... Ну, продолжайте, Платоныч.

Но Платон Рогов не мог продолжать. Какой-то тяжелый комок застрял в горле, и, силясь его проглотить, председатель растерянно смотрел на Коржиху...

— Вот что, бабушка... Нам стало известно, что вы... как вам это сказать... ну, что вы... не владеете грамотой.

— Так-так. А откуда ж известно?

— Директива из райисполкома пришла.

— Так-так. И можно на ту директиву взглянуть?

Платон Рогов открыл несгораемый ящик и осторожно, как ядовитейшую змею, извлек бумажку.

Коржиха поднесла директиву к глазам, а Платон Рогов вдруг весело улыбнулся и подмигнул секретарю. Тот подошел ближе, глянул и, хихикнул в кулак: бабка держала директиву «вверх ногами»!..

Платон Рогов стал действовать смелее:

— ...И вот мы решили грамоте тебя обучить.

— Поздненько хватились.—Коржиха как-то загадочно улыбнулась.

— Да ведь невозможно ж иначе. Сама подумай. Проживешь ты еще... лет семнадцать. Пятьдесят лет минует со дня революции, а у нас... неграмотный!

— А кто знать будет? Живу потихонечку. А ежели какая комиссия, могу уехать куда...

И опять эта непонятная улыбка.

— Не в комиссии, мамаша, дело. Душа не вынесет. Понимаешь? Я, как прочел эту самую бумажку, вспотел весь, и до сих пор вот, гляди, рубаха на мне не просохла. А что народ скажет? Мы эту бумажку строго в секрете держим. А огласи — и пойдет в народе волнение...

— Ну, меня обучите,— тут бабка опять загадочно улыбнулась,— а остальных?

— Каких остальных?

— Эх, Платон Платоныч! Сильно ж тебя сразила первая строчка. коли вторую не читал. Гляди! Вот первая строчка: «В вашем селе числится неграмотных один...» А вот вторая: «...надцать подростков и сто два взрослых которые...» А запятой перед «которые» нету...

Ильинична подняла глаза и ахнула. Платон Рогов смотрел на бумажку такими глазами, будто то была вовсе не бумажка, а черная пропасть, в которую его, Платона Рогова, вот-вот столкнут. А в самом углу, бессильно свесив руки, застыл Наум Ясный...

Бабка Коржиха внимательно изучала бумажку. Вдруг лицо Ильиничны просияло. Она поспешно достала очки, перевернула бумажку, что-то прочла в ней, потом, будто не доверяя очкам, сняла их и снова прочла.

— Сюда, Платоныч! Взгляни-ка на штамп.

Три головы склонились над бумажкой...

— Так-ак,— протянул секретарь, засучивая рукава,— выходит, это я ночью с архивом возился и нечаянно обронил.

— Голова! — строго сказал Платон Рогов.— Чего ж ты не подшиваешь бумажки? Сколько раз говорил!..

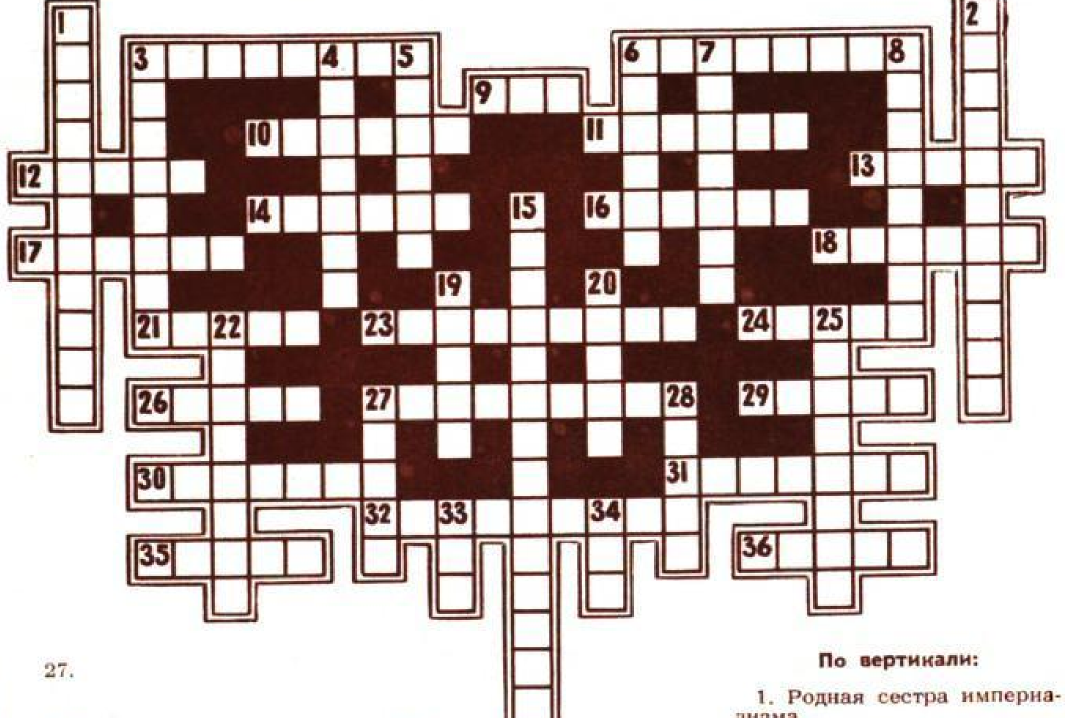
Директива была написана семнадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать четвертого года...

КРОКОДИЛ в гостях у ОГОНЬКА

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Американская марионетка в боннском балагане.
6. Предатель, чья фамилия стала кличкой для предателей с любой фамилией.
9. Слово, которого больше всего боятся поджигатели войны.
10. Птица, преследуемая за антиамериканскую деятельность.
11. Ассенизатор при радиостудии «Голос Америки».

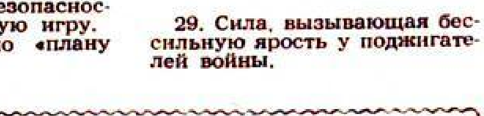

12. «Визит вежливости» в понятии Макартура.
13. То, что есть у аристократа и о чем мечтает лейборист.
14. Работа, проводимая «долларовым большинством» под зданием ООН.
16. Микроскопически малый организм, на который поджигатели войны возлагают тщетные надежды.
17. Дубинка в руках агрессора. Неизменно сгорает на полях России.
18. Миколайчик, Надь Ференц, Михай и т. п.
21. Турецкий вариант Геббельса.
23. Город, название которого связано с документом сторонников мира.
24. Американский представитель в Совете Безопасности, ведущий опасную игру.
26. «Помощь» по «плану Маршалла».

27.

29. Сила, вызывающая бессильную ярость у поджигателей войны.

30.

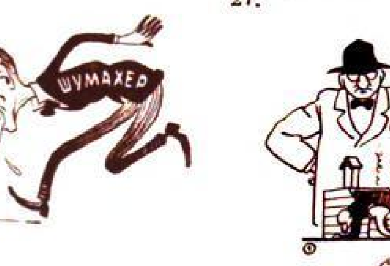
31. Слово, часто встречающееся в американской конституции и полностью отсутствующее в американской жизни.
32. Улица, на которой свили свои гнезда поджигатели войны.
35. Один из спутников «плана Маршалла».
36.

По вертикали:

1. Родная сестра империализма.
2. «Радость» бизнесменов в США в связи с успехами Китайской народной республики.
3. Американские действия в Корее, которым послушное «большинство» в ООН оказало содействие.
4.

5. Певец, чей голос оглушает фашистов.
6. Явление, невозможное в СССР и в странах народной демократии.
7. Нормальное состояние ненормальных руководителей военного министерства США.
8. Осколки разбитого вдребезги.

15. Соучастники агрессии в Корее.
19.

20. Современное американское орудие управления в колониальных и зависимых странах.
22.

25. Хозяйственная деятельность по обороту товаров. Например, ввозится жевательная резинка, а вывозится суверенитет.
27.

28. «Оппозиция» Бевина к Ачесону.
33. Дворняжка в Вашингтоне. Вывезена из Англии.
34. База агрессии в Западной Европе. В отличие от морских, воздушных и прочих баз построена на угле.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Аденауэр. 6. Квислинг. 9. Мир. 10. Голубь. 11. Диктор. 12. Налет. 13. Титул. 14. Подкоп. 16. Микроб. 17. Войско. 18. Падаль. 21. Ялчин. 23. Стокгольм. 24. Остин. 26. Мираж. 27. Форрестол. 29. Народ. 30. Свисток. 31. Свобода. 32. Уолл-стрит. 35. Голод. 36. Налог.

По вертикали:

1. Безработица. 2. Исступление. 3. Агрессия. 4. Ублюдок. 5. Робсон. 6. Кризис. 7. Истерия. 8. Гоминдан. 15. Трюгвелисынман. 19. Кобра. 20. Плеть. 22. Черчилль. 25. Торговля. 27. Фокус. 28. Лесть. 33. Лев. 34. Рур.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 07167. Подписано к печати 31/X—50 г. Изд. № 675. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 2798 Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок художника И. Семенова.

Цена 3 руб.

35